ИЗСЛѢДОВАНІЕ

о

СКОПЧЕСКОЙ ЕРЕСИ.

НАПЕЧАТАНО ПО ПРИКАЗАНІЮ
Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

1844.

1. Общее введеніе.

Гдѣ есть законъ, тамъ и преступленіе закона: это одинаково относится къ уставамъ Церкви и къ уставамъ Правительства Свѣтскаго. Посему отступничества отъ Господствующей Вѣры, тайныя, или открытыя, гласныя, являлись всюду: у Идолопоклонниковъ, у Мусульманъ, а равно и между Христіанами всѣхъ временъ и исповѣданій.

Съ самаго основанія Церкви Христовой, со временъ Апостольскихъ, уже являлись лжеучители, которые, то по непритворному собственному убѣжденію, то изъ видовъ

честолюбія и корысти, обольщая суемудрствованіями своими слабыхъ въ Вѣрѣ, отторгали ихъ отъ нѣдръ истинной Церкви, и, составляя изъ послѣдователей своихъ нерѣдко весьма многочисленныя общества, воспламеняли ихъ изувѣрствомъ и такимъ образомъ дѣлались грозными противниками Церкви. Одни изъ такихъ обществъ, побѣжденныя ревнителями истины, едва родясь, уничтожались; но другія росли и распространялись, не смотря на всѣ усилія, и терзали истинную Церковь на обширныхъ предѣлахъ: Секты Несторіанъ, Монофизитовъ, Евтихіанъ, прожили многія столѣтія и существуютъ донынѣ. Въ числѣ лжеучителей, распространявшихъ свои заблужденія въ видѣ Расколовъ и Ересей, нѣкоторые простирали дерзость свою дотого, что объявляли себя вновь явившимися на землю Мессіями, Искупителями. Уже исторія перваго вѣка Христіанства представляетъ двухъ такихъ Лже–Христовъ: Симона Волхва и Менандра; въ исходѣ VI столѣтія, одинъ безыменный

Лже–Христъ, явившійся въ Галліи, имѣлъ до 3,000 послѣдователей; въ половинѣ XII вѣка, также выдавалъ себя за Христа нѣкто Британскій уроженецъ Евдо или Еонъ, который, живя въ пустыняхъ, нападалъ съ толпами учениковъ своихъ на церкви и грабилъ монастыри; наконецъ въ XVII вѣкѣ, прославилъ себя Лже–Мессія Еврей Шабатай–Цеви, жившій въ Палестинѣ и возмутившій почти всѣхъ своихъ соплеменниковъ, въ томъ числѣ особенно Евреевъ нашихъ нынѣшнихъ Западыхъ Губерній, тогда бывшихъ подъ владычествомъ Польши. Читая исторію сихъ людей, не знаешь чему болѣе удивляться: ихъ–ли дерзости, или безумству тѣхъ, которые ввѣряли имъ свою судьбу. Правда, всѣ они получали воздаяніе, равное ужасной степени своихъ преступленій; но тѣмъ не менѣе примѣръ ихъ былъ заразителенъ, и часто изъ развалинъ одного лжеученія возникали другія нелѣпѣйшія и пагубнѣйшія. Между сими людьми нужно во всякомъ случаѣ различать два рода лжеучителей:

обманщиковъ и обманутыхъ: первые сами не вѣрили тому, чему учили другихъ, а пользовались только ихъ легковѣріемъ для житейскихъ выгодъ своихъ; вторые–же или были обмануты другими, или сами себя обманывали, находясь въ нѣкоторой степени помѣшательства.

Въ Россіи, Христіанская Вѣра, со введенія ея Св. Владиміромъ до второй половины XIV столѣтія, не представляла никакихъ примѣровъ заблужденій и отступничествъ, которые–бы возвысились на степень Сектъ, являлись–бы въ видѣ организованныхъ Ересей и Расколовъ. Есть извѣстіе, что въ началѣ XII вѣка показывался въ Кіевѣ какой–то Армянскій монахъ Мартинъ, который смущалъ народъ проповѣданіемъ нѣкоторыхъ новыхъ обрядовъ, несогласныхъ съ тѣми, кои издревле употребляются въ Православной Восточной Церкви, и именно тѣхъ самыхъ, которые въ послѣдствіи приняты и доселѣ содержатся нынѣшними нашими Раскольниками. Но это зло было подавлено въ корнѣ попечительностію тогдашняго

Митрополита Кіевскаго Константина, который, схвативъ и изобличивъ лжеучителя, отправилъ его въ Царьградъ, гдѣ дерзкій возмутитель церковной тишины осужденъ былъ Патріархомъ на сожженіе. Примѣры открытаго отдѣленія отъ Церкви въ видѣ Сектъ, стали являться въ Россіи гораздо позже; и замѣчательно, что это произошло въ области Новгородской, находившейся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западною Европою чрезъ Ливонію, откуда конечно зло это и навѣялось на землю Русскую. При Великомъ Князѣ Московскомъ Димитріи Іоанновичѣ Донскомъ, возникъ прежде въ самомъ Новгородѣ, а потомъ усилился особенно въ Псковѣ Расколъ такъ–называемыхъ *Стригольниковъ*, главой которыхъ былъ Дьяконъ Карпъ, по–прозванію Стригольникъ. Порицая существовавшій тогда обычай при посвященіи въ Священники давать Архіереямъ плату и подносить имъ при посѣщеніи церквей дары, они учили не признавать Православныхъ Пастырей поставленными

отъ Бога, не чтить пасомую ими Церковь и не почитать дѣйствительными совершаемыя ими Таинства. Расколъ этотъ, не смотря на мѣры принятыя при самомъ первомъ его появленіи, продолжался до временъ Василія Темнаго, при которомъ Митрополитъ Московскій Фотій долженъ былъ ратовать съ нимъ снова, и словомъ, и дѣломъ. Но несравненно пагубнѣйшая язва привезена была въ Новгородъ, при сынѣ Темнаго, Іоаннѣ III, Евреями, прибывшими съ вызваннымъ на Новгородское Княженіе Литовскимъ Княземъ Михаиломъ Олельковичемъ, отъ которыхъ образовалась Ересь *Жидовствующихъ*, въ–послѣдствіи проникнувшая въ Москву и заразившая тамъ множество людей всѣхъ состояній. Еврей Схарія, основатель этой Ереси, училъ, что законъ Моисеевъ есть единственный Божественный, что исторія Іисуса Христа выдумана, что Онъ еще не родился, что не должно покланяться ни Иконамъ, ни Мощамъ, и что умершіе не воскреснутъ. Праведныя кары Правительства, ревностно охранявшаго

чистоту Вѣры въ народѣ, успѣли во–время остановить это чудовищное зломудріе, противное первымъ основаніямъ Христіанства. Ересеначальники и ихъ послѣдователи, преданные церковному проклятію, были частію разосланы по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ въ заточеніе, частію казнены смертію. Вѣроятно, нѣкоторымъ изъ нихъ удалось укрыться отъ заслуженнаго преслѣдованія; но это конечно было въ весьма маломъ количествѣ. По–крайней–мѣрѣ изъ исторіи видно, что съ того времени слухъ объ этой Ереси совершенно замолкъ, да и о другихъ Расколахъ извѣстія прекратились надолго*.

Главнымъ поводомъ къ возобновленію и распространенію Расколовъ въ Россіи въ нынѣшнемъ ихъ видѣ, было исправленіе Церковныхъ Книгъ, предпринятое и совершенное общимъ содѣйствіемъ Духовной Власти и Гражданскаго Правительства, съ цѣлью согласить эти

---

* Въ настоящее время, есть у насъ Секта Жидовствующихъ или Субботниковъ, къ которой, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, во всемъ Государствѣ принадлежатъ обоего пола 4,766 душъ. Впрочемъ, эта горсть заблуждшихся вѣроятно возникла вновь въ наши времена, а не происходить отъ Еретиковъ XV вѣка.

книги, испорченныя въ теченіе вѣковъ невѣжествомъ и небрежностью переписчиковъ, съ подлинниками. Первый приступилъ къ этому важному дѣлу Великій Князь Василій Іоанновичъ; потомъ занимался имъ Іоаннъ Грозный. Но, за недостаткомъ у насъ въ то время людей свѣдущихъ, дѣло это долго не могло имѣть желаемаго успѣха. Совершить сей важный подвигъ предоставлено было Царю Алексѣю Михайловичу. Три Собора созваны были въ его царствованіе съ этою цѣлью, и на нихъ присутствовалъ самъ Царь и Патріархи Никонъ и Іоасафъ; на послѣдній, который извѣстенъ подъ именемъ Великаго Собора (1666), сверхъ–того приглашены были Патріархи Александрійскій и Антіохійскій. Патріархъ Никонъ, вліяніемъ своимъ на Царя, наиболѣе способствовалъ дѣятельному производству и успѣшному окончанію этого дѣла; и потому онъ вообще есть главное лице въ исторіи нашихъ нынѣшнихъ Расколовъ, коихъ истинное происхожденіе должно считать съ этого времени. Люди злонамѣренные успѣли

убѣдить невѣжественный народъ, что въ исправленіи книгъ заключалось измѣненіе самой Вѣры. Чтобы остаться вѣрными, какъ говорили обольстители, святой старинѣ и сохранить въ неизмѣнности истинное благочестіе предковъ, обольщенные отпали отъ Православной Церкви, и, подъ именемъ *Старообрядцевъ*, составили многія отдѣльныя, уже въ самомъ началѣ довольно многолюдныя Общества, преимущественно усилившіяся въ пограничныхъ и дальнихъ частяхъ Государства, какъ, на–примѣръ, на Дону, на Кумѣ, на Уралѣ, въ пустыняхъ Чердынскихъ и Тюменскихъ, на островѣ Соловецкомъ. Самые неистовые изъ нихъ, въ пылу своего изувѣрства провозгласивъ Православную Церковь Еретическою, Никоніанскою, вовсе отвергли происходящее отъ ней Священство, а вмѣстѣ съ нимъ и прочія Таинства Церкви. Между–тѣмъ другіе, не имѣя столько дерзости и нечестія, чтобы отречься отъ Таинствъ, для которыхъ необходимо Священство, рѣшились принимать къ себѣ

Священниковъ, рукоположенныхъ въ Православной Церкви, но не иначе какъ подъ условіемъ проклятія Никоніанъ, какъ называютъ они и донынѣ насъ Православныхъ.

Такимъ образомъ возникли въ Россіи нынѣшніе Расколы въ двухъ главныхъ первоначальныхъ видахъ: *Поповщины* и *Безпоповщины*. Каждый изъ нихъ въ послѣдствіи, развиваясь и распространяясь, подраздѣлился на множество оттѣнковъ: особенно толки Безпоповщины, составившіе себѣ особыя вѣрованія и убѣжденія, вдающіяся иногда въ самыя чудовищныя нелѣпости, изъ коихъ нѣкоторыя носятъ на себѣ отпечатокъ изумительнаго невѣжества, отвратительнаго заблужденія, въ соединеніи съ дикимъ, не только противузаконнымъ, но и противуестественнымъ изувѣрствомъ. Число Раскольниковъ еще болѣе распространилось въ царствованіе Петра Великаго, по поводу разныхъ измѣненій въ старинныхъ обычаяхъ Русскихъ, имъ введенныхъ; тутъ–же изувѣры стали терять мало–по–малу свое чисто религіозное

значеніе, и начали принимать характеръ враждебнаго противу Правительства упорства и ожесточенія. Къ дальнѣйшему умноженію ихъ потомъ весьма много способствовала кротость правительственныхъ противъ нихъ мѣръ въ царствованіе Екатерины II: Раскольники умѣли скрывать свое враждебное Правительству направленіе подъ личиною Вѣры, и имъ дана была не только полная свобода, но даже оказывалось особенное покровительство.

Всѣ отпаденія отъ Вѣры и Церкви вообще раздѣляются на Ереси и Расколы, на томъ основаніи: состоятъ–ли онѣ въ отступничествѣ отъ истинныхъ догматовъ Православной Вѣры, или только въ разности относительно наружныхъ обрядовъ и установленій, сопровождаемой разторженіемъ союза съ Православною Церковью. У насъ смятеніе, произшедшее по поводу исправленія Церковныхъ Книгъ, первоначально носило характеръ только Раскола: ибо состояло главнымъ образомъ въ упорной привязанности къ старымъ

книгамъ, въ которыя, по невѣжеству прежнихъ переписчиковъ, вкралось множество ошибокъ, относящихся исключительно къ внѣшнимъ обрядамъ и постановленіямъ церковнымъ. Но, въ послѣдствіи, оторвавшіеся отъ союза съ Церковью Раскольники, безъ спасительной узды церковнаго управленія, преданные слѣпому, дикому фанатизму, мало–по–малу уклонились въ разныя сумасбродства, не щадившія и догматовъ Вѣры: что, по естественному ходу заблужденій, переходя изъ нелѣпости въ нелѣпость, довело наконецъ нѣкоторыхъ до совершеннаго отпаденія не только отъ Христіанства, но и отъ самыхъ основныхъ законовъ естественной нравственности, лежащей въ основаніи всякой Религіи. Этихъ послѣднихъ должно считать настоящими Еретиками, если еще не хуже, хотя они, по принятому способу выраженія, всѣ заключаются подъ общимъ именемъ Раскольниковъ. Принимая это имя въ обширномъ, всеобъемлющемъ смыслѣ, простирающемся на всѣхъ отщепенцевъ отъ

Православной Русской Церкви, можно нынѣшнихъ Раскольниковъ раздѣлить на слѣдующіе четыре главные разряда.

Къ первому относятся всѣ толки Поповщины, коихъ заблужденіе состоитъ только въ слѣпой, невѣжественной привязанности къ старымъ книгамъ, сопровождаемой непокорностью Православной Церкви, въ слѣдствіе чего они никакъ не хотятъ установленнымъ для Единовѣрцевъ порядкомъ испрашивать себѣ Священниковъ у Православныхъ Архіереевъ, а переманиваютъ къ себѣ бѣглыхъ поповъ, которыхъ нѣкоторые перекрещиваютъ, всѣ–же вообще заставляютъ отрекаться отъ общенія и повиновенія Православной Церкви. Это чистые Раскольники, въ собственномъ смыслѣ слова.

Ко второму принадлежатъ толки, отвергающіе совершенно нынѣшнее Священство, а потому и неимѣющіе тѣхъ Церковныхъ Таинствъ, для которыхъ необходимо дѣйствіе Священниковъ, то–есть Причащенія и Брака. Это Раскольники

злѣйшаго вида, которыхъ должно считать настоящими Еретиками; изъ нихъ нѣкоторые простираютъ свою дерзость до того, что считаютъ грѣхомъ молиться за Царя и вообще не признаютъ законности нынѣшняго порядка вещей и самой верховной власти. Общее ихъ имя есть Безпоповщина.

Затѣмъ слѣдуетъ третій разрядъ отщепенства, который уже болѣе чѣмъ Ересь. Онъ состоитъ въ совершенномъ отчужденіи отъ самыхъ основныхъ началъ Христіанства, въ отверженіи Св. Троицы и самаго Іисуса Христа.

Наконецъ, послѣдній разрядъ составляютъ самыя чудовищныя исчадія фанатизма, противныя даже естественнымъ законамъ природы и человѣчества.

Въ первомъ разрядѣ заключались и заключаются: Вѣтковщина, Андреяновщина, Іосифовщина, Перемазановщина, Епифановщина, Аввакумовщина, Анофріевщина, Аврамьевщина, Сафонтьевщина, Староиконовщина и Кадильники.

Второй разрядъ вмѣщаетъ въ себѣ: Поморянъ, Братовщину, Андреевщину, Иларіоновщину, Нѣтовщину, Пастухово–Согласіе, Новоженовъ, Самокрещенцевъ, Козминщину, Іевлевщину, Нифонтовщину, Досифеевщину, Богомиловъ, Потемковщину, Разиньковщину, Титловщину, Филиповщину, Разстриговщину, Перекрещенцевъ, Иконоборцевъ, Самостригальщиковъ и Массиліянъ.

Къ третьему разряду принадлежатъ: Іудействующіе или Жидовствующіе, иначе Субботники, или запросто Русскіе Жиды; сюдажъ должно отнести и такъ–называемыхъ Молокановъ и Духоборцевъ.

Четвертый разрядъ составляютъ губительные толки, изъ коихъ немногія донынѣ существуютъ; толки, воспламенявшіе народъ разными обольщеніями страдать за Бога, принимать добровольно вѣнецъ мученичества чрезъ самоубійство или самоизуродованіе въ разныхъ видахъ. Таковы: Степановщина, Морельщики, Самосожигатели, Дѣтогубцы,

Сократильщики, Тюкальщики, Спасовщина и наконецъ Скопцы.

Нѣкоторыя изъ сихъ Сектъ въ настоящее время уже исчезли; другія продолжаютъ свое существованіе, и считаютъ въ нѣдрахъ своихъ большое число послѣдователей. Въ гражданскомъ отношеніи можно раздѣлить всѣ толки Раскольниковъ на менѣе вредные и на разрушительные: къ первымъ принадлежитъ почти вся Поповщина, или первый изъ принятыхъ здѣсь разрядовъ; ко вторымъ три послѣдніе изъ поименованныхъ разрядовъ, кои, отложась совершенно отъ всякой Духовной Власти, въ тоже время не признаютъ и Властей Гражданскихъ, ни даже самаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, утверждая, что все, что сдѣлалось на свѣтѣ послѣ 1666 года, происходитъ отъ Діавола и Антихриста. Правда, что всѣ вообще Раскольники, не исключая и Поповщины, признавая себя охранителями древней, истинной Вѣры, въ прежнія времена нерѣдко явно возставали противъ Церкви и Правительства, дѣйствовали съ наглою

дерзостью и, въ слѣпой самоувѣренности, съ преступнымъ упорствомъ отстаивали мнимо–правое дѣло свое, будучи готовы жертвовать всѣмъ для поддержанія своихъ убѣжденій; начальники раскольничьихъ толковъ нерѣдко выступали, какъ открытые мятежники: бытописаніе наше представляетъ тому цѣлый рядъ послѣдовательныхъ примѣровъ, начиная отъ возмущенія Соловецкаго монастыря, Стрѣлецкихъ бунтовъ, Московскихъ мятежей, разбойническихъ злодѣйствъ Разина, Булавина и Пугачева, до незначительныхъ по послѣдствіямъ Самозванцевъ на Дону въ началѣ нынѣшняго вѣка. Но здѣсь должно замѣтить: 1) что многіе изъ сихъ безпокойствъ произведены были не Поповщиной, а Безпоповщиной, особенно позднѣйшіе мятежи; 2) что при нихъ Старообрядство служило большею–частію однимъ только предлогомъ для цѣлей вовсе постороннихъ; 3) что въ настоящее время собственно Старообрядцы, коихъ давно уже не преслѣдуютъ болѣе за ихъ вѣрованіе,

успокоились и не показываютъ болѣе того озлобленія, которое отличало ихъ при самомъ началѣ отпаденія и которое перешло нынѣ въ толки не признающіе ни Духовной, ни даже Свѣтской Власти. Нынѣ собственно Старовѣры или Старообрядцы сдѣлались людьми почти безвредными, потому–что спорятъ только о буквѣ Вѣры, признавая сущность ея на–равнѣ съ Православною Церковью: они упорствуютъ оставаться при всѣхъ ошибкахъ старыхъ Церковныхъ Книгъ и основанныхъ на нихъ уклоненіяхъ отъ истинно–православныхъ обрядовъ, при двуперстномъ сложеніи крестнаго знаменія, при сугубой аллилуіи и т. п.; но въ догматахъ Вѣры не сомнѣваются и таинства Церкви чтутъ свято.

Совсѣмъ не въ томъ видѣ являются прочіе Раскольники, которыхъ вѣрнѣе называть Еретиками. Люди эти, по самой дикости и преступности своихъ заблужденій, обыкновенно немногочисленные, безсильные, съ самаго начала основанія своихъ Согласій и

Толковъ постоянно дѣйствовали чрезвычайно скрытно и всегда шли кривыми путями. Для распространенія и утвержденія лжеученій своихъ, они употребляли средства безнравственныя, противозаконныя, вошедшія такимъ образомъ въ самыя первыя основанія изъ зломудрствованія; а посему, видя въ Духовномъ и Свѣтскомъ Правительствѣ враговъ своихъ, они всегда стараются укрыться и оттогнуться отъ нихъ, не признавая ни Свѣтской, ни Духовной Власти. Всѣ толки ихъ можно соединить подъ однимъ общимъ названіемъ Безпоповщины; ибо всѣ они одинаково не признаютъ и не имѣютъ Священниковъ, и въ слѣдствіе того всѣ отвергаютъ совокупность Церковныхъ Таинствъ, замѣняютъ Православное Богослуженіе нелѣпыми, часто отвратительными обрядами, и, не допуская никакой власти, кромѣ Божіей, повинуются Правительству наружно, тамъ только, гдѣ противоборствовать не въ силахъ. Послѣдователи этихъ въ полномъ смыслѣ

Еретическихъ Толковъ, по духу своему враждебные Вѣрѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются враждебными и уставамъ гражданскимъ, смѣшивая эти два вовсе различныя понятія. Они говорятъ, что съ 1666 года, то–есть со времени окончательнаго исправленія книгъ, всѣ земныя власти Богомъ упразднены, а господствуетъ одно беззаконіе, Діаволъ или Антихристъ; къ несчастію, число 666, находящееся въ цифрѣ этого года, есть таинственное, апокалипсическое, что еще болѣе утверждаетъ невѣждъ въ ихъ изувѣрствѣ. Составляя отдѣльныя братства среди гражданскаго общества и находясь въ непрерывныхъ и непріязненныхъ столкновеніяхъ съ государственными установленіями и властями, эти виды Раскольниковъ все болѣе и болѣе утрачивали свои духовныя цѣли, такъ–что въ настоящее время религіозное разномысліе служитъ имъ только предлогомъ, на дѣлѣ же члены сихъ Братствъ или Согласій, увлекаемые страстями и личными выгодами,

смѣшиваютъ свои религіозныя и гражданскія отношенія, и, укрываясь наружно одною личиною Вѣры, дѣлаются нетерпимыми въ нѣдрахъ гражданскаго общества возмутителями, коихъ одно только безсиліе удерживаетъ еще въ извѣстныхъ границахъ.

Таинственность, которою прикрываютъ себя послѣдователи Ерестическихъ Расколовъ, дѣлаетъ почти невозможнымъ не только разъясненіе и подробное изслѣдованіе ихъ лжеученія со всѣми его оттѣнками по различнымъ Толкамъ или Кругамъ, но даже и самое приведеніе въ извѣстность числа сихъ Круговъ или Согласій. Судя по безпрестанно вновь дѣлаемымъ случайно открытіямъ разныхъ новыхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ Сектъ, едва–ли можно ошибиться, предположивъ число ихъ достигающимъ до сотни. Разумѣется разницы между ними не значительны: особое толкованіе какого–нибудь слова, особый обрядъ большею–частію въ сущности совершенно–ничтожный; но тѣмъ не менѣе, каждая такая Секта носитъ

особое названіе, имѣетъ своего основателя, своихъ учителей, и составляетъ отдѣльное Братство. Всѣ эти секты, и въ отношеніи религіозномъ, какъ уклоненія отъ чистоты истинной Вѣры, требуютъ всевозможныхъ попеченій о просвѣщеніи и вразумленіи принадлежащихъ къ нимъ заблуждшихъ или вовлеченныхъ въ гибельное заблужденіе. Если же взять во вниманіе, что съ вѣрованіями своими они соединяютъ обыкновенно ненависть и презрѣніе ко всѣмъ прочимъ Христіанамъ, считая ихъ своими врагами, *гнѣздищемъ сатанинымъ и бѣсовъ его прескверным дворищемъ*, что, по ихъ мнѣнію, нынѣ бракъ *отъяся и запретися*, что о умноженіи рода человѣческаго теперь *промышляетъ Сатана*, что отъ лѣта по Р. Х. 1666 все начальственное и правительственное устройство Государства и самая установленная Богомъ Царская Власть, *за искаженіемъ образа Божія богомерзкимъ брадобритіемъ*, упразднилась и наступило царствованіе Антихристово: то нельзя не согласиться, что люди эти суть враги

гражданскаго и политическаго спокойствія Государства и что раскрытіе тайныхъ началъ ихъ ученія, разъясненіе ихъ вѣрованій, съ открытіемъ дерзкихъ невѣждъ, питающихъ слабоуміе простаго народа до такой степени безсмысленными и опасными бреднями, есть дѣло достойное полнаго вниманія и всей дѣятельности тѣхъ, кому вручено пещись о цѣлости и благоденствіи Государства, что необходимо разоблачить дѣло, укрывающееся подъ благовидною личиною Вѣры, и искоренить его, не давъ созрѣть и развиться въ силахъ.

2. Происхожденіе Скопцевъ.

Въ числѣ такихъ зловредныхъ изувѣровъ, по всей справедливости, одно изъ первыхъ мѣстъ должны занять послѣдователи Секты Скопцевъ, которые, съ противнымъ природѣ наружнымъ изуродованіемъ своего тѣла, соединяютъ тайное ученіе, самое сумазбродное, какое когда–либо существовало.

Начало Скопчества кроется въ глубокой древности, и едва–ли возможно съ опредѣлительностію означить ту эпоху, съ

которой оно начало впервые появляться. Извѣстно только, что колыбелью этого варварскаго изуродованія человѣческой природы была Азія. Тамъ оно безъ сомнѣнія было первоначально порождено обыкновеніемъ многоженства, существующимъ и понынѣ у восточныхъ народовъ. Кто, какъ не Евнухъ, могъ вѣрнѣе оберегать гаремы отъ внѣшнихъ дерзкихъ попытокъ, не возбуждая притомъ самъ въ душѣ повелителя ревнивыхъ опасеній своею собственною личностію? Восточные повелители по этой причинѣ для прислуги въ гаремахъ и вообще во внутреннихъ покояхъ своихъ обыкновенно употребляли Скопцевъ; вельможи подражали повелителямъ. Въ древности и Израильтяне не были чужды этого варварства: Скопцы были и у нихъ между слугами Царскими. Впрочемъ у этого народа, опередившаго всѣ другіе народы нравственнымъ и религіознымъ образованіемъ, Скопчество не только не считалось уважительнымъ, но напротивъ подвергалось презрѣнію и отверженію,

противъ чего находятся увѣщанія въ Священномъ Писаніи, возбуждающія снисхожденіе и состраданіе къ этимъ несчастливцамъ. Сюда относятся слѣдующія слова Пророка Исаіи (гл. LVI. ст. 3–6): «*И да не глаголетъ каженикъ, яко азъ есмь древо сухо. Сія глаголетъ Господь каженикомъ: елицы сохранятъ субботы моя, и изберутъ, яже азъ хощу, и содержатъ завѣтъ мой, дамъ имъ въ дому моемъ и во оградѣ моей мѣсто именито, лучшее отъ сыновъ и дщерей, имя вѣчно дамъ имъ и не оскудѣютъ.*» Здѣсь Пророкъ очевидно обращается къ насильственно оскопленнымъ Евнухамъ и утѣшаетъ ихъ ободреніемъ, что и они, не смотря на изуродованность, исключающую ихъ изъ числа людей, при добрыхъ дѣлахъ и истинной вѣрѣ не должны отчаяваться въ своемъ спасеніи.

Этотъ варварскій обычай, порожденный ревностью и деспотизмомъ Азіятскаго Востока, перешелъ къ Римлянамъ при основаніи Имперіи, соединившей Европу съ Азіей; въ особенности же усилился по

перенесеніи столицы Имперіи въ Константинополь. При Дворѣ Константинопольскомъ, въ самые просвѣщенные вѣка Греческой Имперіи, разные придворные сановники и множество слугъ были постоянно изъ Скопцевъ. Люди эти, будучи чужды другихъ страстей, всю дѣятельность свою сосредоточивали въ необузданномъ честолюбіи, достигали верха искусства въ придворныхъ проискахъ и пронырствами своими нерѣдко достигали высшихъ степеней въ государственномъ управленіи. Таковы были извѣстные въ Исторіи Византійской Евнухи: Антіохъ, Евтропій, Нарсесъ; послѣдній, извѣстный полководецъ, знаменитый возвращеніемъ Италіи отъ Готѳовъ подъ власть Императоровъ. Замѣчательно, что и свойства нынѣшнихъ Скопцевъ совершенно тѣже: корысть, а потомъ честолюбіе и властолюбіе въ своемъ кругѣ, составляютъ единственныя ихъ страсти.

Въ послѣдствіи, въ Византіи оскопленіе обращено было въ политическую казнь, падавшую на знатныхъ царедворцевъ, или

царскихъ родственниковъ, какъ–скоро они были опасны Правительству, особенно при нерѣдко случавшемся тамъ переходѣ короны отъ одной династіи къ другой. Такъ Императоръ Левъ Армянинъ, вступивъ на престолъ, оскопилъ Ѳеофилакта, сына бывшаго Императора Михаила, а потомъ похитившій у него престолъ Императоръ Михаилъ оскопилъ его четырехъ сыновей. Изъ оскопленныхъ такимъ образомъ важныхъ и достойныхъ людей, нѣкоторые бывали въ послѣдствіи Патріархами Константинопольскими, на–примѣръ: Германъ, сынъ Іустина Патрикія; Игнатій, сынъ Императора Михаила Ранкавея, и другіе.

Все это однако было чуждо религіознаго значенія, которое Скопчество присвоиваетъ себѣ у насъ въ настоящее время. Впрочемъ и это значеніе также относится къ глубокой древности, и имѣетъ колыбель свою въ Азіи, странѣ фанатизма и всякаго рода сумазбродствъ, совершаемыхъ во имя Религіи. Отношеніе Скопчества къ Религіи всегда и вездѣ происходило отъ ложныхъ

**понятій о самоумерщвленіи, о восторжествованіи духа надъ плотію. Таковы находящіеся донынѣ въ Индіи изувѣры, оскапливающіе себя изъ угожденія Божеству. Таково конечно было происхожденіе древнихъ жрецовъ Цибелы, состоявшихъ изъ Евнуховъ. Въ Христіанствѣ это несчастное заблужденіе проистекло отъ тогоже ложнаго взгляда на заповѣдь о самоумерщвленіи, которому изувѣры по–несчастію отъискали подкрѣпленіе въ ложно–понимаемомъ извѣстномъ изреченіи Іисуса Христа о скопцахъ: «*Суть скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако; и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ; и суть скопцы, иже исказиша сами себе, царствія ради небеснаго*» (Матѳ. гл. XIX. ст. 12). Слова сіи, произнесенныя Спасителемъ по поводу лжеученія Фарисеевъ о разводѣ, въ защищеніе противъ нихъ святости и необходимости брака, очевидно относятся къ скопчеству духовному, къ цѣломудрію и воздержанію, какъ доказываютъ слѣдующія за тѣмъ слова: «*могій вмѣстити, да*

***вмѣститъ*!»** то–есть: могущій исполнить или выдержать добровольное отреченіе отъ брака, да воздержится! Но нѣкоторыя разгоряченныя головы стали понимать ихъ буквально.

Это несчастное лжетолкованіе обнаружилось у Христіанъ въ первыхъ вѣкахъ образованія Церкви. Но и Церковь въ тожъ самое время возстала всею своею силою противъ столь нелѣпаго и пагубнаго заблужденія. Всѣ, подвергавшіе себя скопческому изуродованію, постоянно исключались изъ числа истинныхъ Христіанъ, подвергались отлученію отъ Церкви, и только, развѣ по принесеніи искренняго покаянія и исполненіи тяжкой эпитиміи, опять были принимаемы въ нѣдра общенія церковнаго. Но не было и примѣра, чтобы кто–нибудь изъ самоскопителей возведенъ былъ въ санъ Священническій, кромѣ одного Оригена (родился въ Александріи въ 185, а умеръ въ Тирѣ въ 254 году по Р. Х.), коего замѣчательныя личныя достоинства заставили сдѣлать въ его пользу снисходительное исключеніе. На

оскопленныхъ невольно, это осужденіе не распространялось по невинности лицъ, подвергшихся изуродованію. Оттого, какъ было уже замѣчено, въ Греческой Церкви бывали и бываютъ донынѣ изъ невольныхъ Скопцевъ, не только Священники, но и высшіе Церковные Сановники. Между–тѣмъ Церковь Римская не допускаетъ издревле и этого снисхожденія: она даже ставитъ это въ упрекъ Греческой Церкви.

Сначала подобные Скопцы являлись одиночно, или вообще не составляли обществъ значительныхъ, которыя существовали–бы въ видѣ особой религіозной секты, съ своими учителями, уставами и вѣрованіями. Первый образовалъ такое общество Аравитянинъ Валерій, жившій около 250 года по Р. Х. Онъ былъ одинъ изъ учениковъ и послѣдователей Оригена. Начальствуя своимъ братствомъ или согласіемъ, онъ постепенно увеличивалъ его, то склоняя лестію и обманомъ къ добровольному оскопленію и вступленію въ ересь, то прибѣгая даже, при благопріятныхъ

обстоятельствахъ, къ насильству, точно какъ дѣлаютъ и нынѣшніе Скопцы. Такимъ образомъ истинное начало Скопческой Ереси, въ видѣ Секты, должно отнести къ этому времени, и Валерій есть первый ея образователь. Вселяя въ послѣдователей своихъ фанатизмъ, онъ положилъ Сектѣ прочное основаніе, такъ–что даже строгія узаконенія Императоровъ Константина и Юстиніана, грозившія оскопителямъ и самоскопителямъ смертной казнью и конфискованіемъ имѣнія, не могли достигнуть совершеннаго ея искорененія. Число Валеріанъ увеличивалось значительно и невольными Евнухами, которые, по неспособности къ жизни общественной и по всеобщему къ нимъ презрѣнію, находили свои выгоды присоединяться къ Сектѣ, составленной изъ подобныхъ имъ уродовъ. Валеріане впали потомъ въ разныя другія ереси; и, подъ разными наименованіями, съ разными видоизмѣненіями, ихъ безобразное лжеученіе дошло наконецъ до нашихъ временъ. Не льзя по–крайней–мѣрѣ

утверждать, чтобы Скопчество, какъ Секта, возникло въ послѣдствіи вновь, безъ всякаго преданія о своихъ предшественникахъ.

Ересь, подобная Скопческой въ наружныхъ обрядахъ богомоленія, соединенныхъ съ пророческими провѣщаніями, въ XIV вѣкѣ появилась–было въ Нидерландахъ; но въ ней не было главнаго внѣшняго отличія собственно Скопцевъ, то–есть оскопленія. Вообще, Секты, вѣрующія въ непосредственное наитіе Духа Святаго на ихъ членовъ, кои пророчествуютъ или говорятъ боговдохновенныя рѣчи, въ послѣднее время распространились значительно въ Западной–Европѣ, и теперь особенно усилились въ Сѣверной–Америкѣ; онѣ имѣютъ то сходство съ нашими нынѣшними Скопцами, что во время богомоленія производятъ усиленныя тѣлодвиженія, доводящія ихъ до изступленія.

У насъ въ Россіи, первые Скопцы являющіеся въ исторіи, были два Митрополита Кіевскіе: Іоаннъ и Ефремъ,

оба родомъ Греки, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ концѣ XII вѣка. Первый изъ нихъ, вывезенный изъ Греціи Княжною Анною Всеволодовною въ 1089 году, былъ принятъ Кіевлянами за «мертвеца» (*навье*, какъ сказано въ Лѣтописи); стало–быть, возбудилъ къ себѣ отвращеніе и ужасъ, что даетъ поводъ заключать о необыкновенности Скопцевъ до того времени въ Россіи. Впрочемъ, ни тогда, ни послѣ, нѣтъ никакихъ признаковъ въ исторіи о существованіи у насъ Скопчества въ видѣ Секты. Первый слухъ о нихъ въ этомъ видѣ относится къ началу прошлаго вѣка. Въ Ростовской Епархіи, въ Углицкомъ Уѣздѣ, въ 1715 году захвачены были какіе–то еретики, коихъ ученіе походило на Скопческое. Затѣмъ, въ 1717 году, пойманъ тамъже отставной Московскій Стрѣлецъ Прокопій Лупкинъ, съ товарищами, 20 человѣками обоего пола, коихъ онъ былъ учителемъ. По изслѣдованію открылось, что въ тайныхъ сонмищахъ своихъ Лупкинъ называлъ себя Христомъ, а нѣкоторыхъ послѣдователей

своихъ Апостолами, причащалъ ихъ ломтиками хлѣба, проповѣдывалъ наступленіе царства Антихристова и послѣдняго времени міра; молитвы у нихъ сопровождались пляской, на которую *подымало ихъ*, какъ они говорили, Духомъ Святымъ, а нѣкоторымъ Духъ же Святый сообщалъ даръ Пророчества. Къ этой Сектѣ, кромѣ Угличанъ, принадлежали многіе и изъ жителей другихъ уѣздовъ, но какъ видно, ихъ при слѣдствіи не открыли. Въ такомъже духѣ было открытое въ царствованіе Анны, въ 1733 году, въ Москвѣ скопище, по доносу какого–то разбойника Караулова. Оно состояло изъ 78 лицъ обоего пола, которые, собираясь тайно, пѣли собственнаго сочиненія молитвы, плясали попарно, взявъ напередъ благословеніе у предсѣдателя общества или учителя, бичевали себя, пророчествовали, хулили бракъ законный, запрещали послѣдователямъ своимъ жениться, а женатымъ приказывали разводиться; причащались также ломтиками калача, ругаясь надъ истинными Св. Тайнами;

крещеніемъ называли пріобщеніе къ ихъ обществу и участіе въ ихъ богомоленіи, утверждая, что симъ именно способомъ и всѣ древніе угодники заслужили спасеніе и святость; но для сокрытія своей ереси, не запрещали исполнять наружно обряды и таинства Православной Церкви; всякаго вновь пріемлемаго обязывали клятвой соблюдать ученіе ихъ въ тайнѣ; послѣ молитвъ и пляски, обыкновенно все собраніе тутъже проводило ночь, оба пола вмѣстѣ, предаваясь свободно всякаго рода распутству, такъ–что многія изъ участницъ рожали даже дѣтей, въ томъ числѣ одна изъ главныхъ наставницъ Ереси, Старица Ивановскаго Московскаго Дѣвичьяго Монастыря, въ которомъ происходили и самыя эти собранія. Открытые члены этой Секты были схвачены и частію казнены смертію, частію наказаны и сосланы. Хотя при всѣхъ сихъ случаяхъ не найдено, чтобы въ ученіе сектантовъ входило оскопленіе, какъ необходимый догматъ, но сравнивая духъ ученія ихъ съ духомъ ученія нынѣшнихъ Скопцевъ, нельзя не убѣдиться,

что это было если не собственно Скопческая Ересь, то безъ всякаго сомнѣнія Хлыстовщина или Христовщина, которая и теперь составляетъ первую, такъ–сказать вступительную степень Скопчества и его основаніе. Въ то время Секту эту называли *Квакерскою*. Развиваясь и распространяя бредни лжеученія своего, Ересь эта въ послѣдствіи, вѣроятно изъ фанатизма, присоединила къ догматамъ своимъ то изувѣрское самоизуродованіе, которое составляетъ отличительный наружный признакъ собственно Ереси Скопцевъ. Старица Настасья, Старецъ Петровскаго Монастыря Тихонъ и другіе начальники Квакерской Секты, объявили при слѣдствіи сами, что дурачили легковѣрныхъ, выманивая у нихъ подъ разными предлогами деньги. Въ числѣ Старицъ, сосланныхъ по сему дѣлу въ Тобольскій (Введенскій, близъ Успенскаго Долматова) Дѣвичій Монастырь, была разстриженная Старица Ивановскаго Московскаго Монастыря *Акулина Иванова*:

имя важное въ исторіи Скопческой Ереси, какъ увидимъ ниже.

3. Распространеніе Скопчества, какъ Секты.

Такимъ образомъ, если не происхожденіе, то по–крайней–мѣрѣ распространеніе Скопчества, какъ Еретической Секты, усиленіе и пріобрѣтеніе ею нѣкоторой самостоятельности, безспорно должно отнести только къ царствованію Императрицы Екатерины II, или даже и къ позднѣйшему времени: тому доказательствомъ служитъ и основной догматъ ученія этой Ереси, признающей основателемъ и главой своей блаженной памяти Императора Петра III, какъ показано будетъ ниже. Снисходительныя мѣры въ царствованіе Екатерины II противъ Раскольниковъ вообще, когда имъ отводились богатыя земли для поселенія, дали возможность усилиться и Ереси Скопцевъ; а кротость Александра, даровавшаго имъ всепрощеніе*, еще болѣе

---

* Скопцамъ въ С.–Петербургѣ было дозволено, чрезъ Милорадовича, собираться въ моленныхъ своихъ и молиться по своему обряду.

способствовала къ размноженію Еретиковъ, давъ имъ дерзость думать или по–крайней–мѣрѣ увѣрять въ томъ соблазняемыхъ, что они пользуются тайнымъ покровительствомъ самаго Императора. Укоренившаяся и развившаяся подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ Ересь, въ настоящее время разлила ядъ своего ученія на большое пространство, и число послѣдователей ея растетъ съ каждымъ годомъ такъ, что они теперь гнѣздятся во всякомъ городѣ, сколько–нибудь значительномъ по торговлѣ и представляющемъ удобства къ происскливымъ корыстнымъ оборотамъ, главной цѣли этихъ отщепенцевъ общества, чуждыхъ всѣхъ священныхъ связей между прочими людьми. Въ иныхъ мѣстахъ, Скопцы составляютъ Братства или Круги изъ десятковъ и даже сотенъ человѣкъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ этой Ересью заражены цѣлыя волости и уѣзды. Огромные капиталы, находящіеся въ рукахъ нѣкоторыхъ старшинъ Скопческаго Общества, даютъ имъ возможность съ

легкостію пріобрѣтать новыхъ собратовъ, дѣйствуя на легковѣрныхъ обѣщаніемъ обильной жизни и довольства, богатства и почестей, и привлекая неопытные умы прелестью таинственности сумазброднаго ученія.

4. Вредность Скопческой Ереси.

Уже одно противное человѣческой природѣ самоизуродованіе, составляющее необходимый наружный символъ присоединенія къ Скопческому Братству, должно дѣлать сію Секту вредною для всякаго общества. Но въ послѣднее время открылось, что оскопленіе есть только внѣшняя личина, подъ которою укрывается особое ученіе, съ своими понятіями, правилами, мечтами и надеждами: ученіе нелѣпое, отвергаемое не только Вѣрою, но и здравымъ смысломъ и самою природою, посему возбуждающее справедливыя опасенія не только въ отношеніи ненарушимости чистоты Православія, но и вообще тишины и спокойствія Государства. У Скопцевъ свѣтскія и житейскія отношенія дотого спутаны съ духовными, что самая

основа ученія ихъ, какъ увидимъ ниже, вовсе утратила духовное начало, а обращается преимущественно на политическіе предметы.

5. Лжетолкованія Св. Писанія Скопцами.

Религіознымъ основаніемъ Скопчества въ Христіанствѣ былъ, какъ уже сказано выше, неправильно понимаемый смыслъ изреченія Спасителева о скопцахъ, *иже исказиша сами себе царствія ради небеснаго* (Матѳ. гл. XIX ст. 12). Къ сему присоединяется изувѣрами другое, также ложно толкуемое изреченіе Спасителя (Матѳ. гл. V. ст. 23–30): «*Аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е, и верзи отъ себе; и аще десная рука твоя соблазняетъ тя, усѣцы ю, и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое вверженo будетъ въ геенну огненную.*»

Есть еще неправильный переводъ, сдѣланный самими Скопцами, одного изъ мѣстъ Апокалипсиса: «*Когда одно лоно возбудится, то и другое воспалится; нѣтъ другаго врачеванія, какъ взять мечъ, да и*

отсѣчь». Такимъ образомъ, слова Священнаго Писанія, которыя должно понимать въ переносномъ, духовномъ смыслѣ, были поняты Скопцами буквально и приняты, какъ необходимое условіе спасенія: условіе, безъ коего человѣкъ, обуреваемый плотскими страстями, никогда не сподобится наградъ, обѣщанныхъ праведникамъ. Увлеченные своимъ заблужденіемъ, они оскопленіе называютъ ***искупленіемъ***, утверждая, что это одно и тоже; называютъ его также ***огненнымъ крещеніемъ***, почитая исключительнымъ путемъ, чтобы пріобщиться къ истинной Христовой Церкви и наслѣдовать вѣчное спасеніе. Причина, почему оскопленіе называется у нихъ ***огненнымъ крещеніемъ***, заключается отчасти въ ложномъ примѣненіи словъ Предтечи Іоанна, свидѣтельствовавшаго, что крещеніе совершается ***Духомъ Святымъ и огнемъ***, а отчасти и въ томъ, что, по ихъ словамъ, оно прежде было производимо посредствомъ отжиганія ядеръ раскаленнымъ желѣзомъ.

6. Способъ оскопленія.

Въ настоящее время, у нашихъ Скопцевъ, операція оскопленія совершается просто: посредствомъ отсѣченія *удесныхъ близнятъ*, какъ называютъ они сѣменныя ядра, долотомъ, ножемъ или другимъ острымъ орудіемъ, послѣ предварительной, крѣпкой перевязки мошонки тонкой ниткой или веревочкой. Для этого бываетъ у Скопцевъ обыкновенно особый мастеръ, или операція возлагается на первенствующаго въ кругѣ учителя. Скопцы сами расказываютъ, что операція оскопленія не всегда оканчивается удачно: многія жертвы обмана или изувѣрства умирали на мѣстѣ, исходя кровью; другіе подвергаются продолжительнымъ страданіямъ, воспаленіямъ, умирая нерѣдко отъ послѣдствій его. Жегало и кой–какія мази и примочки, составляютъ обыкновенное средство для остановленія кровотеченія, иногда весьма значительнаго; перевязки жилъ, они кажется никогда не дѣлаютъ: такъ, на–примѣръ, по дѣлу объ открытыхъ въ 1822 году въ Курской Губерніи Скопцахъ, найдены у нихъ даже

на ляшкахъ глубокія раны отъ неосторожнаго обожженія раскаленнымъ желѣзомъ, коимъ они старались остановить кровотеченіе. Есть много примѣровъ, особенно между солдатами и матросами, что люди эти изъ чистаго изувѣрства, оскопляли себя сами и въ безчувственномъ положеніи приносимы были въ госпитали и больницы: они дѣлали это ножемъ, бритвой и даже топоромъ, и притомъ иногда въ водѣ, во время купанья. Впрочемъ, какъ многіе на себѣ испытавшіе раскаявшіеся Скопцы утверждаютъ, посредствомъ отнятія ядеръ не вполнѣ достигается цѣль умерщвленія плоти; вожделѣніе не вовсе уничтожается, и оскопленные, особенно въ молодости, не лишаются способности совокупленія: только это происходитъ безъ изліянія и съ долговременнымъ напряженіемъ до крайняго всеобщаго изнеможенія. По помянутому выше Курскому дѣлу обнаружилось положительно, что однодворецъ Аннилоговъ, скопецъ состоявшій уже подъ судомъ и отданный на покаяніе, жилъ въ

незаконной связи съ однодворческою дѣвкою. Въ подобномъ обстоятельствѣ, подтверждающемъ причину казни нѣкоторыхъ Евнуховъ, стражей гаремовъ на Востокѣ, удостовѣряетъ между прочимъ Штабсъ–Капитанъ Созоновичъ, сосланный за принадлежность свою къ Скопческой Ереси въ Соловецкій Монастырь; тоже говоритъ Архимандритъ Соловецкаго Монастыря Досиѳей Нѣмчиновъ, получившій свѣдѣнія эти отъ самихъ Скопцевъ. Святый Василій Великій, опровергая Скопчество, какъ Ересь, опирающуюся на лжетолкованіи Евангелія, говоритъ также о Скопцахъ, что въ возмужаломъ возрастѣ въ нихъ сильнѣе и необузданнѣе дѣйствуетъ немощное любострастіе и что они даже иногда бываютъ въ плотскихъ похотяхъ развратнѣе другихъ людей. Главный наставникъ нашихъ Скопцевъ, Селивановъ, былъ тогоже мнѣнія, какъ видно изъ приложеннаго къ сему его «Посланія къ Дѣткамъ», въ коемъ онъ наказываетъ братіямъ избѣгать близкихъ сношеній съ

сестрами, потому–что это возбуждаетъ *лѣпость*. Посему для окончательнаго уничтоженія способности къ половому совокупленію, Скопцы совершаютъ надъ собой вторичную операцію, состоящую въ отъятіи самаго ствола, что и называется у нихъ *полнымъ крещеніемъ*, или наложеніемъ на себя *царской печати. Созоновичъ говоритъ, что, бывши прежде того уже скопцемъ, онъ въ Соловецкомъ Монастырѣ произвелъ надъ собой эту вторую операцію и подвергнулъ ей другихъ изъ своихъ собратій, по принятому имъ тамъ на себя званію учителя и по ревности къ цѣломудрію, къ полному сохраненію котораго дотого они не чувствовали себя способными. Обычай этотъ нынѣ распространяется у Скопцевъ, и въ новѣйшее время операція была иногда совершаема прямо отсѣченіемъ вдругъ и ядеръ и ствола. Утверждаютъ, что неполные, то–есть не возложившіе на себя *царской печати* Скопцы, не лишаясь чрезъ**

* ***Печатью первою*** **называется у Скопцевъ, какъ увѣряютъ, собственно оскопленіе;** ***второю*** **или** ***царскою*** **– отрѣзаніе ствола; а** ***третьею*** **– раздѣленіе, при всѣхъ обрядахъ обоихъ половъ, кои не должны смешиваться.**

оскопленіе плотскихъ половыхъ вожделѣній, но будучи не въ состояніи оплодотворять, въ нѣдрахъ скопищъ своихъ предаются съ полной свободой всѣмъ крайностямъ распутства, попирая святость родственныхъ узъ и даже самые законы природы, избирая въ послѣднемъ случаѣ для себя въ друзья и сожители молодыхъ и благообразныхъ юношей своей Секты, съ которыми они имѣютъ тогда, все общее: столъ, ложе, домъ и имущество. Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ одинъ арестантъ Соловецкаго Монастыря, нѣкто Кудиновъ, знавшій всѣ тайны Скопчества въ подробности: «они, говоритъ онъ, плотоугодію, сладострастію и мамону, служатъ какъ своему идолу, говоря, что брачные гости не постятся, когда съ ними женихъ; прежде имѣли они подружекъ женщинъ, какъ и самъ ихъ Лже–Христъ, но теперь каждый Скопецъ соединенъ съ другимъ Скопцемъ–же непотребнымъ дружествомъ.»

Оскопленіе женщинъ до–сихъ–поръ остается еще вопросомъ не вполнѣ

рѣшенымъ. Что, въ пылу фанатическаго изувѣрства, ересеучители скопческіе подвергаютъ женщинъ различнымъ изуродованіямъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; многократное освидѣтельствованіе такъ называемыхъ Скопчихъ доказало это положительно. Въ 1843 году, на–примѣръ, открыто въ С. Петербургѣ, по поводу розысканій о моленной Царева*, нѣсколько *Скопчихъ*, изуродованныхъ болѣе или менѣе; въ 1844 году, оказалось тоже въ Тамбовской Губерніи. Обыкновенно у женщинъ вырѣзываются, выжигаются или вытравляются сосцы у грудей, отрѣзываются вовсе груди, уродуются различнымъ образомъ дѣтородныя части вырѣзываніемъ малыхъ губъ, клитора или даже отрѣзаніемъ части большихъ губъ. Въ строгомъ смыслѣ, изуродованныхъ такимъ образомъ женщинъ, нельзя называть *Скопчихами*, потому–что операція тутъ вовсе не имѣетъ тогоже значенія, какъ у

---

* Дѣла о семъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, по Коммиссіи подъ предсѣдательсвомъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Липранди.

мущинъ; но, по намѣренію, съ коимъ она произведена, и по общему духу Секты, женщины эти безспорно принадлежатъ къ толку Скопцевъ. Если впрочемъ у женщины вырѣзаны обѣ груди, то это, по мнѣнію опытныхъ врачей, едва–ли не должно считать дѣйствительнымъ оскопленіемъ: женщина, лишенная грудей, по тѣсному сочувствію сихъ частей съ маткой, по всей вѣроятности принять не можетъ, и это подтверждается даже наружнымъ видомъ скопческихъ женщинъ, обыкновенно безцвѣтныхъ, увядшихъ и безжизненныхъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ. Но всѣ другія изуродованія должно почитать только мнимыми оскопленіями, вовсе не лишающими женщину сочувствія и даже способности быть беременною. Оскопленіе женщины посредствомъ вырѣзки яичниковъ, признано врачами дѣломъ слишкомъ сомнительнымъ, по самой возможности исполненія; по–крайней–мѣрѣ исторія хирургіи представляетъ одинъ только, и то не совсѣмъ достовѣрный примѣръ подобной операціи надъ здоровою

женщиною. Скопцы дѣлаютъ еще надъ женщинами иногда какую–то операцію мнимаго оскопленія, вырѣзывая подгрудныя желѣзки, и большею–частію подъ лѣвою грудью: это должно основываться на одномъ только суевѣріи; по–крайней–мѣрѣ физіологически невозможно объяснить такой способъ оскопленія. Но замѣчательно, что принадлежащія къ толку Скопцевъ женщины, всегда почти изобличаются въ томъ и по наружному виду своему: желтою, обвислою кожею, вялыми, маленькими грудями и проч. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и можно–бы объяснить это однимъ плотскимъ воздержаніемъ, потому–что были примѣры, гдѣ старухи, принадлежавшія къ Скопческой Ереси, оказались еще дѣвственными; но въ другихъ случаяхъ напротивъ женщины эти оказались распутными, не рожая притомъ никогда дѣтей. Остается предположить, что онѣ имѣли дѣло съ одними только Скопцами, и притомъ отъ неумѣреннаго и слишкомъ

продолжительнаго совокупленія получили этотъ болѣзненный наружный видъ.

Скопцы сами себя не называютъ этимъ именемъ, а придаютъ себѣ названія: *чистыхъ, бѣлыхъ голубей, праведныхъ, истинныхъ сыновъ Божіихъ, обѣленныхъ, выбѣленныхъ* и т. п. Наложеніе на себя *царской печати* или отнятіе самаго ствола у мущинъ, вошло у нихъ въ употребленіе не прежде 1816 года, и доселѣ *старыми*, или такъ–называемыми *чистыми* Скопцами въ Петербургѣ отвергается: они приписываютъ способъ этотъ Скопцамъ иногороднымъ, или, какъ они выражаются, Замосковскимъ, коихъ, по этому случаю, называютъ *псами*, не постигающими истиннаго разума Св. Писанія. Не смотря однакожъ на то, большая–часть новѣйшихъ операцій совершаются именно симъ варварскимъ образомъ. Нерѣдко операція производится надъ малолѣтними: обреченныхъ на это жертвъ, малыхъ и взрослыхъ, иногда распетливаютъ на особо для того устроенномъ станкѣ въ видѣ креста, въ родѣ какъ нѣкоторые врачи привязываютъ

больныхъ для операціи каменной болѣзни. Впрочемъ, всѣ пріуготовленія эти дѣлаются только Скопцами въ Москвѣ, Петербургѣ и Ригѣ, или около Петербурга: въ Гатчинѣ, Софіи и на Славянкѣ. Въ деревняхъ Тамбовской, Орловской и другихъ Губерній, операція дѣлается просто въ лѣсу, или въ какомъ–нибудь глухомъ мѣстѣ, въ чуланѣ, клети, и притомъ большею–частію только по добровольному соглашенію обманутой и обольщенной жертвы. Есть еще одно видоизмѣненіе Скопчества: такъ–называемые *Перевертыши*, распространившіеся, какъ видно изъ донесеній мѣстныхъ Начальствъ, особенно въ Тамбовской Губерніи. Эти люди не лишаютъ себя никакихъ частей тѣла, и потому ихъ даже трудно отличить; но они перекручиваютъ себѣ, вѣроятно въ дѣтствѣ, сѣмянники, къ коимъ привѣшены ядра, разрывая этимъ всякую органическую связь между ними и остальнымъ тѣломъ, что и соотвѣтствуетъ оскопленію.

7. Басни, обращающіяся у Скопцевъ.

Изложивъ такимъ образомъ все относящееся къ наружному символу Скопческой Ереси собственно къ оскопленію, перейдемъ теперь къ ея сущности ученія, къ изложенію нелѣпыхъ бредней, на коихъ Скопцы основываютъ свои вѣрованія, сумазбродныя мечты и несбыточныя надежды*.

Главное основаніе лжеученія Скопцевъ состоитъ въ томъ, что они ожидаемое всѣми Христіанами второе и послѣднее пришествіе Іисуса Христа почитаютъ уже исполнившимся, утверждая, что Сынъ Божій, по неизреченному милосердію своему къ роду человѣческому, нынѣ утопающему въ страстяхъ, нехотя погубить созданіе свое до конца, во второй разъ воплотился на землѣ, и распинается на крестѣ (то–есть страждетъ отъ гоненій и

---

* Извлечено: 1) изъ раскаянія письменно поданнаго въ Соловецкомъ Монастырѣ скопцами Овчинниковымъ, Кудиновымъ и Штабсъ–Капитаномъ Созоновичемъ; 2) изъ записки поданной скопцемъ Трубинымъ Генералъ–Губернатору Восточной Сибири въ 1836 году, доставленной въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; 3) изъ показанія одного скопца судившагося въ 1843 году въ Оренбургской Губерніи; 4) изъ бумагъ найденныхъ 1843 года въ моленной въ С.–Петербургѣ, въ домѣ Глазунова; 5) изъ слѣдствія по Кронштадтскому дѣлу, 1839 года) 6) изъ раскаянія Митавскаго купца Расказова, поданнаго имъ Митрополиту Михаилу, и изъ многихъ другихъ подобныхъ источниковъ.

казни) за наше спасеніе, претерпѣвая гоненія отъ Іудеевъ и Фарисеевъ (то–есть отъ Духовнаго и Гражданскаго Правительства). О воплощеніи, рожденіи и жизни этого втораго Христа своего, они расказываютъ исполненную безумства и крайней нелѣпости сказку, а именно: будто–бы родился онъ отъ бывшей Императрицы Елисаветы Петровны, чистой Дѣвы, по благовѣствованію Іоанна Богослова, отъ Св. Духа, и что онъ былъ то самое лицо, которое потомъ царствовало на Русскомъ Престолѣ подъ именемъ блаженныя памяти Императора Петра III Ѳеодоровича. Сказка эта предлагается здѣсь со всѣми варіантами, какія она имѣетъ у разныхъ Скопцевъ, разсѣянныхъ по Государству.

По наиболѣе распространенному между Скопцами баснословію, Императрица Елисавета разрѣшилась отъ бремени въ Голштиніи и, по возвращеніи затѣмъ въ Россію, будучи предъизбрана къ житію святому, сама царствовала только два года, а иные даже утверждаютъ не царствовала

вовсе, но, оставивъ на престолѣ вмѣсто себя одну изъ наперсницъ своихъ, имѣвшую совершенное съ нею сходство, какъ въ чертахъ лица, такъ и въ свойствахъ душевныхъ, сама удалилась въ Орловскую Губернію, гдѣ поселясь въ домѣ одного крестьянина Скопца, подъ именемъ простой женщины *Акулины Ивановны*, провела остатокъ жизни въ постническихъ подвигахъ, молитвѣ и благотвореніи, и тутъже скончалась и похоронена въ саду, въ которомъ мощи ея скрываются и понынѣ. Эта *Акулина Ивановна* должна быть лицо дѣйствительное, историческое. Объ ней, какъ должно заключать по всей вѣроятности, говорится въ указѣ Св. Синода отъ 7 августа 1734 года, находящемся въ Полномъ Собраніи Законовъ, что «въ числѣ осужденныхъ въ 1733 году Тайною Канцеляріею лицъ изъ Секты, открытой въ Москвѣ по доносу разбойника Семена Караулова, была какая–то Старица *Акулина Иванова*, наказанная кнутомъ и сосланная въ Тобольскую Губернію». Она–же, по всей

вѣроятности, есть одно лицо съ *Акулиною бабою Стрѣльчихою*, о которой расказывается въ книгѣ «Обличеніе Неправды Раскольническія» Преосвященнаго Ѳеофилакта Лопатинскаго, что баба эта была основательница Ереси *Акулиновщины*, что она «чернцовъ и черницъ и поповъ растригала, и братство ввела такимъ образомъ: «цалуй икону и крестомъ помѣняйся мужъ съ женою, и парень съ дѣвкою, и то–де будетъ братство духовное; а жили–то братство зѣло блудно, во единомъ дому ихъ по многу.» Если это такъ, то Скопческая Ересь произошла у насъ первоначально отъ толка, вдававшагося вовсе въ противную крайность: въ открытый развратъ и блудное сожитіе. Какъ это ни странно по первому взгляду, но если сообразить ученіе о братствѣ духовномъ при блудной жизин, проповѣдуемое въ Акулиновщинѣ, съ ханжескимъ ученіемъ и развратомъ нынѣшнихъ Скопцевъ, то такой переходъ покажется гораздо менѣе невѣроятнымъ. Скопцы признаютъ и чтутъ Акулину

Ивановну какъ Богородицу, и призываютъ ее подъ симъ именемъ въ своихъ молитвахъ.

По сказкамъ другихъ Скопцевъ, разрѣшеніе Елисаветы Петровны отъ бремени послѣдовало въ Россіи, и Петръ III былъ немедленно по рожденіи отправленъ въ Голштинію, гдѣ, достигнувъ отрочества, принялъ оскопленіе. Когда, по достиженіи совершенныхъ лѣтъ, Петръ Ѳеодоровичь вступилъ въ бракъ, то супруга его, Императрица Екатерина II, узнавъ о неспособности его къ брачной жизни, возненавидѣла его, начала гнать и приняла твердое намѣреніе лишить жизни, какъ только представится удобный къ тому случай. Такой случай и представился по вступленіи Петра III на Императорскій Престолъ. Склонивъ на свою сторону вельможъ, Екатерина, по буесловію Скопцевъ, рѣшилась привести въ исполненіе намѣреніе свое въ Ропшинскомъ Дворцѣ, гдѣ на ту пору Императоръ имѣлъ пребываніе; но Петръ, свѣдавъ объ томъ, подкупилъ часоваго, помѣнялся съ нимъ

платьемъ, и въ солдатскомъ одѣяніи успѣлъ тайно скрыться, а на–мѣсто его былъ убитъ часовой, оставшійся въ его платьѣ. Другіе бредятъ, что часовой, принадлежа самъ къ Скопцамъ и узнавъ въ заключенномъ своего Спасителя, самъ добровольно принялъ за него мученическій вѣнецъ, отпустивъ узника для спасенія человѣчества въ міръ. Ошибка тогда же сдѣлалась извѣстна Екатеринѣ; но убитый солдатъ былъ объявленъ и похороненъ подъ именемъ Императора. Избѣжавъ такимъ образомъ смерти, Петръ Ѳеодоровичъ три дня скрывался отъ поисковъ безъ пищи, сидѣлъ въ какомъ–то каменномъ столбѣ, проживалъ у колонистовъ, и наконецъ бѣжалъ въ Москву, гдѣ, живучи тайно между Скопцами, началъ свою проповѣдь. Изъ Москвы перешелъ онъ съ ученіемъ своимъ въ окрестности ея, потомъ прошелъ всю Россію и разныя Государства, и наконецъ, вмѣстѣ съ своимъ Предтечею, какимъ–то *Графомъ Александромъ Ивановичемъ*, прибылъ въ Тулу, проповѣдуя всюду, что

онъ есть истинный Христосъ, творя чудеса и научая Скопчеству, какъ единственному средству къ наслѣдію Небеснаго Царствія. Въ Тулѣ, оба они были схвачены, осуждены, наказаны кнутомъ въ деревнѣ Сосновкѣ, Моршанскаго Уѣзда Тамбовской Губерніи, и потомъ сосланы, первый въ Сибирь, а второй въ Ригу. Во время слѣдованія въ ссылку, Лже–Христъ скованъ былъ поножно съ каким–то разбойникомъ *Иваномъ Блохою*, который сперва наносилъ ему въ пути множество обидъ и оскорбленій, но потомъ, побѣжденный его непоколебимымъ терпѣніемъ, исповѣдалъ его Сыномъ Божіимъ: за это Скопцы называютъ Блоху *Первымъ Исповѣдателемъ*. Замѣчательно, что Селивановъ, лицо дѣйствительное, двойной самозванецъ, выдававшій себя за Императора и Спасителя, въ своемъ «Посланіи къ Дѣткамъ» подтверждаетъ все сказанное, но величая себя Спасителемъ, нигдѣ не называетъ самъ себя Государемъ Петромъ III, предоставляя это своимъ послѣдователямъ; уклончиво прикрываясь

личиною смиренія и уничиженія, онъ говоритъ: «такой–то пророчилъ мнѣ, что я буду *Богъ надъ Богами и Царь надъ Царями*»; но самъ отъ себя подтверждаетъ только первое, какъ видно изъ многихъ мѣстъ его приложеннаго здѣсь «Посланія».

Далѣе Скопцы расказываютъ, что Императоръ Павелъ, по вступленіи своемъ на престолъ, узнавъ отъ одного освобожденнаго имъ изъ Сибири Московскаго Купца Масонова, что отецъ его Петръ Ѳеодоровичь живъ и томится въ ссылкѣ, приказалъ возвратить его изъ Сибири въ С.–Петербургъ. Когда привезли его и представили Государю, то послѣдній спросилъ: «дѣйствительно ли онъ его отецъ»? На это каторжникъ будто–бы отвѣчалъ: «если ты примешь мое дѣло, то–есть ученіе мое и оскопленіе, то я признаю тебя моимъ сыномъ». Въ этоже время освобожденъ былъ изъ заточенія и Предтеча Лже–Спасителя. Затѣмъ Государь, не признавъ обоихъ ссылочныхъ тѣми, за кого они были выданы отъ Масонова, приказалъ однако Лже–Христа

помѣстить съ пенсіею въ какую–то богадѣльню, а Лже–Предтечу сослалъ въ Шлиссельбургскую–Крѣпость, гдѣ будто–бы, по смерти, явились на Преображенской–Горѣ его мощи. Потомъ, по старанію богатыхъ Скопцевъ, Лже–Петръ былъ освобожденъ изъ богадѣльни и причисленъ въ С. Петербургское Мѣщанское Общество, подъ именемъ Кондратія Селиванова, гдѣ и жилъ, распространяя еретическое ученіе свое до 1820 года, въ которомъ, по Высочайшему повелѣнію, сосланъ на заточеніе въ Суздальскій Спасо–Евѳиміевскій Монастырь.

Изъ этого мѣста ссылки, по ученію Скопцевъ, Лже–Христъ долженъ явиться уже въ величіи и славѣ, просвѣщая весь міръ свѣтомъ своего ученія, воцарится на Русскомъ Престолѣ, и, освободивъ Скопцевъ изъ ссылокъ и отъ всякаго гоненія, откроетъ въ С.–Петербургѣ всеобщій судъ міру. Впрочемъ, нѣкоторые Скопцы ожидаютъ пришествія Лже–Спасителя отъ Иркутска, описывая подвиги

его тѣмиже чертами, какъ это видно изъ большаго числа приложенныхъ здѣсь «Скопческихъ Пѣсенъ». Тогда, воспѣваютъ Скопцы, всѣ владыки земные падши поклонятся ему, покорятся могущественному его скипетру, признаютъ Іисусомъ Христомъ, истиннымъ Богочеловѣкомъ, и сокрушаясь о томъ, что не познали его между человѣками, будутъ просить о ниспосланіи къ нимъ благодати оскопленія, чего и удостоятся. Судъ этотъ будетъ, по мнѣнію Скопцевъ, общій: живымъ (то–есть Скопцамъ) и мертвымъ (то–есть не оскопившимся); но и тутъ Судья Скопческій явитъ еще милосердіе свое къ людямъ: во всѣ концы вселенной будутъ посланы отъ него Апостолы и Пророки, для наставленія истинному ученію, и «посѣется въ каждой землѣ по зернышку пшеницы и каждое зернышко произведетъ пшеницы на тридцать кораблей.» Совершивъ такимъ образомъ дѣло Искупленія, по словамъ Скопцевъ, Лже–Христъ долженъ умереть естественною смертію, и трупъ его

положенъ будетъ въ Невскомъ Монастырѣ, въ ракѣ Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, коего Святыхъ Мощей, по ихъ увѣренію, тамъ не находится, а рака эта, по попущенію Божію и по слѣпотѣ невѣрующихъ, изготовлена ими для принятія мощей Лже–Спасителя. Послѣ этого, міръ сей существовать будетъ во вѣки. Тогда искоренится вся нечистота, то–есть плотское совокупленіе, родъ человѣческій будетъ размножаться единственно отъ цѣлованія, и земля превратится въ рай, такой, какимъ былъ онъ при первыхъ людяхъ, Адамѣ и Еввѣ, до грѣхопаденія, которое, по ихъ мнѣнію, и состояло именно въ плотскомъ смѣшеніи, запрещенномъ заповѣдью Божіей. Такъ–какъ въ это время уже всѣ люди безъ исключенія будутъ Скопцами, то они не умрутъ, но должны пребыть въ такомъ состояніи безконечное время, во вѣки вѣковъ, а умершіе до того Скопцы будутъ блаженствовать душами своими въ Седьмомъ Небѣ. Души грѣшниковъ, умершихъ неоскопленными, повергнутся въ

адъ, гдѣ протекаетъ огненная рѣка, и предадутся мученіямъ, состоящимъ въ неизреченныхъ терзаніяхъ совѣсти. Скопцы утверждаютъ, что Церковь, установленная Апостолами, была именно та самая, которую теперь признаютъ они; но что Скопчество уничтожено, а Церковь искажена Царемъ Константиномъ, принявшимъ Крещеніе.

Таковы главныя бредни, на основаніи коихъ Скопческая Ересь основываетъ свое ученіе. Замѣчательно, что чистое, повидимому, начало, могло породить въ ученіи столь чудовищныя бредни, а на дѣлѣ обратить Скопцевъ, въ житейскомъ и нравственномъ отношеніяхъ, во враговъ человѣчества, нетерпимыхъ ни въ какомъ обществѣ. Если–бы они, проповѣдуя плотское воздержаніе, любовь и миръ, первое относили–бы только каждый къ себѣ самому, а послѣднее распространяли на всѣхъ людей, то весь вредъ отъ нихъ ограничивался–бы тѣмъ, что Государство лишается въ нихъ людей, способныхъ для размноженія рода человѣческаго. Но какъ

умерщвленіе плоти въ буквальномъ смыслѣ невозможно и противно самой природѣ, а плоть можетъ и должна быть только подчиняема духу и имъ управляться, то Скопчество и породило безобразный толкъ, въ коемъ люди, сами себя искалечившіе, остаются во всѣхъ другихъ отношеніяхъ рабами своей плоти и увлекаются доступными имъ страстями въ самыя ужасныя и безнравственныя крайности.

Съ небольшими измѣненіями, изложенныя бредни общи всѣмъ Скопцамъ, или по–крайней–мѣрѣ большей ихъ части, потомучто, какъ увидимъ, въ настоящее время Скопчество уже раздробилось на нѣсколько отдѣльныхъ толковъ, несогласныхъ между собой въ нѣкоторыхъ догматахъ Ереси. Есть еще у нихъ и другія сказки, не менѣе нелѣпыя, которыя также пользуются болѣе или менѣе общимъ довѣріемъ и уваженіемъ; напримѣръ: о какомъ–то первомъ Пророкѣ, Графѣ Иванѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ; о томъ, что Наполеонъ былъ Антихристъ, что онъ живъ и понынѣ въ Турціи, но покаялся и

обратился въ Скопчество, познавъ истинную Вѣру; что онъ былъ родомъ Русскій и сынъ Императрицы Екатерины; что Императоръ Александръ Павловичъ и Императрица Елисавета Алексѣевна также живы, но только скрываются, принявъ оскопленіе и проч. Сопричисленіе Императора Александра къ своему обществу они относятъ къ 1809 году, утверждая, что съ этихъ поръ онъ постоянно имъ покровительствовалъ. Поводомъ къ такой нелѣпой мысли кажется было освобожденіе Лже–Христа Селиванова изъ дома умалишенныхъ и мистическое направленіе умовъ вообще во время существованія Библейскаго Общества. Изъ слѣдствія, произведеннаго въ 1839 году надъ Скопцами, открытыми въ Кронштадтѣ, между–прочимъ оказалось, что за Богородицу почитали они какую–то Акулину Ивановну же, какъ и прочіе, но не Императрицу Елисавету Петровну, а придворную даму, жившую при Дворѣ Петра III, по показанію скопца дезертира Будылина, данному имъ въ Моршанскѣ въ

1829 году, онъ посыланъ былъ отъ своихъ въ Ораніенбаумъ для узнанія отъ тамошнихъ Скопцевъ средствъ, какъ бы спасти Богородицу, содержавшуюся, по ихъ мнѣнію, въ тамошнемъ острогѣ.

Скопцы имѣютъ у себя полное описаніе жизни, ученія и страданій ихъ Лже–Христа, написанное съ собственныхъ его словъ и извѣстное подъ названіемъ «Страдовъ». Какъ любопытный образчикъ безобразнѣйшаго вздора, «Страды» эти предлагаются здѣсь въ видѣ особаго приложенія. Смѣшно и жалко видѣть читая ихъ, до какого грубаго искаженія можетъ человѣкъ низвести предметъ самый высокій, самый святый, какова Религія; а между–тѣмъ Скопцы чтутъ «Страды», какъ мы Св. Евангеліе, и при чтеніи ихъ проливаютъ умилительныя слезы. Описываемыя въ нихъ страданія Лже–Христа, суть собственно не что иное, какъ его наказаніе торговою казнью въ Сосновкѣ и потомъ ссылка въ Сибирь. Скопцы описываютъ это такимъ образомъ. Во время слѣдованія Лже–Христа изъ Тулы въ

Тамбовъ, а потомъ въ Сосновку, провожали его *полки полками*, а народъ вездѣ встрѣчалъ, плакалъ и говорилъ: «*Везутъ нашего роднаго батюшку*». Когда начали наказывать его кнутомъ, то вдругъ поднялась ужасная буря. Послѣ наказанія, дѣтушки его: *Иванушка* и *Ульянушка*, сняли съ него окровавленную рубашку и выпросили ее себѣ, а на него надѣли бѣлую. Затѣмъ онъ попросилъ себѣ парнаго молока, и тогда стало ему легче, и онъ сказалъ: «*Благодарю Бога: теперь въ Сосновкѣ, на которомъ мѣстѣ меня сѣкли, выстроена будетъ церковь*»*. Изъ Сосновки повезли его, какъ говорятъ Скопцы, въ Иркутскъ, и тутъ встрѣтился онъ съ Пугачевымъ, причемъ полки, сопровождавшіе Пугачева, пошли за нимъ, а тѣ, которые его провожали, пошли за Пугачевымъ. Въ каждомъ городѣ дѣлаемы были снова ему большіе допросы. Вообще, все время страданій Лже–Христа, по

---

* По собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ, на площади въ Сосновкѣ дѣйствительно стояла церковь, сгорѣвшая въ послѣдствіи, но она едва–ли выстроена была Скопцами, а находилась тутъ изстари; теперь тутъ стоитъ каменная часовня.

выраженію Скопцевъ, продолжалось *тридцать–сорокъ лѣтъ*[*]. По привезеніи его въ Иркутскъ, пять лѣтъ не было объ немъ слуху; но потомъ Богъ нарядилъ дочку его *Анну Сафоновну*, которая «*стала духомъ воспѣвать, какъ отца своего Искупителя находить и кого къ нему изъ дѣтушекъ отрядить*». Наконецъ Богъ, или Духъ Божій, посланный чрезъ уста *Анны Сафоновны*, *нарядилъ судьбою своею* какихъ–то *Алексѣя Тарасовича* и *Марка Кириловича.* Эти посланные нашли Искупителя въ Иркутскѣ и возвратясь принесли объ немъ вѣсть, что онъ здравствуетъ. *Анна Сафоновна* есть дѣйствительное лицо. Эта пророчица Скопцевъ, дочь Сафона Попова, одного изъ первыхъ послѣдователей Скопчества въ Сосновкѣ, знаменитой страданіями Лже–Христа, живетъ понынѣ еще въ Моршанскѣ. Ее и теперь, при вновь возобновленномъ разслѣдованіи, многіе изъ мѣстныхъ

---

[*] *Тридцать–сорокъ лѣтъ* — значило–бы по Руси 1200 лѣтъ, въ чемъ не было–бы смысла. Или Скопцы выражаются такъ, чтобъ означить вообще весьма продолжительное время, или–же надобно понимать 30 и 40, то–есть 70, чтъ и выходитъ довольно вѣрно, считая отъ начала осьмидесятыхъ годовъ, или съ 1775 года, когда Лже–Христъ могъ встрѣтиться съ Пугачевымъ, до настоящаго времени.

жителей назвали Скопческою Пророчицею; нѣкоторые присовокупили притомъ, что она съ молодыхъ лѣтъ никогда не посѣщала церкви и всегда бѣгала изъ дому, когда приходили Священники съ церковными требами. Сама она ничего не показываетъ, отговариваясь безпамятствомъ, которое впрочемъ весьма вѣроятно, потому, что ей теперь (1844) около 90 лѣтъ. Младшая сестра ея Ефросинья проживаетъ между С.–Петербургскими Скопцами, пользуясь также большимъ съ ихъ стороны уваженіемъ. Она, какъ утверждаютъ, была въ замужствѣ за здѣшнимъ купцомъ Костровымъ, котораго домъ служилъ въ продолженіе многихъ лѣтъ мѣстомъ пребыванія Лже–Христа Селиванова. Всѣ изображаемыя Скопцами страданія ихъ Искупителя, изъ коихъ представлена здѣсь только самомалѣйшая часть, расказываются ими повидимому съ умысломъ внушить въ сектаторовъ терпѣніе и упорство и заставить ихъ не открывать тайнъ своей Секты.

Замѣчателенъ безъ всякаго сомнѣнія выдуманный Скопцами разговоръ Лже–Христа съ Императоромъ Павломъ, когда, по Высочайшей волѣ сего послѣдняго, онъ былъ вытребованъ изъ Сибири. Скопцы затверживаютъ его отъ слова до слова, и передаютъ другъ другу наслѣдственно. Отвѣты Самозванца исполнены дерзости. Онъ называетъ себя отцемъ Императора, требуетъ отъ Павла оскопленія, и, получа отказъ, предрекаетъ ему скорую кончину, и потомъ заключатъ такъ: «*Я изберу себѣ слугу, Царя Бога на кругу, а земную царску справу отдамъ кроткому Царю. Я всѣмъ трономъ и дворцами АЛЕКСАНДРА благословлю, будетъ вѣрно управлять, властямъ воли не давать. Я вамъ истинный Христосъ. Учители не слабѣйте, а пророки не робѣйте, къ отцу своему радѣйте. На землѣ мы порадѣемъ; въ небѣ царствомъ завладѣемъ*» и проч. И на этомъ разговорѣ основывается отчасти особенное расположеніе Скопцевъ къ блаженныя памяти Императору Александру, которые въ его царствованіи и

поступкахъ видѣли какъ–бы исполненіе предреченія своего Учителя; и на этомъ основывается увѣренность ихъ о сопричисленіи его къ Скопчеству. Въ одной изъ рукописей, относящихся къ царствованію сего Монарха, говорится о немъ: «*Во славной Россіи красно солнышко явилось и вся вселенная удивилась; благословитъ Тайный Синодъ своихъ вѣрныхъ сиротъ*» и проч. Вообще, вызовъ Лже–Христа изъ Сибири и свиданіе его съ Императоромъ Павломъ, чрезъ посредство Купца Масонова*, описываются у Скопцевъ такимъ образомъ: «*Святымъ Духомъ заблажилъ, про отца Царю доложилъ: Онъ не умеръ вѣдь, онъ живъ въ Иркутскѣ, все блажилъ, сорокъ лѣтъ въ страдахъ онъ жилъ. А Царь сердцемъ встрепенулся, на отца онъ ужаснулся; и заплакалъ, затужилъ, все собранье нарушилъ, послалъ скораго гонца, отыскать своего отца, чтобъ представить бы въ Столицу,*

---

* Московскій Купецъ *Масонъ* или *Масоновъ* существовалъ дѣйствительно. Прозваніе *Масонова* только символическое, принятое этимъ человѣкомъ произвольно; назывался–же онъ дѣйствительно *Ѳедоръ Колесниковъ*. Скопцы говорятъ, будто сама Императрица Екатерина II прозвала его можетъ–быть въ шутку «Масономъ».

со Иркутской со границы. Скоро это сотворилъ, къ отцу двери растворилъ; онъ взошелъ съ бурнымъ духомъ, и самъ гордо говорилъ: Сотворю волю мою теперь; я имѣю власть, возведу тебя на тронъ, отдамъ скипетръ и вѣнецъ, если только мой отецъ. Нашъ батюшка Искупитель глаголалъ слова съ высоты, что грѣху я не отецъ, разорить пришелъ въ конецъ; чистоту буду любить, грѣхъ хочу весь порубить, а во праведный семьѣ буду въ трубушку трубить, всѣхъ поставить утвердить. А Царь крѣпко осерчалъ, забылъ первый свой началъ, пошелъ очень закричалъ, затворилъ онъ крѣпко двери: Не хочу быть въ твоей вѣрѣ; а за этотъ за смѣшокъ, пошлю въ каменный мѣшокъ. Нашъ батюшка Искупитель кроткимъ гласомъ провѣстилъ: О я бы Павлушку простилъ; воротись ко мнѣ ты Павелъ, я бы жизнь твою исправилъ. А Царь гордо отвѣчалъ, Божества не замѣчалъ, не сталъ слушать и ушелъ. Нашъ батюшка Искупитель своимъ сердцемъ воздохнулъ, правой рученькой махнулъ: Ввечеру твоя

кончина!» **Далѣе слѣдуютъ слова, приведенныя выше, что *возсядетъ на престолѣ кроткій Царь*, а потомъ обыкновенная скопческая болтовня, мало замѣчательная.**

8. Историческая основа баснословія Скопцевъ.

Какъ ни сумасброденъ весь этотъ нелѣпый вздоръ, но, какъ видно, онъ имѣетъ историческое основаніе, относится къ дѣйствительнымъ событіямъ, которыя можно прослѣдить въ непрерывной послѣдовательности до 1715 года. Въ тѣсной связи съ открытыми тогда въ Угличѣ Скопцами или Хлыстами (Христовщина, Христовы–Братья), состоитъ подобное открытіе въ Москвѣ въ 1833 году, а состоявшая въ этомъ Согласіи Старица Акулина Иванова основала, какъ было сказано, Ересь, по слѣдамъ коей безъ–сомнѣнія пошли Лже–Спаситель Селивановъ съ братіею.

Изъ оффиціальныхъ документовъ, сохранившихся въ Архивахъ, открывается, что игравшій роль Лже–Христа подъ

именемъ *Селиванова*, былъ точно вызванъ изъ Сибири, имѣлъ свиданіе съ Императоромъ Павломъ и потомъ, по Высочайшему повелѣнію, посаженъ въ домъ сумасшедшихъ; въ царствованіе Александра I, по ходатайству Скопцевъ, освобожденъ изъ богадѣльни, и до ссылки въ Суздальскій Монастырь жилъ въ Петербургѣ, сперва въ домѣ Ненастьева, а потомъ Кострова, и наконецъ у Солодовникова, кои всѣ трое были извѣстные Скопцы.

Во время пребыванія Селиванова въ Столицѣ, домы Ненастьева, Кострова и Солодовникова представляли нѣчто въ родѣ обители (какъ Скопцы ихъ и называли), куда стекались многочисленные послѣдователи и поклонники Лже–Христа изъ отдаленныхъ областей Россіи, чтобъ удостоиться его лицезрѣнія и благословенія; дары, состоящіе въ деньгахъ и другихъ приношеніяхъ, стекались, рѣкой и въ короткое время казна обители, которою распоряжался Купецъ Солодовниковъ, обогатилась до

чрезвычайности. Очевидцы, изъ коихъ нѣкоторые живы доселѣ, увѣряютъ, что самъ Селивановъ ничѣмъ изъ этихъ пожертвованій не пользовался, но зато послушники, его окружавшіе, безъ сомнѣнія не упускали случая поживиться на счетъ легковѣрія ближнихъ и многіе изъ нихъ нажили себѣ порядочныя состоянія. И теперь живетъ въ Петербургѣ одинъ мѣщанинъ, нѣкто Хорошкѣевъ, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и закорѣнелый Скопецъ, который былъ ближайшимъ наперсникомъ Лже–Христа, такъ–что безъ покровительства его Селивановъ былъ недоступенъ. Въ домѣ Кострова, который по словамъ нѣкоторыхъ именовался Рождественскимъ Дѣвичьимъ Монастыремъ, (можетъ–быть потому, что въ немъ жила во время пріѣздовъ въ столицу Пророчица Анна Сафонова, сестра жены владѣтеля дома), находилась главная Скопческая Моленная, гдѣ, собираясь обыкновенно въ большомъ числѣ, они совершали богослуженіе по своимъ обрядамъ, поклоняясь своему

Ересеучителю и воздавая ему почести совершенно Божескія. Зала, въ которой происходили молитвенныя собранія Скопцевъ, находилась внутри двора, какъ обыкновенно всегда строятся не только моленныя, но и самые домы этихъ людей, чтобы туда, какъ они говорятъ, никто изъ Іудеевъ и Фарисеевъ не могъ проникнуть, ни зрѣніемъ, ни даже слухомъ. Тѣ изъ раскаявшихся Скопцевъ, которые сами участвовали въ молитвахъ и славословіи Лже–Искупителя, описываютъ залу такимъ образомъ. Она была весьма обширна, и стѣною или перегородкой, ибо стѣна эта не доходила до потолка, раздѣлялась на двѣ половины: одна для мущинъ, другая для женщинъ. Каждое отдѣленіе украшено было богатыми иконами и паникадилами со свѣчами, поставленными, какъ говорятъ, не для поклоненія, но для *явности*, *страха ради Іудейска*, то–есть дабы дать скопищу наружный видъ Христіанскаго Собранія. Въ возвышеніи, надъ перегородкою, поставлено было особое сѣдалище, на подобіе трона, такимъ образомъ, чтобъ

**оттуда можно было обозрѣвать обѣ части залы. При общихъ собраніяхъ Скопцевъ, обыкновенно бывавшихъ по вечерамъ праздничныхъ дней, до прибытія въ залу Лже–Спасителя, они занимались тамъ, кто пѣніемъ гимновъ, кто *радѣніемъ*, или пріятными бесѣдами за самоварами; но лишь только показывался Лже–Христъ и раздавалась вѣсть: «*Катитъ нашъ батюшка, катитъ нашъ Сынъ Божій!*», всѣ падали на колѣни и привѣтствовали Учителя начальнымъ гимномъ или молитвою: «*Царство, ты царство, духовное царство! въ тебѣ во царствѣ благодать великая, праведные люди въ тебѣ пребываютъ*» и проч. Селивановъ являлся обыкновенно въ богатомъ левантиновомъ халатѣ, въ колпакѣ и въ спальныхъ сафьянныхъ сапогахъ. Съ важною поступью всходилъ онъ на свой тронъ, и, сидя или лежа, обкладенный подушками, благословлялъ обѣими руками все собраніе, объявляя, что они собрались теперь у живаго Бога и приговаривая протяжно: «*Милость, милость, покровъ,*

покровъ!» **Затѣмъ начиналось уже общее радѣніе. Описаніе это приведено здѣсь для того, чтобы по немъ, какъ по образцу, можно было имѣть понятіе и о другихъ Скопческихъ Моленныхъ, вѣроятно устроиваемыхъ близко къ этому. Тѣхъ изъ своихъ учениковъ, коихъ Селивановъ особенно отличалъ по ихъ способностямъ, онъ приглашалъ иногда поодиночкѣ къ себѣ въ комнату, въ верхній этажъ, гдѣ дарилъ имъ маленькіе деревянные крестики, о коихъ будетъ говорено ниже. Даръ этотъ присвоивалъ тому, кто его получалъ, званіе или степень Учителя, который одинъ имѣлъ право вводить въ секту или совершать операцію оскопленія. Говорятъ, что въ Ригу, городъ любимый угодникомъ *Александромъ Ивановичемъ*, Селивановъ послалъ свой сѣрый кафтанъ, въ которомъ былъ наказанъ и содержался въ ссылкѣ: кафтанъ этотъ прошитъ вездѣ по швамъ крестиками, и составляетъ предметъ благоговѣнія Скопцевъ, которые увѣряютъ, что *Государь батюшка, истинный свѣтъ, Искупитель*, своими руками весь его**

сшилъ; онъ былъ посланъ въ Ригу къ скопцу Чиновнику 14 класса Пищулину, коего сынъ, также скопецъ, Губернскій Секретарь Пищулинъ, состоитъ нынѣ (1844) Смотрителемъ Гатчинскихъ Казармъ. Сборище Скопцевъ свободно сходилось въ домѣ Ненастьева, а потомъ Кострова и Солодовникова, и отправляло тамъ *радѣнія* свои долго, въ теченіе почти 20 лѣтъ, умѣя вести дѣла такъ, что Правительство, нисколько не подозрѣвая въ основаніи ихъ Общества ничего вреднаго, предосудительнаго и противнаго Церкви и истинной Вѣрѣ, смотрѣло на нихъ какъ на фанатиковъ религіозныхъ, на невѣждъ изъ ложнаго понятія притчъ Евангельскихъ уродующихъ свою природу, но все–же какъ на Христіанъ, а потому и не преслѣдовало ихъ Сборищъ. Для усыпленія бдительности Правительства и чтобы показать слухи о происходящемъ въ ихъ моленной неосновательными, они приглашали къ себѣ въ разное время Графа Толстаго, Князя А. Н. Голицына, Балашова, Графа Милорадовича, С.–Петербургскаго Оберъ–

Полиціймейстера, и при нихъ совершали молитвы свои и слушали поученія; но тогда, само–собою разумѣется, не упоминалось ничего такого, чтобы могло показаться посѣтителямъ симъ предосудительнымъ, и, по тогдашнимъ понятіямъ или взгляду, эти Сборища признаны были безвредными и допущены Правительствомъ. Впервые тайны ученія и бредней ихъ сдѣлались извѣстны не прежде 1820 года, когда изувѣры, пользуясь кротостію и снисходительностію къ нимъ блаженныя памяти Императора Александра, начали дѣйствовать слишкомъ дерзко, обнаруживая въ поступкахъ своихъ мятежническія мысли, увеличивая кругъ свой строго воспрещенными имъ новыми совращеніями, а Учитель ихъ почти гласно сталъ называть себя Сыномъ Божіимъ и Искупителемъ, какъ осмѣлился онъ назвать себя и въ присутствіи посланнаго въ ихъ обитель, для разъясненія носившихся слуховъ, Чиновника Попова. Тогда только Правительство приняло мѣры противъ Ереси. Первый сдѣлалъ доносъ о

настоящемъ духѣ Скопческаго Ученія, нѣкто Скопецъ Митавскій Купецъ Расказовъ, бѣглый человѣкъ Бригадира Симонова, въ письменномъ раскаяніи своемъ, поданномъ Митрополиту Михаилу въ іюнѣ 1818 года. Въ 1819 году, Графъ Милорадовичь вмѣстѣ съ Оберъ–Полицеймейстеромъ пріѣзжали къ Селиванову, но получивъ, какъ говорятъ, завѣреніе въ ложности пронесшихся слуховъ, оставили все по прежнему; но, спустя шесть мѣсяцевъ, въ іюлѣ 1820 года, Ересеучитель внезапно былъ схваченъ и сосланъ на покаяніе въ Суздальскій Спасо–Евѳиміевскій Монастырь, а четыре главные его послушника въ Соловки, и строго воспрещены не только новыя оскопленія, но и молитвенныя собранія Скопцевъ. Оффиціальныя документы того времени раскрываютъ все это дѣло въ полной ясности и дѣлаютъ его неподлежащимъ сомнѣнію. Скопцы увѣряютъ впрочемъ, будто–бы впослѣдствіи Графъ Милорадовичъ объявилъ имъ МОНАРШЕЕ прощеніе и

дозволеніе свободно отправлять свои богомоленія, и что окончательное строгое воспрещеніе собраній ихъ послѣдовало только въ 1825 году, послѣ 14 декабря. Селивановъ оставался въ Суздалѣ до смерти, но умеръ, кажется раскаявшись въ ужасномъ преступленіи своемъ; Настоятель Суздальскаго Спасо–Евѳиміевскаго Монастыря, которому повелѣно было черезъ каждые четыре мѣсяца доносить объ Селивановѣ, въ донесеніи отъ 25 августа 1820 года говоритъ между–прочимъ: «8 числа сего мѣсяца, по моему совѣту и убѣжденію, исповѣдался (Селивановъ) и причастился Св. Таинъ.» Скопцы долго пытались склонить Императора на освобожденіе Ересіарха даже по смерти его, которой Скопцы не вѣрятъ, уже въ 1832 году, была подавана подобная просьба. Скопецъ Кононовъ подавалъ на Высочайшее имя три просьбы, которыя особенно замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ онъ называетъ Селиванова прямо Искупителемъ; въ просьбѣ, также поданной на Высочайшее имя другимъ Скопцемъ

Солодовниковымъ, сей послѣдній называетъ себя *сыномъ Селиванова по благовѣствованію*. Вотъ до какой степени люди эти были ослѣплены, и вотъ неопровержимое доказательство, что Ересь Скопческая есть самая зловредная по духу, самая безсмысленная и чисто противу–Христіанская. Здѣшній мѣщанинъ скопецъ Хорошкѣевъ письменно показалъ, что онъ, согласно со всѣми прочими Скопцами, не можетъ не признавать Селиванова человѣкомъ *богоугоднымъ* и *вдохновеннымъ*, ибо самому ему онъ дѣлалъ предсказанія, въ послѣдствіи сбывшіяся. Селивановъ самъ, что также оффиціально извѣстно, будучи въ Суздальскомъ Монастырѣ, объявилъ Архимандриту Парѳенію, что онъ осьмнадцать лѣтъ не былъ у Исповѣди и Св. Причастія. Что же послѣ этого значитъ посѣщеніе храмовъ и исполненіе Таинствъ Церкви учениками его, нынѣшними Скопцами? Архимандритъ Досиѳей расказываетъ между–прочимъ, что одинъ знакомый ему Скопецъ–Священникъ, при

увѣщаніи, чтобы онъ хотя сложилъ съ себя священный санъ своей, если не хочетъ раскаяться въ заблужденіи, отвѣчалъ ему: «все равно чѣмъ ни быть: калачникомъ–ли, портнымъ–ли, Секретаремъ или Священникомъ; всякъ избираетъ должность по своимъ способностямъ». Построеніе Скопцами церквей ничего не доказываетъ, потому–что доселѣ извѣстенъ одинъ только такой примѣръ, и то для прикрытія другихъ видовъ и намѣреній. Скопцы построили церковь въ Шлиссельбургѣ, близь могилы угодника ихъ *Александра Ивановича*: это, конечно, сдѣлано болѣе съ цѣлію ознаменовать мѣсто, чтимое ими за святое, и прикрыть безсмысленные обряды свои на сей могилѣ видомъ истиннаго благочестія. Весь причтъ этой церкви, кромѣ Священнослужителей, и вся прислуга при ней составлена изъ Скопцевъ; посему Скопцамъ предстоитъ возможность въ самой церкви совершать свои обряды, что по словамъ нѣкоторыхъ и дѣлается: тамъ происходятъ ихъ *радѣнія*; есть слухи, что

въ этой церкви женщины допускаются въ самый алтарь.

Приходившіе на поклоненіе къ Селиванову во время пребыванія его въ Столицѣ до ссылки въ Суздаль, немедленно получали въ домѣ его покой и пищу, и были осыпаемы всевозможными ласками приближенныхъ его, которые, подъ видомъ заботливости и участія, старались между–тѣмъ вызнавать домашнія отношенія пришедшаго, его житейскія обстоятельства и проч., а потомъ, передавъ все это своему Лже–Христу, ставили его такимъ образомъ въ возможность сказать въ послѣдствіи, при свиданіи съ посѣтителемъ, нѣсколько словъ, которыя–бы свидѣтельствовали въ глазахъ невѣжественнаго поклонника, что самозванецъ владѣетъ даромъ пророчества. Поклонники, съ простосердечіемъ и вѣрою, падали предъ нимъ на землю, и, получа утѣшеніе и увѣреніе, что благодать Божія всегда съ нимъ пребываетъ, орошали стопы обманщика радостными слезами. Снабженный краткимъ наставленіемъ для жизни и подаркомъ, состоящимъ въ

маленькомъ образкѣ или простомъ бумажномъ платкѣ, обольщенный отправлялся въ свой домъ, чтобы тамъ разливать еще съ большимъ рвеніемъ и фанатизмомъ ядъ, которымъ заражено было его собственное сердце, Всѣ Скопческіе Учители, жившіе въ отдаленныхъ мѣстахъ, и страдальцы–Скопцы по тюрьмамъ, нерѣдко также получали изъ Петербурга подарки, состоявшіе изъ кулька пряничныхъ орѣховъ, кренделей, сухой рыбы, чаю и другихъ предметовъ, остающихся отъ стола главнаго ихъ Наставника, и, пріемля все это какъ драгоцѣннѣйшую святыню, раздѣляли ее между–собою и употребляли на тощій желудокъ, съ величайшимъ благоговѣніемъ. И нынѣ всякій Скопецъ считаетъ необходимымъ имѣть у себя нѣсколько волосъ, или частицы остриженныхъ ногтей, словомъ что–нибудь отъ плоти своего Ересеучителя, даже хоть пузырекъ съ помойною водою, коею Селивановъ умывался: эту мнимую святыню Скопцы хранятъ и носятъ при себѣ на груди, въ

ладонкахъ, вмѣстѣ съ тѣльнымъ крестомъ. Все это не только извѣстно изъ показаній различныхъ Скопцевъ, но нерѣдко подобныя вещи были у нихъ отыскиваемы. Такъ, на–примѣръ, при обыскѣ кельи Монахини Суздальскаго Монастыря Паисіи, отданной туда за Скопчество, въ 1827 году найдены волосы и обрѣзки ногтей, тщательно сохраняемые. По производившемуся, въ слѣдствіе тогоже дѣла розысканію въ Москвѣ, у купчихи Подкатовой, равно–какъ у жильцевъ и родственниковъ ея, также отысканы волосы, обрѣзки ногтей, шесть перьевъ, очиненныхъ безъ раскеповъ и загнутыхъ крючкомъ, коихъ употребленіе неизвѣстно, четыре пряника, особый ножъ, шесть стклянокъ съ примочками и проч. При обыскѣ открытой въ С.–Петербургѣ въ 1843 Скопческой Моленной, найдены портреты Скопческихъ Лжеучителей и Праведниковъ, и кромѣ–того вериги различнаго устройства, сухари и баранки, употребляемые Скопцами за причастіе, бѣлыя, длинныя рубахи, въ видѣ савановъ,

мази и примочки, повязки съ кровяными пятнами; при розыскѣ по семуже дѣлу, изъ многихъ мѣстъ присланы взятыя у Скопцевъ подобныя вещи.

9. Лже–Христъ Кондратій Селивановъ.

Страннымъ съ перваго взгляда можетъ казаться, что Лже–Христъ *Селивановъ* не у всѣхъ Скопцевъ называется однимъ и тѣмъ–же именемъ: иногда называютъ его *Андреемъ*, иногда *Кондратьемъ*, а иногда даже *Ѳомушкою*, *Иванушкой* и проч. Это можно объяснить отчасти тѣмъ, что онъ какъ бродяга, преслѣдуемый законами, вѣроятно самъ перемѣнялъ имя свое по обстоятельствамъ, отчасти–же и тѣмъ, что различными именами онъ могъ называться у Скопцевъ, не вполнѣ посвященныхъ въ таинства Секты, далеко жившихъ отъ Столицы, и которые можетъ–быть о самомъ существованіи его знали только лишь по темнымъ слухамъ. Къ допущенію послѣдняго предположенія нѣкоторымъ образомъ даетъ поводъ показаніе въ 1829 году въ Моршанскѣ дезертира Скопца Будылина, который упомянулъ между–

прочимъ, что онъ нѣсколько разъ былъ посыланъ отъ Скопцевъ своего братства къ другимъ, именно для полученія полнѣйшихъ свѣдѣній о таинствахъ своего ученія, которыя слѣдовательно были имъ не вполнѣ извѣстны. Тоже подтверждается свидѣтельствомъ Штабсъ–Капитана Созоновича, который говоритъ, что таинства ученія своего Скопцы ракрываютъ вполнѣ только утвердившимся въ Сектѣ, для чего потребно иногда 10 и 15 лѣтъ, а иные и умираютъ въ невѣденіи. Впрочемъ, вотъ истинная исторія *Селиванова*, до наказанія его въ Сосновкѣ и ссылки въ Сибирь и потомъ по возвращеніи въ С.–Петербургъ, взятая изъ подлинныхъ дѣлъ.

Въ 1770 или 1771 году, двое бродягъ, называвшіе себя Кіевскими монахами и затворниками, *Андрей* и *Кондратій*, пришли Тульской Губерніи Алексинскаго Уѣзда въ домъ Купца Луганникова, и тамъ склонили на оскопленіе крестьянина Емельяна Ретивова, бывшаго уже Хлыстомъ. Это первый, положительный и явный, переходъ изъ Христовщины или Хлыстовщины въ

Скопцы: ученіе и даже обряды изувѣровъ, принадлежащихъ къ сей послѣдней Сектѣ, вполнѣ согласуются съ ученіемъ Скопцевъ, кои только вмѣсто бичеванія, для убіенія плоти, принимаютъ оскопленіе. Ретивовъ, съѣздивъ въ Тамбовскую Губернію, завлекъ тамъ, въ деревнѣ Сосновкѣ, нѣсколько человѣкъ въ Скопчество, и между прочими крестьянина Сафона Попова, сына его *Ульяна* и еще *Ивана* Прокудина: послѣдніе двое и были тѣ *Ульянушка* и *Иванушка*, которые въ послѣдствіи, при наказаніи Селиванова, дали ему бѣлую рубашку, какъ сказано выше. Затѣмъ, бродяги *Андрей* и *Кондратій* сами переѣхали въ Сосновку, учредили въ домѣ Попова мѣсто сборища людей своей Секты, и въ короткое время оскопили слишкомъ 200 человѣкъ, между–прочимъ Дьякона и Дьячка тамошней церкви. По доносу Сосновскаго Священника, было тамъ въ 1775 году строгое слѣдствіе, многіе наказаны и сосланы, въ числѣ коихъ и *Андрей*. *Кондратій* скрылся; но былъ также приговоренъ къ наказанію и, бывъ потомъ

отысканъ въ Тихвинѣ, отправленъ чрезъ Тулу въ Тамбовъ, а затѣмъ, по словамъ старожиловъ, наказанъ кнутомъ въ селѣ Сосновкѣ, на мѣстѣ преступленія, и сосланъ въ Сибирь. Въ такомъ видѣ расказывается это дѣло и въ отобранныхъ отъ разныхъ Скопцевъ бумагахъ. Возвращенный изъ Сибири *Селивановъ*, назывался постоянно потомъ *Кондратіемъ*, крестьяниномъ Орловской Губерніи, села Столбова. Подъ именемъ *Кондратія* онъ значится оффиціально въ документахъ Дома Сумасшедшихъ и Богадѣльни Смольнаго Монастыря, въ которую переведенъ былъ въ 1802 году Императоромъ Александромъ, послѣ посѣщенія имъ Дома Сумасшедшихъ; этимъже именемъ онъ называется въ актахъ освобожденія его изъ Богадѣльни и ссылки въ Суздальскій Монастырь. Посему можно принять за достовѣрное, что настоящее имя *Селиванова* было *Кондратій*; а другими именами называли его или для подлога, или

по ошибкѣ, смѣшивая съ другими лицами, на–примѣръ съ товарищемъ его *Андреемъ*[*].

На освобожденіе *Селиванова* изъ Дома Сумасшедшихъ, Высочайшее повелѣніе послѣдовало 6 марта 1802 года; а на выпускъ его изъ Богадѣльни Смольнаго Монастыря, Начальство Богадѣльни получило предписаніе отъ С.–Петербургскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, въ которомъ сказано: «Находящагося въ Богадѣльнѣ, Орловской Губерніи села Столбова крестьянина *Кондратія Селиванова*, уволить къ просителю *Статскому Совѣтнику Елянскому*». Чѣмъ руководствовался Приказъ, дѣлая такое распоряженіе и имѣлъ–ли онъ на то повелѣніе Высшаго Правительства, изъ дѣлъ не видно; да и самъ *Елянскій*, по–видимому, лицо очень

---

[*] Есть одна печатная пѣсня, сочиненная въ концѣ прошлаго вѣка, въ которой упоминается о Лже–Христѣ подъ именемъ *Андрея*, въ слѣдующихъ стихахъ:

Стенька Разинъ, и Сѣнной Гаврюшка (?),
Ванька Каинъ, и Лже–Христъ *Андрюшка*.....

Извѣстно притомъ, что, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ Москвѣ являлся Лже–Христъ, по имени *Андрей*, о чемъ была переписка между тогдашними Духовнымъ и Свѣтскимъ Начальствами Столицы: это, конечно, былъ *Андрей*, клевретъ *Кондратья*, принявшаго на себя роль Лже–Христа и съ тѣмъ вмѣстѣ имя Петра III, уже въ Сибири.

странное и подозрительное. Кажется, онъ былъ лицомъ, подставленнымъ извѣстными въ то время Скопцами: Купцами Сидоромъ Ненастьевымъ, Андреемъ Костровымъ и другими, которые, какъ видно, имѣли вліяніе на Богадѣльню, и не щадили ни просьбъ, ни происковъ, ни пожертвованій, чтобъ только достигнуть желаемаго, въ чемъ и успѣли. Предположеніе это оправдывается послѣдствіями: *Селивановъ*, по выпускѣ изъ Богадѣльни, жилъ въ домахъ этихъ людей; *Елянскій*–же далъ въ принятіи Селиванова слѣдующую росписку: «Бывши Польскаго Двора Камергеромъ, 1793 года переименованъ Россійскаго Двора Статскимъ Совѣтникомъ; но, по случаю пріобрѣтенія мною смиренной жизни, сложилъ я добровольно патенты, отрекся гражданской службы, получаю, по Указу Всемилостивѣйшаго Монарха, пенсіи въ годъ по 500 руб. изъ Кабинета, а самъ, имѣя квартиру въ Невскомъ Монастырѣ, именуюсь: *Польскій дворянинъ Алексѣй Елянскій*». По слухамъ, около 25 лѣтъ тому назадъ, *Елянскій* сосланъ, но не по дѣламъ

Скопцевъ; это впрочемъ сомнительно, ибо время ссылки его согласуется съ временемъ ссылки *Селиванова.* Очень можетъ–быть впрочемъ, что если *Елянскій* самъ не былъ Скопецъ, то былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ Скопческаго Общества.

Послѣ ссылки въ Суздаль въ 1820 году, *Селивановъ*, удрученный лѣтами, испытавшій столько превратностей жизни, перебывавшій въ столькихъ тюрьмахъ, въ Богадѣльнѣ и въ Домѣ Сумасшедшихъ, перенесшій наказаніе кнутомъ и ссылку въ Сибирь, жилъ тамъ не долго. Какъ сообщаетъ Монастырское Начальство, дряхлость вмѣстѣ съ горячкой скоро положили конецъ преступнымъ днямъ этого замѣчательнаго человѣка: Самозванца–Царя и Самозванца–Бога. Выше было помянуто, что онъ передъ смертью причастился: было–ли это лицемѣрство, или искреннее раскаяніе — неизвѣстно. Тѣло его погребено въ стѣнахъ Монастыря, или близь Монастыря, и простая могила, безъ всякаго памятника, остается

единственнымъ свидѣтельствомъ существованія дерзкаго Еретика, вовлекшаго въ сѣти гибельнаго ученія своего столькихъ легковѣрныхъ. Впрочемъ, не смотря на неопровержимую достовѣрность смерти *Селиванова*, Скопцы убѣждены и теперь, что это вымыселъ; что онъ, какъ истинный Богъ, живъ, тайно бѣжалъ изъ Монастыря, скрывается въ Восточной–Сторонѣ, и непремѣнно явится опять, чтобы возсѣсть на Русскомъ Тронѣ и даровать своимъ послѣдователямъ блаженство. Восточная–Сторона, по всей вѣроятности, означаетъ Восточную–Сибирь, вторую колыбель Скопчества. Ожиданіе это видно изъ единогласныхъ показаній всѣхъ раскаявшихся Скопцевъ и изъ всѣхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ отобранныхъ у нихъ бумагъ. Нѣкоторые думаютъ даже, что *Селивановъ* и теперь по временамъ является на главныхъ ихъ Сборищахъ.

10. Лже–Предтеча Шиловъ.

Послѣ Лже–Христа *Селиванова* и Лже–Богородицы *Акулины Ивановны*, о коей

уже говорено было выше, одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ въ вѣрованіяхъ Скопцевъ занимаетъ Лже–Предтеча *Александръ Ивановичъ*. Свѣдѣнія объ немъ крайне сбивчивы: одни называютъ его Княземъ Дашковымъ, спутникомъ Петра III, утверждая, что онъ схваченъ былъ вмѣстѣ съ Селивановымъ въ Тулѣ и послѣ наказанія тамъже кнутомъ сосланъ на работу въ Ригу; другіе величаютъ Графомъ, третьи только Инженернымъ Полковникомъ* и проч. Но изъ источниковъ болѣе точныхъ, основанныхъ на свидѣтельствѣ Скопцевъ, знавшихъ Лже–Предтечу лично и раздѣлявшихъ даже послѣднее заключеніе его въ Шлиссельбургѣ, каковы живущіе понынѣ (1844) въ С.–Петербургѣ Купецъ Агѣевъ и Мѣщанинъ Савельевъ, можно считать почти неоспоримымъ слѣдующее. Онъ былъ Скопецъ, крестьянинъ Тульской Губерніи села Маслова, по фамиліи *Шиловъ*. При Императрицѣ Екатеринѣ II, содержался онъ точно въ крѣпостяхъ Динаминдской и

---

* Слѣдствіе въ 1830 году по дѣлу Будылина.

Рижской, и вѣроятно не за одно Скопчество, потому–что, когда, при возшествіи на престолъ Императора Павла I, всѣ сосланные въ Ригу Скопцы были прощены и размѣщены по монастырямъ, то *Шиловъ* не вошелъ въ это всепрощеніе, а былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ. Время перевезенія его изъ Риги и отсылки въ Шлиссельбургъ, совпадаетъ со временемъ вытребованія изъ Сибири Селиванова. Въ Динаминдъ онъ привезенъ былъ почти вмѣстѣ съ оскопленными въ Сосновкѣ, и съ ними вмѣстѣ наказанъ въ Ригѣ батогами и посаженъ въ крѣпость. Это обстоятельство, и еще то, что ему, какъ говорятъ Скопцы, одинъ глазъ былъ выколотъ тростью Полковникомъ Волковымъ, который производилъ слѣдствіе по Скопчеству въ Орловской Губерніи*, даетъ поводъ думать, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ Скопцевъ, совращенныхъ въ Тамбовской Губерніи Селивановымъ, и поясняетъ нѣкоторымъ образомъ связь этихъ людей, съ того

---

* Указъ 2 іюля 1772 года.

времени больше нигдѣ и никогда не встрѣчавшихся. Скопцы расказываютъ съ таинственностію и благоговѣніемъ, что когда Павелъ I, будучи еще Великимъ Княземъ, ѣздилъ за границу за второю своей Супругой, то въ оба пути посѣщалъ будто *Шилова* въ Ригѣ и разговаривалъ съ нимъ. Въ Шлисельбургскую–Крѣпость онъ былъ перемѣщенъ въ 1796 году, вмѣстѣ съ шестью другими Скопцами, въ томъ числѣ съ Агѣевымъ, Савельевымъ, и Московскимъ Купцомъ *Ѳедоромъ Колесниковымъ*, который, подъ именемъ *Масонова*, извѣстенъ какъ первый сообщившій Императору Павлу I вѣсть о существованіи Петра III въ Сибири. Въ 1799 году, 6 января, явился курьеръ для ихъ освобожденія; но онъ не засталъ уже *Шилова* въ живыхъ, который умеръ въ то самое утро. Черезъ 12 дней послѣдовало Высочайшее повелѣніе о преданіи тѣла его землѣ со всѣми обрядами, а не какъ преступника, и о допущеніи спутниковъ его съ нимъ проститься. Его похоронили при подошвѣ Преображенской–Горы близь

берега Невы*, куда, по словамъ Скопцевъ, сопровождали тѣло Коммендантъ Крѣпости, Плацъ–Маіоръ, множество чиновниковъ и народъ, со всѣмъ Духовенствомъ. Скопцы присовокупляютъ къ тому, что какъ во время погребенія *Шилова* спустя 12 дней послѣ его смерти, такъ и при вынутіи тѣла его изъ гроба въ 1802 году, при перенесеніи на то мѣсто, на которомъ находится нынѣ могила его, тѣло его было невредимо; это служитъ для нихъ доказательствомъ его святости. Скоро могила Шилова сдѣлалась у Скопцевъ предметомъ поклоненія: къ ней начали стекаться богомольцы со всѣхъ сторонъ, и въ построенной надъ нею часовнѣ стали даже тайно совершать новыя оскопленія, и притомъ съ отрѣзаніемъ всѣхъ частей и самаго ствола. Находя это послѣднее противозаконнымъ, старые Скопцы испросили у Коммендaнта Плуталова позволеніе сломать часовню и воздвигнуть въ замѣнъ ея только каменный памятникъ, который и былъ воздвигнутъ въ 1829 году,

* Скопцы называютъ его вѣроятно по этому *Александромъ Невскимъ*.

но кѣмъ — неизвѣстно. Изъ находящихся на немъ надписей видно, что *Шиловъ* дѣйствительно уроженецъ Тульской Губерніи села Маслова. По расказамъ Скопцевъ и по словамъ Селиванова въ его «Страдахъ», замѣтно, что *Александръ Ивановичъ* занимался ремесломъ пророчества. Проживающій въ Шлиссельбургѣ Скопецъ, отставной Унтеръ–Офицеръ Трусовъ, помнитъ между–прочимъ одно его пророчество, сказанное будто въ разговорѣ съ Плацъ–Маіоромъ Юхаревымъ, что *«въ Москвѣ потекутъ ручьи крови, а въ Петербругѣ ядра будутъ скакать по мостовымъ»*. Самъ онъ называлъ себя *любезнымъ сыночкомъ* Селиванова.

Изъ дѣла, произведеннаго въ 1839 году Морскимъ Министерствомъ въ Кронштадтѣ надъ открытымъ тамъ Сборищемъ Скопцевъ, въ которомъ участвовали служащіе офицеры, нижніе чины, монахи и другаго званія люди, между–прочимъ видно, что, по вѣрованію тамошнихъ Еретиковъ, у Императора Петра

Ѳедоровича или Іисуса Христа Скопческаго, былъ сынъ *Александръ Ивановичъ*, праведникъ погребенный въ Шлиссельбургѣ, близь Церкви Преображенія. Церковь Преображенія, близь которой дѣйствительно находится гробница *Шилова* съ памятникомъ, о которомъ говорено было выше, построена въ 1818 году С.–Петербургскимъ Почетнымъ Гражданиномъ Скопцемъ Борисовымъ, умершимъ въ настоящемъ (1844) году здѣсь въ Столицѣ, но погребеннымъ у этой церкви, при которой три нынѣшніе сторожа также Скопцы. При осмотрѣ этого памятника нарочно посыланнымъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Чиновникомъ, несмотря на глубокій снѣгъ, замѣтны были слѣды, идущіе къ нему отъ церкви, что доказываетъ постоянное посѣщеніе его изувѣрами. Надъ самою могилою находятся два высѣченныя въ плитѣ круглыя отверстія или дыры, служащія для опущенія въ могилу освящаемаго такимъ образомъ хлѣба, который замѣняетъ у Скопцевъ,

какъ увидимъ въ послѣдствіи, Святыя Тайны. Лѣтомъ посѣщаютъ Шлиссельбургъ иногда по 50 человѣкъ и болѣе Скопцевъ въ одинъ разъ, которые всѣ бываютъ у гроба *Александра Ивановича.* Построеніе памятника надъ гробомъ государственнаго преступника, чтимаго Святымъ, есть дѣло довольно странное, особенно когда этотъ Святой слыветъ еще у нѣкоторыхъ за Сына Императорскаго. Впрочемъ, должно замѣтить, что благоразумные Скопцы, откровенно или притворно, отвергаютъ родословную *Александра Ивановича* отъ Селиванова или, по ихъ, отъ Петра III, равно и то, чтобы онъ былъ Князь Дашковъ, приводя въ доказательство, что у него было два сына и племянникъ, также *Шиловы*, изъ коихъ послѣдній за Скопчество отданъ былъ въ солдаты и по отставкѣ умеръ въ Петербургѣ и похороненъ на Охтенскомъ Кладбищѣ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни *Шилова*, какъ, на–примѣръ, о времени прибытія его въ Шлиссельбургъ, времени смерти и погребенія, подтверждаются вполнѣ

оффиціальными сношеніями съ мѣстнымъ Начальствомъ*.

11. Купецъ Колесниковъ.

О *Ѳедорѣ Евсѣевѣ Колесниковѣ*, Скопцы говорятъ, что онъ пользовался большою милостію Императрицы Екатерины II и потомъ Императора Павла, и былъ употребляемъ ими по разнымъ секретнымъ порученіямъ; что названіе «Масона» Императрица дала ему въ шутку; что свѣдѣніе о Петрѣ III привезъ онъ изъ Сибири, гдѣ также находился по какому–то тайному порученію; что въ Шлиссельбургскую–Крѣпость онъ былъ посаженъ Императоромъ Павломъ за то, что явился къ нему въ дорожномъ Сибирскомъ нарядѣ, а потомъ, освобожденный изъ заключенія, до конца жизни снова постоянно пользовался особеннымъ покровительствомъ и благодѣяніями Монарховъ.

---

* **О времени погребенія *Шилова* имѣется увѣдомленіе Шлиссельбургскаго Крѣпостнаго Начальства, въ которомъ сказано, что «на погребеніе тѣла его послѣдовало предписаніе Генералъ–Прокурора Беклешова 18 января, въ слѣдствіе чего тѣло предано землѣ возлѣ Преображенскаго Кладбища съ надлежащею скрытностію» Шиловъ умеръ 6 января, слѣдовательно дѣйствительно за 12 дней до его погребенія.**

Такимъ образомъ видно, что всѣ лица, почему–либо упоминаемыя и чтимыя у Скопцевъ, дѣйствительно существовали. Но заблужденіе дало имъ значеніе, приписало дѣйствія и даже имена, которыхъ они вовсе не имѣли, и которыя могли породиться только въ развращенномъ воображеніи изступленныхъ фанатиковъ или хитрыхъ обманщиковъ.

12. Догматическое ученіе Скопческой Ереси.

Излагая баснословныя бредни, служащія основаніемъ Скопческой Ереси, до–сихъ–поръ мы только изрѣдка и мимоходомъ касались собственно догматическаго ученія ихъ Секты; но и оно, въ свою очередь, такъ нелѣпо и безумно, исполнено такихъ дикихъ сумазбродствъ и такъ противно не только истиннымъ догматамъ Православной Церкви, но и всякому человѣческому смыслу, что достойно полнаго разоблаченія. Это должно разъяснить вполнѣ истинное значеніе Скопцевъ, и какъ сыновъ Церкви, и какъ сыновъ Отечества; должно снять съ нихъ

личину, которою они съ такимъ искусствомъ умѣютъ прикрывать себя отъ бдительнаго взора Правительства.

Изъ довольно единогласныхъ показаній судившихся или раскаявшихся Скопцевъ, сдѣланныхъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, какъ на–примѣръ въ Восточной Сибири, въ Соловецкомъ Монастырѣ, въ Бендерахъ, въ Кронштадтѣ, въ Моршанскѣ и проч., даже частію изъ различныхъ Указовъ о Скопцахъ, равно изъ розысканій по поводу открытой нынѣ (1844) въ С.–Петербургѣ, въ домѣ Глазунова, Скопческой Моленной, и изъ отобранныхъ у нихъ при всѣхъ сихъ случаяхъ рукописей, книгъ, портретовъ и другихъ предметовъ, видно, что догматическое ученіе ихъ состоитъ въ слѣдующихъ нелѣпыхъ и пагубныхъ вздорахъ:

1. Грѣхопаденіе прародителей нашихъ состояло не въ запрещенномъ вкушеніи отъ древа познанія добра и зла, а въ плотскомъ совокупленіи; посему и искупленіе наше Христомъ Спасителемъ состояло въ проповѣданіи роду человѣческому

оскопленія, которое Іисусъ Христосъ самъ на себя принялъ, а потомъ послѣдовали примѣру его и всѣ Апостолы, Мученики, Преподобные и прочіе первые Христіане. Въ послѣдствіи, люди, по слабости своей, отпали снова отъ этого образца, и снова погрязли во грѣхахъ. Главнѣйшій виновникъ отступничества былъ Императоръ Константинъ Великій; почему онъ и не признается Святымъ у Скопцевъ.

2. Не желая погубить родъ человѣческій до конца, Сынъ Божій снова пришелъ въ міръ спасти людей и возстановить истинную Церковь Вѣрныхъ, снова принялъ на себя плоть человѣческую, снова претерпѣлъ и претерпѣваетъ гоненія, ублажая Отца Небеснаго своими страданіями, и снова обновляетъ міръ оскопленіемъ.

3. Это пришествіе Искупителя есть уже послѣднее, какъ предречено въ Св. Писаніи; а ***облаками свидѣтелей*** и ***Ангелами Святыми***, которые, по словамъ Евангелія, должны сопровождать второе пришествіе Іисуса Христа, Скопцы почитаютъ себя.

4. Отвергая дѣйствительность Таинства Крещенія, Скопцы замѣняютъ его оскопленіемъ, давая ему тоже значеніе и называя *крещеніемъ огненнымъ*.

5. Страданія и смерть Іисуса Христа въ первое пришествіе его на землю, по мнѣнію Скопцевъ, должно понимать въ смыслѣ аллегорическомъ: подъ именемъ страстей Господнихъ, они разумѣютъ только гоненія, претерпѣнныя Сыномъ Божіимъ отъ Іудеевъ, а умеръ онъ, по ихъ словамъ, смертію естественною, какъ умираютъ всѣ.

6. Вознесенія Христа Спасителя съ плотію на небо, Скопцы не признаютъ, утверждая, что онъ вознесся только своимъ Божествомъ, соединеннымъ съ человѣческою душею, а тѣло его, по общему закону, подверглось тлѣнію на землѣ.

7. Скопцы совершенно отрицаютъ воскресеніе тѣлъ человѣческихъ по кончинѣ вѣка.

8. Отвергая воскресеніе тѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они отвергаютъ также всѣ мученія, которыми Св. Писаніе угрожаетъ

грѣшникамъ, утверждая, что мученія эти будутъ состоять единственно въ мукахъ душевныхъ, въ угрызеніи совѣсти.

9. Бытіе міра продолжаться будетъ безконечно, и измѣненіе его будетъ состоять не въ обновленіи стихій, но въ перемѣнѣ образа жизни людей; то–есть, всѣ люди сдѣлаются Скопцами и, облекшись безсмертіемъ, будутъ блаженствовать на землѣ, которая превратится тогда въ Рай, а души умершихъ Скопцевъ получатъ блаженство *въ Седьмомъ Небѣ*, гдѣ присутствуетъ само Божество.

10. Книги Ветхаго и Новаго Завѣта, писанія Святыхъ Отцевъ Церкви и Каноны Соборные, Скопцы отвергаютъ, называя все это *мертвою буквою*. О Евангеліи говорятъ, что оно вовсе не въ такомъ видѣ было написано, а искажено въ послѣдствіи, кромѣ XIX главы Матѳея и еще нѣсколькихъ другихъ мѣстъ, ложное толкованіе которыхъ служитъ основаніемъ ихъ заблужденій. По ихъ увѣренію, истинныя книги Св. Писанія, или — какъ

говорятъ они — *голубиныя книги*, закладены въ главѣ церкви Св. Андрея Первозваннаго на Васильевскомъ Острову въ С.–Петербургѣ.

11. Скопцы мяса вообще не ѣдятъ; но не содержатъ постовъ, установленныхъ Церковію, а постятся когда имъ вздумается. Въ особенности, 15 сентября, въ память наказанія въ этотъ день Лже–Христа ихъ Селиванова кнутомъ въ Сосновкѣ, всѣ они держатъ постъ самый строгій, не принимая никакой пищи. Постятся также и въ большіе Церковные Праздники, ибо считаютъ несовмѣстнымъ праздновать и веселиться съ Христіанами въ то время, когда ихъ Искупитель распинается на крестѣ.

12. Молитвъ, кромѣ собственныхъ, никакихъ не читаютъ.

Вообще Скопцы только лицемѣрно именуютъ себя Православными и наружно исполняютъ обряды Церкви, но между собою называютъ ее Фарисейскою и Языческою, утверждая, что истинная Христіанская Вѣра есть ихъ Скопческая.

Изъ нашихъ Святыхъ признаютъ они только тѣхъ, которые пишутся съ короткими и рѣдкими бородами, какъ на–примѣръ: Св. Николая Чудотворца и Филиппа Митрополита Московскаго, которыхъ почитаютъ Скопцами. Но наиболѣе чтутся ими собственные угодники ихъ, каковы: *Александръ Ивановичъ*, Лже–Предтеча; какой–то *Мартынушка*, товарищъ Селиванова въ неволѣ и при побѣгѣ, котораго называетъ онъ *своимъ братомъ;* Пророкъ *Филимонъ*, который *ходилъ въ словѣ бойко*; Божій человѣкъ *Аверьянъ*, Пророчица *Анна Романовна*, и другіе: о послѣдней упоминается въ «Страдахъ» Селиванова, что она состояла пророчицей при Акулинѣ Ивановнѣ и узнавала, когда будетъ хорошій ловъ рыбы, богатая жатва и проч. Впрочемъ, какъ уже было сказано, верховные предметы обожанія ихъ суть самъ *Селивановъ* и *Акулина Ивановна*, которымъ они покланяются и молятся: этой какъ Царицѣ Небесной, а тому какъ Спасителю и Богу, утвержая въ пѣсняхъ своихъ, что онъ *Богъ*

надъ Богами, Царь надъ Царями **и** ***Пророкъ надъ Пророками.*** **Въ одной рукописи ихъ говорится:** ***«Единъ учитель, Отецъ вашъ Искупитель, и матушка Акулина Ивановна, да батюшка Александра Ивановичъ, а прочимъ я никому не вѣрю».*** **Въ другомъ мѣстѣ тойже рукописи сказано, что Селивановъ есть** ***второй Сынъ Божій,*** **что** ***онъ живой Богъ;*** **да и самъ отъ себя онъ говоритъ къ послѣдователямъ:** ***«я вамъ истинный Христосъ!»*** **По словамъ Скопцевъ,** ***Акулинѣ Ивановнѣ всѣ Пророки пѣли, что отъ нея будетъ Сынъ Божій,*** **который приметъ** ***страды за всѣхъ своихъ дѣтушекъ.*** **Почитая Императора Петра III главой своей Секты и Искупителемъ, Скопцы величаютъ и его** ***«своею надеждою, ключемъ сладимымъ, вѣрнымъ источникомъ и всѣхъ праведныхъ помощникомъ, насадившимъ виноградные сады, учителей и пророковъ.»*** **Въ дѣлѣ о Уфимскомъ Мѣщанинѣ Семенѣ Яганове (1841 августа 30) есть показаніе, что, по мнѣнію Скопцевъ, въ началѣ былъ Господь Саваоѳъ, потомъ Іисусъ Христосъ, а нынѣ**

Государь Батюшка Петръ Ѳедоровичъ, Богъ надъ Богами и Царь надъ Царями.

Изъ произведеннаго Морскимъ Министерствомъ изслѣдованія въ Кронштадтѣ о Сектѣ Скопцевъ, состоявшей подъ руководствомъ главнаго ихъ Пророка, 3–го Ластоваго Экипажа Подпоручика Царенка*, оказалось, что Кронштадтскіе Скопцы отвергаютъ божественность Іисуса Христа, признавая его только за человѣка, исполненнаго благодатію, и утверждая, что благодать эта перешла въ Императора Петра III, чудовищное искаженіе памяти котораго, какъ показали всѣ бывшія слѣдствія, принадлежитъ къ общимъ основнымъ догматамъ всей Секты, если только можно такъ назвать безсмысленныя и безобразныя бредни, которыхъ существованію трудно–было повѣрить, еслибъ не было на то письменныхъ, неопровержимыхъ доказательствъ.

---

* Замѣчательно, что вообще Раскольники, а въ особенности Скопцы, охотно принимаютъ подобныя прозванія: *Царскій*, *Царевъ*, *Царенко*, безпрестанно между ними встрѣчаются. Кромѣ–того, принимаютъ они также иносказательныя, по–большей–части страдальческія, смиренныя прозванія, выражаемыя по ихъ обычаю уменьшительными, какъ на–примѣръ: *Голубчиковъ*, *Душечкинъ*, и т. п.

Скопцы почитаютъ Святыми и Пророками въ особенности тѣхъ своихъ единомышленниковъ, кои успѣли оказать Сектѣ наиболѣе услугъ, заключавшихся въ пріобщеніи къ ней новыхъ жертвъ*. Тотъ изъ нихъ, который успѣетъ пріобрѣсть такихъ жертвъ *двѣнадцать*, величается Апостоломъ; Апостолы же эти называютъ себя разными собственными именами наиболѣе прославленныхъ въ истинной Церкви Святыхъ, въ особенности истинныхъ Апостоловъ Христовыхъ. Не въ слѣдствіе–ли этого изувѣрнаго обычая назвались у нихъ и Богородицами: первоначально Акулина Ивановна, а потомъ Анна Сафоновна и та женщина, которую, по словамъ Будылина, Скопцы хотѣли освободить изъ Ораніенбаумскаго острога? —

Таинствъ, которыя составляютъ сущность благочестія Христіанскаго, Скопцы вовсе не признаютъ, или признаютъ

---

* По дѣлу Курской Губерніи 1822 года, оффиціяльно обнаружено, что «каждый вновь принимаемый въ Общество Скопцевъ обязывается страшною клятвою совращать другихъ, и тотъ, кто пріобрѣтетъ *десять* послѣдователей, почитается Святымъ, и будетъ святъ, хотя бы самъ даже и не молился Богу».

отнюдъ не такъ, какъ Православная Церковь. *Покаяніе*, по ихъ мнѣнію, значитъ обращеніе въ ихъ Секту; *Миропомазаніе* принимаютъ они только въ смыслѣ духовномъ, говоря, что всякъ изъ нихъ миропомазанъ благодатію Духа Святаго; *Священства*, *Брака* и *Елеосвященія* не признаютъ вовсе; а Таинство *Причащенія* одни полагаютъ въ слушаніи скопческихъ пророчествъ, а другіе въ принятіи, вмѣсто Св. Таинъ, хлѣба и баранокъ, освященныхъ на могилѣ Шилова въ Шлиссельбургѣ, всѣ–же единодушно наше Св. Причастіе называютъ презрительно *тюрей*. При арестованіи вещей, принадлежавшихъ Скопческой Моленной, открытой въ домѣ Глазунова (1844), въ числѣ прочаго найдены четвероугольные кусочки чернаго хлѣба, крестообразно изрѣзанные линіями, также бѣлые сухарики, служащіе для причащенія по обряду Скопцевъ, и сверхъ–того найденъ еще сладковатый порошокъ, раздающійся у нихъ также вмѣсто Св. Тайнъ; тѣже открытія сдѣланы были по Кронштадтскому слѣдствію 1839 года и по

производившемуся въ 1819 году въ Псковѣ. Порошокъ этотъ по–видимому есть мелко–истертая сушеная щука, вѣроятно перемѣшанная съ сахаромъ. Арестантъ Соловецкаго Монастыря Кудиновъ говоритъ, что онъ разъ спросилъ одного Скопца: для чего же они посѣщаютъ церкви и причащаются Св. Таинъ, если ничему этому не вѣрятъ? Тотъ отвѣчалъ ему: «въ церковь мы ходимъ страха ради Іудейскаго, а Причастіе принимаемъ, какъ обыкновенный хлѣбъ и вино.» По Кронштадтскому дѣлу, сознаніемъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ также открыто, что Царенко давалъ своимъ ученикамъ, вмѣсто причастія, хлѣбъ и баранки, освященные на могилѣ Шилова. Не признавая никакихъ праздниковъ, Скопцы всѣ дни считаютъ равными; но чтобъ менѣе возбудить подозрѣнія, сборища свои назначаютъ преимущественно по праздникамъ и воскресеньямъ. Иногда впрочемъ Скопцы собирались постоянно по субботамъ, принимая *день субботній*, предписываемый въ Ветхомъ Завѣтѣ для

празднованія, въ буквальномъ смыслѣ: отъ этого обычая Курскіе Скопцы (1822) получили въ народѣ названіе *Субботниковъ*, хотя это названіе принадлежитъ собственно другой Сектѣ Жидовствующихъ. Если кто изъ Скопцевъ умираетъ, то другіе собираются къ нему въ *радѣльныхъ одеждахъ* (рубахахъ) и поютъ свои молитвы, въ продолженіе которыхъ одинъ, выходя на средину, пророчествуетъ и даже говоритъ о томъ, куда душа покойнаго водворится; а Православный Священникъ призывается уже послѣ всего этого, только такъ–сказать для виду. Надъ могилою умершаго опять совершаются особые обряды и поминовенія; такъ, между–прочимъ, памятникъ ставится не вдоль гроба, а поперекъ крестомъ, и въ этомъ видѣ положена плита надъ могилою Шилова въ Шлиссельбургѣ. Вообще, Скопцы весь міръ называютъ *проклятымъ*, а Церковь Божію — *мурашинымъ гнѣздомъ*.

Если присовокупить къ этому изложенныя выше вѣрованія и мечты Скопцевъ, то можно составить себѣ понятіе,

въ какомъ ужасномъ заблужденіи погрязли эти фанатики, и какъ опасны и вредны заблужденія ихъ для самаго спокойствія Государства. Это послѣднее подтверждаетъ уже и опытъ. Въ одномъ уголовномъ дѣлѣ производившемся о ссыльномъ Скопцѣ Александрѣ Шокгофѣ, уроженцѣ Лифляндской Губерніи, есть показаніе Скопца Андреяна Жагалкина, что онъ не признаетъ верховной власти ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, потому–что Скопецъ долженъ отвѣчать только своему Царю Петру Ѳеодоровичу, которому принадлежитъ по Вѣрѣ. По слѣдствію, произведенному въ 1830 году въ Тамбовской Губерніи по дѣлу Будылина, открыто также, что Скопцы, по–крайней–мѣрѣ тамошніе, нынѣ Царствующаго ГОСУДАРЯ ИПМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА не признаютъ.

И эта, сколько нелѣпая, столькожъ и преступная во всѣхъ отношеніяхъ Секта, не смотря на строгія узаконенія, преслѣдующія Скопчество, какъ–скоро послѣдователи его дѣлаются извѣстны, не

только существуетъ и продолжаетъ свои сборища, но еще увеличиваетъ съ каждымъ годомъ число своихъ послѣдователей. Скрытность, лицемѣріе и притворство Скопцевъ усыпляютъ бдительность Правительства, а происки и денежныя средства доселѣ ихъ обезпечивали. Наглое запирательство и различныя уловки служили имъ всегда надежнымъ средствомъ къ посмѣянію надъ строгостію законовъ. Въ 1844 году открыты и изобличены въ Петербургѣ два оскопителя (Кабаковъ и Петинъ): и это едва–ли не единственный въ этомъ родѣ примѣръ. Отдаваемые въ солдаты, отсылаемые въ монастыри на покаяніе, ссылаемые въ Сибирь, Скопцы не только сами оставались по духу тѣмиже безобразными изувѣрами, но всюду совращали другихъ, посвящая новыя жертвы въ чудовищныя тайны свои. Даже въ Соловецкомъ Монастырѣ поступали они точно такимъ образомъ; а изъ Иркутска, какъ показано выше, сдѣлали для себя какую–то Обѣтованную Землю. Средства, употребляемыя Скопцами для совращенія и

вовлеченія въ свою Секту другихъ, будутъ представлены въ послѣдствіи; а теперь опишемъ обрядъ, коимъ это сопричисленіе совершается.

13. Обрядъ пріема въ скопческую Ересь.

Новопріемлемаго приводятъ обыкновенно въ моленную во время полнаго собранія, одѣвъ въ бѣлую рубашку, такую точно, какія надѣты и на прочихъ, составляющихъ сборище. Рубашки эти длинныя, по самыя пятки, сшиты на образецъ эпитрахилей, и цвѣтомъ своимъ должны представлять иносказательный намекъ на мнимую чистоту и непорочность Скопцевъ: образчики такихъ рубашекъ взяты у Скопцевъ, захваченныхъ въ домѣ Глазунова (1844). Облачившись такимъ образомъ, они зажигаютъ свѣчи у иконъ, и положа предъ ними по три поклона, кланяются другъ–другу. Потомъ Старшина Собранія, заступающій мѣсто Пастыря, раздавъ всѣмъ восковыя свѣчи и держа самъ въ правой рукѣ крестъ, спрашиваетъ новообращаемаго: кого онъ представляетъ порукою искренности своего намѣренія

сопричислиться къ братсву? Тотъ, будучи уже прежде наученъ, отвѣчаетъ, что представляетъ порукою Бога. Затѣмъ Ересеучитель заставляетъ его повторить за собой слѣдующую клятву: «*Пришелъ* (или *пришла*) *я къ тебѣ, Господи, на истинный путь спасенія, не по неволѣ, но по своему желанію, и обѣщаюсь тебѣ, Господи, про дѣло сіе святое никому не сказывать, подъ смертною казнію, ни отцу, ни матери, ни родству, ни пріятелю!*» Послѣ того, принимаемый цѣлуетъ крестъ и получаетъ, въ словесномъ наставленіи, слѣдующія заповѣди, съ обязанностію хранить ихъ свято и постоянно, не нарушая ни въ какомъ случаѣ:

1. Каждому Скопцу, какъ живому образу Божію, при свиданіи воздавать втайнѣ честь земнымъ поклономъ съ изображеніемъ на себѣ крестнаго знаменія, и привѣтствовать сими словами: «*Здравствуй братецъ*, или *сестрица* (имя–рекъ), *и съ Батюшкою родимымъ* (то–есть со Лже–Христомъ): *Христосъ воскресе*!» причемъ, въ изъявленіе большей нѣжности,

называть другъ–друга уменьшительными именами, какъ, на–примѣръ, Ивана – *Иванушкою*, Ѳому – *Ѳомушкою* и проч., а Лже–Христа Селиванова величать непремѣнно *Батюшкою*, какъ заповѣдано имъ самимъ.

2. Во всякомъ случаѣ поворачиваться, если въ томъ встрѣтится надобность, *на–право*, по солнцу, въ ознаменованіе праваго ихъ пути.

3. За *дѣло* свое *святое* не страшиться ни темницъ, ни узъ, ни даже самой смерти, и тайнъ общества не открывать ни въ какомъ случаѣ.

4. Удаляться обращенія съ женщинами вообще, особенно же съ невѣрными, не принадлежащими къ обществу, и отвращаться отъ нихъ, какъ отъ гнусной скверны.

5. Не употреблять никакихъ горячихъ напитковъ, также табаку, и не ѣсть мяса, а питаться только молочнымъ, рыбою и растеніями.

6. Никогда не произносить никакихъ непристойныхъ и ругательныхъ словъ,

равно имени «діавола», называя послѣдняго, въ случаѣ надобности, *врагомъ*.

7. Не пѣть мірскихъ пѣсенъ, не слушать сказокъ и всякихъ вымышенныхъ повѣстей и удаляться соблазнительныхъ бесѣдъ и собраній.

8. Въ обращеніи со *своими* избѣгать всякой ссоры, и не укорять другъ–друга ни чѣмъ, кромѣ развѣ *суетою*.

Получивъ это наставленіе и давъ обѣщаніе исполнять его свято до конца жизни, новопринятый, въ ознаменованіе отреченія своего отъ всего мірскаго, по приказанію главнаго Старшины Собранія, произноситъ прощальныя слова: «*Прости меня Господи, прости меня Пресвятая Богородица, простите меня Ангелы, Архангелы, Херувимы, Серафимы и вся Небесная Сила, прости небо, прости земля, прости солнце, прости луна, простите звѣзды, простите озера, рѣки и горы, простите всѣ стихіи небесныя и земныя!*» Послѣ того, его привѣтствуютъ и называютъ *заграничнымъ воиномъ*

Небеснаго Царя, наслѣдникомъ Царствія и пр. Обрядъ заключается обыкновенно ***радѣніемъ*** или общимъ моленіемъ Собранія.

Для многихъ этотъ обрядъ составляетъ уже конечное пріобщеніе къ Сектѣ, въ слѣдствіе предварительнаго оскопленія изъ собственной ревности. Но другіе посредствомъ его только лишь вводятся въ Братство, можетъ–быть даже не зная еще, какой жертвы потребуютъ отъ нихъ въ послѣдствіи. Впрочемъ такая неизвѣстность обыкновенно продолжается недолго. Почти тотчасъже новопринятому объявляютъ, что всего исполненнаго имъ недостаточно еще для полнаго спасенія души, что для этого необходимо сохраненіе дѣвственной чистоты, которая достигается только посредствомъ оскопленія. Страхъ операціи побѣждается ласками собратій, убѣжденіями, лживыми примѣрами, увѣреніями въ Божіей помощи, обѣщаніемъ всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ; и новый членъ Братства рѣшается на такъ–называемое ***огненное крещеніе***, и дѣлается

Скопцемъ вполнѣ, по духу и по плоти. Тогда ужъ нѣтъ возврата! Нерѣдко Скопцы прибѣгаютъ и къ помощи пьяныхъ или усыпительныхъ напитковъ, если совращаемый слишкомъ долго упорствуетъ, страшась операціи. Обреченную жертву, усыпивъ, накрываютъ простыней, надѣваютъ мѣшокъ на голову, связываютъ по рукамъ и по ногамъ, несутъ или отвозятъ въ подвалъ или погребъ, и оскопляютъ. Такимъ образомъ несчастный не видитъ своихъ убійцъ и не знаетъ ихъ. Вылежавшись потомъ, послѣ долговременной, трудной болѣзни, и ублажаемый золотыми обѣщаніями, онъ смиряется и молчитъ. Да и что ему болѣе дѣлать? Онъ изуродованъ навсегда; передъ закономъ, который не принимаетъ никакихъ отговорокъ, въ случаѣ оскопленія*, виноватъ, и, конечно, уже не можетъ надѣяться ни на какое вознагражденіе.

14. Обрядъ общаго моленія или радѣнія въ Скопческихъ Сборищахъ.

---

* Сводъ Законовъ, т. XV. о преступл. и наказ. ст. 206.

У Скопцевъ есть свой языкъ, свои особыя выраженія и слова. Общества свои они называютъ *кругами* или *кораблями*; Учителей и Пророковъ — *кормчими*; оскопленіе, какъ объяснено выше — *огненнымъ крещеніемъ* и *царскою печатью*; дѣтородныя части — *грѣхомъ*, *суетою*, *лѣпостью*; богомоленіе свое — *радѣніемъ*..

Моленія или *радѣнія* Скопцевъ происходятъ слѣдующимъ образомъ. Въ самомъ началѣ обыкновенно все Собраніе общимъ хоромъ поетъ молитву: «*Дай намъ Господи къ намъ Іисуса Христа, дай намъ Сына Божія, помилуй сударь насъ! Съ нами Духъ Государь Святой, Господи помилуй сударь насъ! Пресвятая Богородица, упроси, мой свѣтъ, объ насъ свѣта Сына твоего, Бога нашего Святаго! Свѣтъ тобою спасенъ, Государь души нашей, на сырой на землѣ, на матушкѣ на кормилицѣ!*» Въ этой молитвѣ заключается призваніе благодати на Скопцевъ: почему она почитается столь священною, что никто, отпадшій отъ ихъ общества, не

можетъ ни пропѣть ее, ни прочитать. Затѣмъ, избранные пѣвчіе начинаютъ пѣніе разныхъ другихъ пѣсенъ, на голосъ обыкновенныхъ плясовыхъ простонародныхъ, прихлопывая правою рукой въ ладъ, для большей стройности: здѣсь, въ видѣ особаго приложенія, присовокуплено собраніе такихъ «Пѣсенъ». Всѣ онѣ и сложены на ладъ обыкновенныхъ мужицкихъ, наполнены разными любимыми у простаго народа присловьями и съ–тѣмъ–вмѣстѣ загадочными выраженіями, содержащими въ себѣ намекъ на вѣрованія и задушевныя мечты Скопцевъ. Многія изъ нихъ просто передѣланы или переиначены изъ простонародныхъ; какъ, напримѣръ извѣстная пѣсня: «*Какъ у насъ на Дону стоитъ Королевская корчма»,* въ которой Скопцы измѣнили второй стихъ по–своему: «*стоитъ Церковь Божія*» и проч. Во время пѣнія этихъ пѣсенъ, пѣвцы держатъ въ правой рукѣ на колѣняхъ платокъ, называемый у нихъ *покровомъ*: въ числѣ сихъ платковъ, есть сохранившіеся донынѣ изъ числа тѣхъ, коими дарилъ

поклонниковъ своихъ Селивановъ; другіе–же, простые, бумажные, большею–частію бѣлые съ красными мушками; есть и красные: сидя, молящіеся держатъ такіе платки на колѣняхъ. Затѣмъ, всѣ присутствующіе, восклицая: «*Ой духъ, духъ, Святый Духъ!*» начинаютъ скакать и вертѣться: сперва всѣ вмѣстѣ, составивъ общій кругъ; затѣмъ, по–одиночкѣ, одинъ за другимъ; потомъ каждый начинаетъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, на пяткѣ правой ноги и, по заповѣди, *на–право*, съ такой быстротой, что наконецъ нельзя разпознать лица его. Все Собраніе одѣто при этомъ случаѣ въ бѣлыя рубашки, которыя описаны выше, а обуто въ одни только чулки. Глухой гулъ отъ топанья ногами и раздувающіяся при круженіи отъ воздуха рубашки, представляютъ зрѣлище довольно страшное. Въ срединѣ круга также вертится нѣсколько человѣкъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ придутъ въ совершенное изнеможеніе. Такое радѣніе называется простымъ или *одиночнымъ*. Второй способъ радѣнія,

называемый *корабельнымъ*, состоитъ въ томъ, что, составивъ кругъ, сначала всѣ бѣгаютъ одинъ за другимъ, потомъ, выстроившись въ два ряда, начинаютъ прыгать другъ противъ друга и вертѣться также по солнцу, какъ и при одиночномъ радѣніи, но уже припрыгивая. При третьемъ радѣніи, *крестообразномъ*, всѣ становятся на–крестъ и прыгаютъ другъ противъ друга, взадъ и впередъ, прихлопывая руками. Порядокъ этихъ радѣній можетъ измѣняться, по произволу Старшины Собранія или Главнаго Пророка. Скопцы почитаютъ ихъ вообще дѣломъ самымъ богоугоднымъ, и называютъ *Израильскою работою*. Окончивъ это бѣснованіе, каждый кладетъ передъ образами по нѣскольку поклоновъ, и отходитъ на свое мѣсто.

15. Пророки и Пророчицы Скопцевъ.

Но этимъ не все кончается. Послѣ общаго круженія, обыкновенно является на сцену человѣкъ, называющій себя Пророкомъ Собранія, перепоясанный черезъ плечо полотенцемъ или платкомъ, и

также съ платкомъ въ рукахъ. Положивъ нѣсколько поклоновъ и проговоривъ на распѣвъ вступительную молитву: «*Благослови мой Государь, благослови Батюшка родной, на кругъ святой твой стать, изволь мною Святымъ Духомъ завладать!*» онъ обращается къ присутствующимъ и возглашаетъ: «*Христосъ Воскресе*»! Тогда всѣ падаютъ на колѣни, и Пророкъ начинаетъ пророчествовать, сперва вообще всѣмъ, что называется у нихъ *общею судьбою*, а потомъ каждому порознь. Пррочество это обыкновенно состоитъ въ ничтожной болтовнѣ, въ разныхъ общихъ фразахъ, въ обѣщаніи скораго пришествія Искупителя, въ дарованіи вѣрнымъ вѣчнаго блаженства и проч. Все это произносится грубыми, на–обумъ сложенными стихами сказочнаго размѣра, какъ напримѣръ: «*Ну Богъ помочь тебѣ братъ! Эка Богъ тебѣ радъ, подастъ душѣ твоей много наградъ*» и проч.

При производствѣ слѣдствія, въ 1821 и 1822 годахъ, по дѣлу о Скопцахъ Фатежскаго Уѣзда Курской Губерніи,

крестьянинъ села Ольховатки Артемъ Петровъ Селезневъ, между–прочимъ описываетъ порядокъ бывавшихъ у нихъ *радѣній*, вообще мало разнящійся отъ вышеописаннаго, а потомъ представляетъ подробно, какимъ образомъ производились у нихъ пророчества, сперва мѣстнымъ Учителемъ Гробовымъ, а затѣмъ Главнымъ Уставщикомъ Андріяномъ Парѳеновымъ, отъ котораго самъ Гробовъ получилъ благословеніе на учительство и пророчество. Вотъ его расказъ.

Гробовъ впереди, а за нимъ всѣ мущины и женщины, пали передъ иконами на колѣни; причемъ Гробовъ сказалъ: *«Прости солнце, мѣсяцъ, простите звѣзды, прости матушка сыра земля! Господи благослови мнѣ говорить не своими устами, а всели въ меня Святый Духъ твой!»* Послѣ этого вступленія, онъ всталъ, одинъ, съ своего мѣста, и началъ, какъ сумасшедшій, бѣгать промежду присутствующихъ, стоящихъ на колѣняхъ, ударяя себя въ грудь и приговаривая: *«Слушайте, Православные Христіане, во*

мнѣ есть Святъ Духъ. Молитесь Христіане: то былъ дождь, теперь я вамъ дамъ погоду, чтобъ коноплю помолотить. Не переставайте, молитесь: два года былъ неурожай, а теперь я вамъ дамъ великій урожай хлѣба. Не кушайте зелень виноградъ: за ваше маловѣріе пошлю сильную тучу и градъ.» **Когдаже предстоящіе общимъ хоромъ стали умолять его, называя *родимымъ Батюшкой*, чтобы онъ удалилъ отъ нихъ тучу и градъ, по тому–де, что у нихъ и то два года сряду были неурожайные; то онъ, оставивъ угрозу, обѣщалъ обильную жатву, и вообще сдѣлался такъ благосклоненъ, что когда двѣ изъ бывшихъ тутъ женщинъ начали просить его со слезами, одна объ избавленіи ея семейства отъ рекрутской повинности, а другая о возвращеніи ея сына отданнаго въ солдаты, то онъ обѣщалъ исполнить просьбы обѣихъ, повторяя, обращаясь къ послѣдней, что онъ Святъ Духъ, что черезъ три года полетитъ онъ въ тотъ градъ, гдѣ ея сынъ находится въ полку, и принесетъ его оттуда.**

Присутствовавшихъ при этомъ дѣвокъ Гробовъ называлъ *поднебесными птицами*, и обѣщалъ имъ взять ихъ съ собою *къ Ангеламъ*; а мнѣ, продолжаетъ Селезневъ, вѣроятно провѣдавъ, что у меня есть порядочный домъ, сулилъ *вселить въ домъ моемъ соборъ*, то–есть Скопческое Сборище, и обѣщалъ *посадить меня* съ собой на какой–то *корабль*. Кончивши всю эту болтовню, Гробовъ началъ приглашать каждаго изъ предстоящихъ *помолиться* и ему чѣмъ–нибудь. Тутъ, кто обѣщалъ служить ему поклонами, кто милостынею, другіе клали ему въ сундучокъ деньги; я же, говоритъ Селезневъ, на первый разъ обѣщалъ положить дома въ честь его шесть–сотъ поклоновъ. Яковъ Богдановъ, котораго Гробовъ избралъ себѣ въ писаря, записывалъ обѣщанія. Наконецъ, передъ разсвѣтомъ, положивши другъ передъ другомъ по три земныхъ поклона и затѣмъ поѣвши рыбы, картофеля, щей и каши съ молокомъ, разошлись всѣ по домамъ. Радѣніе сопровождалось пѣснями и пляской, какъ обыкновенно, и всѣ одѣты

были въ бѣлыя рубашки. Во второй разъ, въ Моленной первенствовалъ уже Парѳеновъ, но и Гробовъ называлъ себя тутъже Святымъ Духомъ. Крестьянинъ Селезневъ, давшій это показаніе, самъ не былъ Скопецъ, хотя его и приглашали *выбѣлиться*: онъ посѣщалъ Сборища Скопцевъ единственно изъ любопытства, притворяясь раздѣляющимъ ихъ вѣрованія, и, вызнавъ все, донесъ Священнику, чѣмъ способствовалъ къ раскрытію дѣла.

Вообще пророчества Скопческихъ Пророковъ незатѣйливы. Но какъ и для такой, въ сущности пустой болтовни, нужно имѣть особенную способность или навыкъ, то Скопцы увѣрены что это даръ свыше, ниспосылаемый только избраннымъ, говоря: *овому дается пѣніе, овому радѣніе, овому пророчество, овому сказаніе или толкованіе онаго* и проч. Штабсъ–Капитанъ Созоновичь, въ раскаяніи своемъ искренно сознается, что будучи Пророкомъ между Скопцами, онъ самъ получилъ наконецъ такой навыкъ въ этомъ ремеслѣ, что могъ по нѣскольку

часовъ сряду и безостановочно болтать довольно складно все, что на умъ приходило, принаравливаясь только ко вкусу своихъ слушателей; причемъ, говоритъ онъ, иногда и удается сказать кому–нибудь случайно и такую вещь, которая убѣдитъ фанатика, что Пророкъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ даръ предсказанія и можетъ читать тайны души человѣческой. Въ Сектѣ, открытой въ Кронштадтѣ, по показанію Подпоручика Царенка, Пророками были деньщикъ Авдѣй Андреевъ и писарь Игнатовъ.

Пророкъ, въ молитвенныхъ Собраніяхъ Скопцевъ, обыкновенно имѣетъ въ рукахъ небольшой деревянный крестъ. Крестовъ этихъ въ свое время Селивановъ роздалъ весьма много, надѣляя ими только тѣхъ, кого посвящалъ въ высшія степени своихъ таинствъ; теперь они сохраняются у Скопцевъ какъ величайшая святыня. Гдѣ такого креста нѣтъ, тамъ Пророкъ получаетъ его отъ Общества.

Между женщинами Скопческой Ереси есть свои Пророчицы; но когда онѣ

радѣютъ **вмѣстѣ съ мущинами, то всегда уступаютъ первенство симъ послѣднимъ. Весьма любопытно, какъ одна непотребная женщина, проникнувъ какъ–то въ Секту Скопцевъ, воспользовалась ихъ суевѣріемъ. Сдѣлавшись между Московскими Скопцами Пророчицей, она объявила за–тайну подругамъ своимъ, что она Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна, супруга блаженной памяти Цесаревича Константина Павловича. Вѣсть эта немедленно разнеслась въ Сектѣ и привела Скопцевъ въ такой восторгъ, что они предоставили ей, какъ высокой особѣ, начальство и предсѣдательство въ своихъ Собраніяхъ. Самъ Селивановъ пожелалъ ея посѣщенія, хотя въ послѣдствіи долженъ былъ въ томъ раскаяться, потому–что наружность и ловкость новой Пророчицы совершенно отвлекла–было отъ него любезныхъ его «дѣтушекъ». Возвратясь изъ С.–Петербурга въ Москву, она начала дѣйствовать еще отважнѣе: разъѣзжала по городу, распоряжалась общественною казною; наконецъ, вѣроятно соскучившись**

своею ролей, неожиданно скрылась, захвативъ съ собой значительную часть сокровищъ, которыя глупостію Скопцевъ были ей ввѣрены. Случай этотъ разсказываетъ Архимандритъ Досиѳей въ своей рукописи: «Обличеніе тайностей Ереси Скопческой.» Впрочемъ, какъ видно изъ оффиціальныхъ документовъ, и въ 1830 году Сосновскіе Скопцы именовали еще какую–то Московскую мѣщанскую дочь, Елену Павлову, Великою Княгинею, первою супругой Великаго Князя Константина Павловича, и съ тѣмъ вмѣстѣ Божіей Матерью*, а частнымъ образомъ извѣстно, что, и въ нынѣшнее время, какая–то женщина, пріѣхавшая изъ Москвы въ Одессу, а оттуда отправившаяся на пароходѣ въ Царь–Градъ, раздавала деньги и именовала себя тоюже Великою Княгинею, проповѣдуя скрытно Скопчество.

16. Изображенія и другія вещи, находимыя у Скопцевъ.

---

* Слѣдствіе 1830 года по дѣлу Будылина.

При описаніи Моленной, существовавшей въ домахъ, гдѣ жилъ Селивановъ во время пребыванія своего въ С.–Петербургѣ, между–прочимъ сказано, что зала эта по стѣнамъ украшена была иконами, съ постоянно теплющимися передъ ними лампадами и горящими свѣчами. Такіяже украшенія найдены въ Моленной, открытой въ домѣ Глазунова, и такіяже, по описанію очевидцевъ, существуютъ во всѣхъ Скопческихъ Моленныхъ. Для *явности*, какъ они выражаются, то–есть для виду, тамъ можно встрѣтить лики многихъ Угодниковъ Православной Церкви. Но есть у нихъ свои особенныя изображенія, которыя составляютъ необходимую принадлежность всякой такой комнаты: таковы въ особенности портреты Лже–Христа ихъ Селиванова и его Предтечи Шилова. Учрежденною нынѣ Слѣдственною Коммисіею собрано нѣсколько такихъ портретовъ здѣсь въ Столицѣ, а одинъ доставленъ ей изъ Екатеринбурга; такіеже портреты открыты были въ Тамбовской

Губерніи, при производствѣ въ 1830 году слѣдствія по дѣлу Будылина, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Знавшіе лично Селиванова и Шилова утверждаютъ, что въ портретахъ сихъ есть много сходства. Скопецъ Хорошкѣевъ наибольшее сходство съ подлинникомъ нашелъ въ портретѣ Лже–Христа, взятомъ у Скопца Леонова, присовокупляя къ тому, что *благолѣпный ликъ* Селиванова удостоился особеннаго уваженія даже отъ лицъ, присылавшихъ къ нему по Высочайшей волѣ. «Прибыли, говоритъ онъ, къ нему, то–есть къ Селиванову, часу въ 11 дня два лица: одно Поповъ, а другое не знаю кто; поговоривъ съ нимъ, они пожимали плечами и уходя, не иначе шли отъ него, какъ задомъ, всплескивая руками и приговаривая: *Господи, еслибы не Скопчество, за такимъ человѣкомъ пошли–бы полки полками!*»

Селивановъ представляется обыкновенно старикомъ, въ темно–голубомъ или зеленомъ халатѣ съ черною соболиною опушкою, съ бѣлымъ платкомъ на шеѣ, повязаннымъ большимъ бантомъ: старикъ

сидитъ въ креслахъ, положивъ правую руку на красный объ одной ножкѣ столъ, на которомъ иногда изображена корзинка съ вѣткою винограда и двумя персиками; на нѣкоторыхъ же портретахъ, сверхъ–того, онъ держитъ въ лѣвой рукѣ бѣлый платокъ съ голубыми и красными цвѣточками. Замѣчательно, что Шиловъ на портретѣ представленъ съ обоими глазами, между тѣмъ какъ, по расказамъ знавшихъ его, онъ былъ кривъ, лишившись одного глаза отъ удара тростью Полковника Волкова. Во многихъ производившихся прежде по дѣламъ Скопцевъ слѣдствіяхъ есть описанія этихъ портретовъ, взятыя со словъ подсудимыхъ, и вездѣ онѣ одинаковы. Скопцы утверждаютъ, что Селивановъ походилъ, какъ двѣ капли воды, на изображеніе Петра III, и потому рубли этого Государя сохраняютъ какъ святыню: по безобразнымъ портретамъ, на которыхъ Селивановъ представленъ съ бородой, о такомъ сходствѣ заключать нельзя.

Скопцы устроиваютъ домы свои по–возможности такимъ образомъ, чтобы

постороннимъ людямъ не было въ нихъ свободнаго доступа и чтобы вообще скрыто было все въ нихъ происходящее; даже самое расположеніе комнатъ составляетъ для сосѣдей тайну. Разумѣется, что это относится только до Скопцевъ зажиточныхъ въ городахъ. Всѣ домочадцы и прислуга ихъ состоятъ изъ Скопцевъ же, или изъ Хлыстовъ, или изъ другихъ вѣрныхъ и приверженныхъ людей. Никогда Скопецъ не пускаетъ къ себѣ жильца посторонняго, и большіе домы ихъ въ Столицахъ заняты исключительно ими и людьми ихъ Секты. Высокіе заборы, окна на дворъ, темная комната посреди дома, удаленная отъ взоровъ и слуха любопытныхъ, каменная особенная палатка во дворѣ, куда никому нѣтъ доступа, различнаго рода тайники, чердачки и подвалы, отдѣланные для жилья, составляютъ принадлежность такого дома. Ворота въ домахъ сихъ всегда заперты, какъ въ замкахъ среднихъ вѣковъ, и входъ для непосвященныхъ заказанъ. Въ Гатчинѣ, Софіи, Славянкѣ и въ самомъ Петербургѣ,

есть такіе домы: что въ нихъ дѣлается — этого никому неизвѣстно; а ходитъ молва о подземныхъ подвалахъ, гдѣ совершается надъ обреченными жертвами тѣлесное искаженіе, гдѣ вылеживаются эти несчастные, если имъ суждено жить, и гдѣ зарываютъ трупы ихъ, если жертвы не переносятъ операціи. Даже у крестьянъ–Скопцевъ, есть нерѣдко такъ–называемые «тайники» для укрывательства бѣглыхъ, устроенные между накатомъ и обшивкой потолка, или въ подпольяхъ. Въ одномъ изъ такихъ вертеповъ, у содержателя Моленной, открытой въ домѣ Глазунова, домоприкащика Никифора Васильева Царева, который самъ себѣ далъ это прозваніе, между прочими предметами, какъ–то веригами и панцырями, кои тутъже работались, между мазями, повязками, пластырями, священнымъ хлѣбомъ, употребляемымъ Скопцами вмѣсто причастія, разными рукописями и портретами, взять еще особаго склада и вида *паспортъ*, написанный Церковно–Славянскими буквами, въ которомъ между–

прочимъ значится, что онъ выданъ *отъ града Вышняго, отъ самаго Бога, съ изображеніемъ Божіей печати*. Другой такойже паспортъ отобранъ у Скопца Некрасова, также съ печатью, имѣющею тѣже надписи; а въ 1831 году, при производствѣ слѣдствій по Скопчеству въ Моршанскомъ Уѣздѣ Тамбовской Губерніи, отобрана была самая *печать* Лже–Искупителя, вмѣстѣ съ его одѣяніемъ*. Съ паспорта, найденнаго у Царева, присемъ прилагается вѣрный снимокъ. Отысканныя у него вериги были желѣзныя и свинцовыя, большаго вѣса, и по устройству ихъ видно, что ихъ носили на поясѣ, панцыри сдѣланы изъ мелкихъ мѣдныхъ колецъ, для надѣванья на голое тѣло, подъ рубаху. Послѣднія вещи доказываютъ, что фанатизмъ Скопцевъ не удовлетворяется страшнымъ самоизуродованіемъ, этою ложною жертвою въ пользу своего спасенія; но что они подвергаютъ себя и другимъ истязаніямъ.

---

* Отношеніе Тамбовскаго Губернатора отъ 6 сентября 1844 года № 377.

17. Единомышленность и братство всѣхъ последователей Скопчества.

Все изложенное здѣсь объ ученіи, вѣрованіяхъ, мечтахъ и вообще о духѣ Скопческой Ереси, какъ уже сказано, извлечено изъ рукописей и словесныхъ показаній, отобранныхъ отъ Скопцевъ въ столь различное время и въ столь различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, что общность и однообразіе этого безобразнаго ученія не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Скопцы въ религіозномъ отношеніи составляютъ всюду единомысленное, общимъ ядомъ однихъ и тѣхъже заблужденій проникнутое и единствомъ обрядовъ тѣсно связанное, Братство. Можетъ–быть есть частію и такіе Скопцы, которые не допущены во всѣ сокровенныя таинства Секты; можетъ–быть несчастныя жертвы не всѣ ознакомлены со всѣми нелѣпостями Ереси, и это въ особенности можно отнести къ Скопцамъ изъ крестьянъ: но неоспоримо, что у главныхъ членовъ Братства, у всѣхъ, наружное соблюденіе обрядовъ

Православной Церкви есть только личина, прикрывающая въ основаніяхъ одинъ и тотъже нелѣпый и чудовищный хаосъ суевѣрія, если не совершеннаго безвѣрія. Тѣсная ихъ связь и сношенія между собою обнаруживались каждый разъ, при внезапныхъ обыскахъ, находимою у нихъ перепискою со Скопцами близкихъ и дальнихъ краевъ Государства: такъ, на–примѣръ у Старицы Пелагеи, отосланной за принадлежность къ толку Скопцевъ въ Суздальскій Монастырь на покаяніе, въ 1827 году найдены письма отъ Скопцевъ изъ разныхъ мѣстъ, и даже изъ Иркутска отъ ссыльныхъ.

Въ настоящее время однако, Скопческая Ересь, по–видимому дѣлится на три оттѣнка. Одни, присвоивающіе себѣ преимущество, держатся совершенно того ученія, которое здѣсь изложено, со всѣми его внутренними и наружными нелѣпостями. Другіе, въ догматахъ ученія и обрядахъ богомоленія согласные съ первыми, не принимаютъ оскопленія, и Лже–Христа Селиванова почитаютъ не

вновь сошедшимъ на землю Спасителемъ, а тѣмъ самымъ Іисусомъ Христомъ, который родился отъ Дѣвы Маріи, живущимъ на землѣ до–сихъ–поръ, въ теченіе 1844 лѣтъ, и претерпѣвающимъ страданія между людьми за общее спасеніе: послѣдователи этого толка называются отъ первыхъ *Постнымъ Кораблемъ*, потому–что они не ѣдятъ не только мяса, но и рыбы. Третій толкъ принимаетъ оскопленіе и всѣ правила и обряды Ереси, но отвергаетъ въ Селивановѣ Божество, почитая его только великимъ учителемъ и руководителемъ на пути ко спасенію. Впрочемъ, приверженцы двухъ послѣднихъ толковъ, особенно третьяго, такъ немногочисленны, что все сказанное о первомъ изъ нихъ, должно относить вообще ко всей Сектѣ Скопцевъ: третій толкъ, по всему вѣроятію, составляетъ только вступительную степень Секты, переходъ въ нее изъ Хлыстовщины или другаго Согласія.

18. Гражданскія и государственныя отношенія Скопческой Ереси.

Скопцы, дерзкіе и безумные Еретики въ отношеніи Вѣры, составляютъ очевидно вредное сословіе и въ гражданскомъ отношеніи. Будучи отрѣшены отъ общества разрывомъ всѣхъ семейныхъ и родственныхъ узъ и естественнымъ презрѣніемъ, которому подвергаются въ обществѣ, они удаляются отъ всѣхъ постороннихъ связей и составляютъ изъ себя родъ тайнаго союза, въ коемъ обязываются помогать другъ–другу и защищаться взаимно отъ внѣшнихъ непріязненныхъ столкновеній, дозволяя себѣ для того всякое средство: потому, во–первыхъ, говорятъ они, что Спаситель не станетъ судить ихъ съ язычниками, кои всѣ должны погибнуть; а во–вторыхъ, по убѣжденію, что грѣшить надо непремѣнно для того, чтобы было о чемъ молиться: это послѣднее подтверждается замѣчательною поговоркою, коею руководствуется большая–часть Раскольниковъ и въ особенности Скопцы: *«не согрѣшивши, не отмолишь»*. Правительство для нихъ есть не иное что, какъ сила, коей покоряться

должно только по необходимости, стараясь впрочемъ обмануть его и не повиноваться, гдѣ и когда можно. Но еще болѣе вредна и опасна Ересь эта потому, что бредни ея сопровождаются изступленнымъ ожиданіемъ торжества ея, соединеннаго съ неминуемымъ ниспроверженіемъ существующаго порядка. Скопцы увѣрены и увѣряютъ другихъ, что Искупитель–Царь *придетъ* къ нимъ *отъ восточной стороны Иркутскія, сядетъ на Престолъ и будетъ управлять Праведными* (то–есть ими Скопцами); что *онъ* тогда *съ коварными справится*; что *учители не будутъ* тогда *безвременно овецъ стричь, а будутъ одну пору Петровку знать* (намекъ на нынѣшній ходъ дѣлъ, неблагопріятный Скопцамъ, котораго уничтоженія чаютъ они отъ своего Искупителя); что *Государь Батюшка, истинный Отецъ* (то–есть Лже–Спаситель и Лже–Царь) *хочетъ всѣхъ своихъ дѣтушекъ навѣстить, хочетъ въ Успенскій колоколъ зазвонить и всѣхъ своихъ дѣтушекъ къ себѣ заманить, и*

этому дѣлу не миновать.* **Въ одной рукописи ихъ, Искупитель взываетъ къ нимъ: «*о любезные дѣтушки, извольте на бѣлыхъ коней садиться, и со мною Господомъ водиться*!» Въ другой рукописи проповѣдуется, что, когда Искупитель возвратится въ Россію, то «*потребуетъ всѣхъ Пророковъ* (Старшинъ и Апостоловъ Скопческихъ) *къ себѣ, и пойдутъ къ нему полки полками*». Вообще картина торжества, ожидаемаго Скопцами отъ своего Царя–Искупителя, изображается въ ихъ рукописяхъ и пѣсняхъ красками грубыми, нелѣпыми и безобразными, но для простаго, невѣжественнаго народа тѣмъ болѣе соблазнительными. Выраженія нарочно подбираются для простолюдиновъ самыя понятныя и привлекательныя, отчасти изъ Церковныхъ Книгъ, а болѣе изъ народныхъ пословицъ и прибаутокъ, и излагаются, въ видѣ стиховъ, сложенныхъ въ сказочномъ простонародномъ размѣрѣ,**

---

* Вѣроятно, колоколъ Успенскаго Собора въ Москвѣ, потомучто въ нѣкоторыхъ Скопческихъ Пѣсняхъ упоминается при этомъ Москва. Но и на Московскомъ Преображенскомъ Кладбищѣ, принадлежащемъ Раскольникамъ Ѳеодосіевскаго Толка Безпоповщины, выстроенъ великолѣпный храмъ, подъ именемъ часовни или моленной, посвященный Успенію.

**чтобъ легче удерживать ихъ въ памяти. На–примѣръ: «*И проглаголовалъ Государь Батюшка ко всѣмъ своимъ вѣрнымъ Праведнымъ: Вы вѣрные мои избранные! Я дождусь той поры–времени, перебирать буду всѣхъ. Я надъ Царями Царь. Завладѣю всѣми престолами, и короною со державою. Всѣ цари, власти, мнѣ поклонятся, зазвонятъ они въ большой колоколъ къ великому прославленію.*» Или: «*Отъ Иркутска прійдетъ къ своимъ Батюшка Искупитель, второй Сынъ Божій, въ кораблѣ, гдѣ будетъ Духъ Святой, и сила несмѣтная, милліонами, билліонами. Бѣлые голуби летятъ тучами, за крестъ мучены: все скопцы купцы земли Греческой, все кормщики милліонщики, именитые, знаменитые, знамена несутъ, кандалы трясутъ, въ колокола звонятъ, сокола манятъ. Съ ними соколъ летитъ, Духъ Святой катитъ, съ награжденіемъ за страданіе. Съ нами Богъ Богамъ, съ нами Царь Царямъ, съ нами Духъ Духамъ: онъ идетъ, грядетъ, въ грады царскіе, въ мѣста*

райскія, въ Давидовъ домъ:» **Въ одной пѣсни воспѣвается, что Пресвятая Богородица уговаривала Искупителя прибыть къ ней въ гости на Седьмое Небо; но «*проглаголуетъ сударь Батюшка родной, къ родной своей Матушкѣ: Сударыня моя Матушка, родная помощница, Пресвятая Богородица! мнѣ нельзя оставить дѣтушекъ своихъ, вѣрныхъ, избранныхъ, званныхъ Богомъ, сиротъ безъ защитушки, безъ оградушки: на нихъ нападутъ лютые звѣри, разгонятъ ихъ по темнымъ лѣсамъ, по крутымъ горамъ»;* затѣмъ Искупитель проситъ у Богородицы сроку хоть *на шесть лѣтъ*, чтобъ *собрать дѣтушекъ* своихъ въ *одно мѣсто*, гдѣ, говоритъ, «*совью имъ теплое гнѣздышко, совершу на землѣ Божій судъ.*» Такихъ и подобныхъ симъ мѣстъ въ рукописяхъ Скопцевъ находится весьма много: въ нихъ говорится очень ясно и положительно о неминуемомъ и скоромъ возвращеніи къ нимъ Искупителя, о прибытіи его съ Восточной–Стороны, о его будущемъ торжествѣ и славѣ, о**

блаженствѣ, которымъ они, *вѣрные, чистые голуби*, будутъ награждены за свою приверженность къ нему и долготерпѣніе, и наконецъ о томъ, что торжество это должно *утвердиться силою*.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, показывается нынѣ во всей Имперіи Скопцевъ обоего пола 1,719; въ томъ числѣ, мущинъ 1,357, женщинъ 362. Въ предъидущемъ году было показано всѣхъ ихъ 1,674; слѣдовательно, въ теченіе одного года прибавилось, новыми–ли открытіями или новыми присоединеніями къ Сектѣ, 45 человѣкъ. При всемъ томъ, справедливость требуетъ сказать, что цифры эти, не смотря на постепенное возрастаніе ихъ, весьма еще далеки отъ истины. Учрежденная при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для изслѣдованія Скопческой Секты Коммисія, въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, успѣла открыть въ одномъ Петербургѣ болѣе 50 Скопцевъ, не бывшихъ извѣстными Полиціи; а если это могло быть здѣсь, такъ–сказать на глазахъ Правительства, чтоже должно

предполагать о Москвѣ, Ригѣ, тѣмъ болѣе о внутреннихъ городахъ и губреніяхъ? Въ С.–Петербургѣ, на–примѣръ, всѣхъ Скопцевъ показывается по вѣдомостямъ 174, и въ томъ числѣ только 10 человѣкъ моложе 30 лѣтъ, тогда–какъ число ихъ простирается здѣсь безъ сомнѣнія до нѣсколькихъ сотъ, а мѣняльные и серебрянные ряды, занимаемые ими, наполнены мальчиками и молодыми сидѣльцами, которыхъ трудно по наружности угадать, оскоплены–ли они, не говоря уже о тѣхъ, кои скрываются въ домахъ. Тоже должно сказать о Москвѣ, Ригѣ и другихъ людныхъ городахъ. Въ Тульской, Орловской, Тамбовской и нѣкоторыхъ другихъ Губерніяхъ, Скопчество, распространившееся между крестьянами, числомъ послѣдователей своихъ также навѣрное гораздо превосходитъ итоги заключающіеся въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ. Чтоже сказать о Сибири, этомъ гнѣздѣ всѣхъ Расколовъ, гдѣ самый недостатокъ женщинъ есть уже важная причина къ

развитію и размноженію Скопчества, а особенныя отношенія Скопчества въ Восточной–Сибири, какъ показано было выше, сдѣлали изъ страны этой притонъ и разсадникъ для Скопцевъ? Вообще, въ настоящее время, число послѣдователей Скопческой Ереси можно полагать едвали не вдесятеро больше оффиціальной цифры. Главныя гнѣзда Скопцевъ: С.–Петербургъ съ окрестностями (Кронштадтомъ, Гатчиной, Лугой, Софіей, Славянкой и проч.), Москва, Рига, Губерніи Орловская, Тамбовская, частію Тульская, Пермская и Вятская, Кавказъ и Восточная–Сибирь, отчасти также и Бессарабія*. С.–Петербургъ и деревня Сосновка (Моршанскаго Уѣзда Тамбовской Губерніи), какъ главные центры, величаются у Скопцевъ именемъ *Новаго–Іерусалима.* Присемъ должно еще замѣтить, что множество изъ живущихъ у Скопцевъ людей, хотя до–сихъ–поръ и не оскоплены физически, но вполнѣ

* Въ 1815 году, Начальникъ Бессарабской Области доносилъ, что, въ слѣдствіе Манифеста 30 августа 1814 года, изъ Молдавіи и Валахіи является туда множество Скопцевъ. Въ Яссахъ, и донынѣ всѣ городскіе извощики суть Скопцы изъ Русскихъ.

раздѣляютъ ихъ ученіе, слѣдуютъ тѣмъже обрядамъ, употребляютъ туже пищу, не ѣдятъ мяснаго, не пьютъ вина, чуждаются табаку, не имѣютъ сообщенія съ женщинами; однимъ словомъ, по духу суть тѣже Скопцы, и число ихъ очень велико. Между ними встрѣчаются женщины, которыя при пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, оказываются еще дѣвственными.

Разбросанные на такомъ огромномъ пространствѣ, и притомъ относительно въ такомъ маломъ числѣ, Скопцы безъ всякаго сомнѣнія слишкомъ слабосильны, и сами–по–себѣ ни предпринять, ни сдѣлать ничего не могутъ. Но, владѣя огромными капиталами, они, по наущенію и подъ руководствомъ людей злонамѣренныхъ, могутъ при случаѣ содѣйствовать къ произведенію безпорядковъ, часто начинающихся отъ маловажныхъ и по–видимому незначительныхъ причинъ. При умѣренной жизни своей и тѣсномъ браствѣ, они быстро богатѣютъ, дѣлаются людьми могущественными въ гражданскомъ быту, и всегда имѣютъ большое вліяніе на народъ,

на бѣдняковъ, которые не могутъ не завидовать имъ и не искать даже ихъ покровительства. Корысть, этотъ благотворный сподвижникъ торговли, промышленности и вообще всякой дѣятельности людской, превращается у Скопцевъ въ самое гибельное для человѣчества орудіе. Для пріобрѣтенія богатства, Скопцы способны на всякія средства; но главное занятіе ихъ есть торговля деньгами. Захватывая въ свои руки, по общему тайному согласію, когда нужно, серебро, золото, или ассигнаціи милліонами, они ворочаютъ ими, тѣмъ съ большею удобностію, что владѣютъ денежною торговлею почти во всѣхъ значительныхъ городахъ. Изъ каждаго новаго постановленія, относящагося до монетной, кредитной и вообще финансовой части, они извлекаютъ свою пользу, нанося убытки прочимъ, особенно небогатымъ сословіямъ. Отказываясь, на–примѣръ, по взаимному согласію, принимать монету стараго чекана, подъ предлогомъ, что она истерта, они внезапно понижаютъ ее въ

ходу, въ послѣдствіи скупаютъ за безцѣнокъ, и потомъ снова пускаютъ въ оборотъ, или же тайно перетапливаютъ на серебро. Одно время они занимались ввозомъ Французской золотой монеты, повысивъ нарицательную цѣнность ея свыше настоящей, противъ чего Министръ Финансовъ долженъ былъ неоднократно принимать мѣры. Они занимаются также вытравливаніемъ золотой монеты и, торгуя вообще серебромъ не только въ монетѣ, но и въ дѣлѣ, перекупаютъ въ Столицѣ всѣ воровскія вещи изъ этого металла, и находятъ средства, вопреки строгости постановленій, переплавлять его подъ видомъ лома и передѣлывать потомъ въ вещи. При такихъ средствахъ, тѣсная связь людей этихъ между собою, оборотливость и нераздробляемость ихъ имуществъ между Скопцами въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ, находится много милліонщиковъ. Люди съ такими богатствами не могутъ не пользоваться уваженіемъ народа и не имѣть на него большаго вліянія.

Господствующая у Скопцевъ мысль, что мѣсто нынѣшняго скрытнаго пребыванія ихъ Искупителя, Христа и Царя, по удаленіи его изъ Суздаля, есть Восточная–Сторона, вѣроятно Иркутскъ съ его окрестностями или вообще Восточная–Сибирь, и что оттуда онъ долженъ *явиться въ Москву*, чтобъ *зазвонить въ Успенскій колоколъ, собрать своихъ дѣтушекъ, свить имъ гнѣздо* и проч., заслуживаетъ особеннаго вниманія, если разсудить, что въ тѣхъ странахъ находятся люди безпокойные и даже злоумышленные, которые легко могутъ при случаѣ воспользоваться слабоуміемъ чернаго народа, уже подготовленнаго всѣми этими бреднями. Сдѣланныя розысканія показали, что не одни Скопцы ненавидятъ нынѣшній порядокъ вещей, не одни они готовы со всею ревностію при случаѣ участвовать въ его разрушеніи, по своей пословицѣ: «*ужъ змѣю бить, такъ бей поскорѣй до смерти, покуда на шею не вспрыгнула, да не укусила*». Есть и другія Секты, напитанныя не менѣе мятежническимъ духомъ, и

именно всѣ толки Раскольниковъ, не признающіе Священства: всѣ они въ тоже время не признаютъ и гражданской законной власти, съ изувѣрствомъ и изступленімъ обнаруживая ненависть свою къ нынѣшему порядку вещей вообще. Для примѣра возмемъ хоть Раскольниковъ Московскаго Преображенскаго Кладбища*, или Секту, открытую, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ С.–Петербургѣ, въ домѣ Дѣйствительной Тайной Совѣтницы Державиной, у государственнаго крестьянина Василья Иванова. Нѣкоторыя рукописи, полученныя изъ Преображенскаго Кладбища и представленныя Преосвященнѣйшимъ Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ Святѣйшему Синоду, явно обнаруживаютъ чувства и мысли, питаемыя въ этомъ Согласіи къ Правительству. Въ одной изъ ихъ, подъ заглавіемъ: «Объясненіе о**

---

* Раскольники Преображенскаго Кладбища принадлежатъ къ Ѳеодосіевщинѣ; находящаяся у нихъ Богадѣльня основана въ 1809 году съ Высочайшаго разрѣшенія, а Кладбище существуетъ съ 1771 года.

** Почти тѣмъже духомъ напитаны Секты, о которыхъ производились слѣдствія въ 1833 году въ Зарайскомъ Уѣздѣ Рязанской Губерніи и въ 1834 году въ Аткарскомъ Уѣздѣ Саратовской Губерніи.

Согласіи Монастырскихъ или Мануйловыхъ», по–видимому уже не новой, именовать Царствующаго Государя Императора *благочестивымъ* и молиться за него, называется *нечестіемъ*: «*по вѣрѣ, убо благочестивой, и Царь благочестивый, по нечестивой же вѣрѣ, и Царь нечестивый нарицается.*» Другое мѣсто тойже рукописи говоритъ: «*убо въ семъ Монастырстіи нечестивствуютъ, еже въ молительной формѣ нечестиваго* (то–есть Государя) *благовѣрнымъ и благочестивымъ, и прочими титулами, во благочестіи пребывающимъ приличными, нарицаютъ:*» Въ другой рукописи: «Показаніе о единомъ общемъ Христіанскомъ тѣсномъ Пути», писанной въ 1842 году, ученіе, что за нынѣшнюю Царскую Власть должно молить Бога, называется «*богомерзскимъ преданіемъ и сквернымъ разумѣніемъ*»: потому что, говоритъ рукопись, «*отъ лѣта по Р. Х.* 1666, *по изліяніи седьмой фіалы, по Апокалипсису, наступило царствіе Антихристово, посему Царская и*

Начальствующая Власть образъ Божій исказиша богомерзкимъ брадобритіемъ, а въ Церкви бывшая благодать Божія со всею святынею взяты на небо, якоже изъ бывшей Цареградской Софійской Церкви, а вмѣсто ея стала въ Господствующей Церкви мерзость запустѣнія, по Даніилу Пророку; потому всякій Православный Христіанинъ да бѣжитъ отъ Никоніанскаго проклятаго полчища, яко зміина гнѣздища и истоваго сатанина и бѣсовъ его пресквернаго дворища: ей, ей, ей тако, аминь!» **Тоже проповѣдуется и въ третьей рукописи, подъ заглавіемъ: «Отеческія Завѣщанія, сочиненія блаженнаго почившаго Отца Сергія Семеновича». Отсюда видно, каковъ духъ Преображенскихъ Ѳеодосіанъ, и въ отношеніи властей, и въ отношеніи прочихъ гражданъ, а между–тѣмъ это Кладбище съ своими Старшинами имѣетъ вліяніе на многія, даже отдаленныя Губерніи, и вездѣ можетъ разливать свои вредныя мудрованія. Скопище, открытое въ домѣ Державиной, составленное исключительно**

изъ нижнихъ чиновъ Гвардейскаго Корпуса и по–видимому принадлежащее къ Хлыстовщинѣ, которая сама себя именуетъ Христовщиною или Христовымъ–Братствомъ, въ обрядахъ и ученіи своемъ оказалось также весьма сходнымъ съ Скопцами. Люди эти, съ изступленіемъ топая ногами, махая и всплескивая руками, оглашая моленную свою криками, входятъ въ неистовство, которое еще усиливается взаимнымъ бичеваніемъ другъ–друга посредствомъ веревокъ или ремней, причемъ иногда всѣ бѣгаютъ вокругъ чана съ водой. Входя въ изступленіе, они, также какъ Скопцы, призываютъ на себя Святый Духъ, который, по ихъ мнѣнію, въ кого вселится, того дѣлаетъ Пророкомъ, а этотъ Пророкъ, равно–какъ и Старшина, могутъ ограждать братію стѣною и покровомъ и прощать въ грѣхахъ; главное–же, они увѣрены, какъ и Скопцы, что одинъ изъ такихъ Пророковъ возстановитъ разрушенную Соборную Церковь, и, между этими бреднями, говорятъ, таинственнымъ языкомъ, объ *устройствѣ полковъ*

вѣрныхъ **и т. п. Подобныхъ по духу Согласій, съ такимиже мнѣніями, съ такоюже ненавистью ко всему и всѣмъ, кто не раздѣляетъ ихъ бредней, и съ такоюже готовностью достичь силою своего торжества, если только представится удобный къ тому случай, между вообще Безпоповщиной найти можно немало. Въ 1838 году, открыто въ Москвѣ Скопище Хлыстовъ, которыхъ ученіе между–прочимъ заключалось въ томъ, что, *кромѣ Бога Саваоѳа, еще есть Господь Богъ*, учредитель Секты, богатый гость *Данила Филипповъ*, бѣглый солдатъ, родомъ изъ Костромскихъ крестьянъ; что *есть также другой Іисусъ Христосъ*, въ Стародубѣ, какой–то *Иванъ Тимофѣевъ* и проч. Одинъ изъ послѣдователей этой Секты, отданный въ Задонскій Монастырь на покаяніе, подалъ тамъ Архимандриту письменное объясненіе, въ которомъ подробно изложилъ всѣ тайны ея ученія, и изъ котораго видно, что ученіе это распространено въ Москвѣ переселенцами изъ окрестностей С.–Петербурга. Въ толкѣ**

Хлыстовъ, открытомъ въ селѣ Середѣ, Волоколамскаго Уѣзда Московской Губерніи, трое найдены оскопившимися: это подтверждаетъ еще болѣе мнѣніе, что Хлыстовщина, или Христовщина, Христово–Братство, есть Согласіе, служащее пріуготовительною степенью для Скопчества.

Распространеніе между простонародіемъ и солдатами подобныхъ толковъ, хотя при первомъ взглядѣ только нелѣпыхъ, можетъ однакожъ, въ послѣдствіи, въ людяхъ злонамѣренныхъ, предпріимчивыхъ и рѣшительныхъ, возродить пагубную мысль: воспользоваться ослѣпленіемъ толпы поклонниковъ, невѣжественныхъ и сумасбродныхъ, но свыкшихся со множествомъ иносказательныхъ выраженій, кои могутъ быть перетолкованы и примѣнены по произволу ко всякимъ обстоятельствамъ. Скопецъ готовъ принять на себя не только званіе Старшины, но даже Пророка, Предтечи Исповѣдателя, и даже самаго Спасителя; а прочіе готовы вѣрить ему, или, по–крайней–мѣрѣ

притворно признавая его такимъ, во всемъ ему повиноваться: тогда, подъ предлогомъ возстановленія разрушенной Соборной Церкви, особенно *при внезапномъ ударѣ въ Московскій Успенскій колоколъ*, можетъ угрожать большой безпорядокъ. Здѣсь необходимо замѣтить еще и то, что какъ собственно Скопцы и всѣ единомышленные съ ними толки, такъ и всѣ почти прочіе Еретики, связаны между собой сильною клятвой, которая обязуетъ ихъ, для спасенія души своей, сносить терпѣливо всякую кару и наказаніе, но не выдавать товарищей, а напротивъ усиливаться оправдывать ихъ и быть мучениками за Вѣру. Всѣ слѣдствія показали, что клятва эта соблюдается; и она уже, сама–по–себѣ, какъ противная обязанность каждаго вѣрноподданнаго, есть тяжкое уголовное преступленіе.

Какія чудовищныя, и въ тожъ время опасныя для государственнаго порядка бредни обращаются между Скопцами, видно изъ того, что они, примѣшивая безпрестанно къ своимъ суесловіямъ

священныя имена Высочайшихъ Особъ и искажая исторію Царствующаго Августейшаго Дома безсмысленными и безобразными сказками, съ тѣмъ вмѣстѣ дозволяютъ себѣ такіе намеки и мечты, которыхъ распространеніе въ народѣ есть ужаснѣйшее зло, неисчислимое въ могущихъ произойти отъ того пагубныхъ слѣдствіяхъ. Выше сказано было, какъ бредятъ они о кончинѣ Павла I, предсказанной яко–бы Лже–Христомъ и оправдавшейся потомъ немедленнымъ событіемъ. Вотъ другой примѣръ разсѣянія подобныхъ преступныхъ пророчествъ о блаженной памяти Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, открывшійся по производившемуся въ 1805 году въ Херсонской Губерніи дѣлу*. Одинъ изъ подсудимыхъ Скопцевъ, разсказывая слѣдователямъ, какимъ образомъ онъ попалъ въ это Скопище, что дѣлалось въ ихъ Собраніяхъ, какъ они молились, что пѣли и проч., передаетъ между–прочимъ замѣчательный разговоръ съ нимъ мѣстнаго

---

* Дѣло въ Министерствѣ Юстиціи 1805 года № 4015, по рапорту Херсонскаго Прокурора Резанова.

Наставника или Пророка Секты, какого–то Дементьева, который, для ободренія новобранца къ оскопленію и вступленію въ Ересь, говорилъ ему: «*Видишь, Савелій! Намъ жаль оставлять воловъ и коровъ* (такъ называютъ Скопцы всѣхъ неоскопленныхъ), *а Государи оставляютъ и Царства. Вотъ Государь Петръ Ѳедоровичъ, говорятъ, померъ, и его не почитаютъ, а онъ и теперь въ С.–Петербургѣ, и въ такомъ же дѣлѣ, какъ и мы. И Государь Александръ Павловичъ призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ, долго ли будетъ Онъ жить на свѣтѣ? А Петръ Ѳедоровичъ Ему отвѣчалъ: «если будешь жить такъ какъ батюшка Твой Павелъ Петровичъ, то мало поживешь; а если будешь жаловать такъ какъ бабушка Екатерина Алексѣевна, то много проживешь.»* Эта Херсонская Секта, какъ видно изъ дѣла, находилась подъ вліяніемъ и руководствомъ С.–Петербурга: Дементьевъ хвасталъ Савелію, что къ нимъ–де и Государь Батюшка пишетъ изъ С.–Петербурга. Самъ онъ былъ Одесскій

Мѣщанинъ; а управляемое имъ Братство состояло изъ крестьянъ Херсонской Губерніи (бывшаго) Ольвіопольскаго Уѣзда села Злынки.

19. Причины и средства нынѣшняго распространенія Скопчества.

Секта Скопцевъ, какъ и всѣ почти прочія, въ началѣ своемъ основана была религіозными изувѣрами. Въ крестьянскомъ сословіи, равно по временамъ въ арміи, во флотѣ и въ разныхъ гарнизонахъ, и понынѣ еще люди уродуютъ сами–себя и оскопляются по изувѣрству, ожидая за то Царствія Небеснаго: такъ Штабсъ–Капитанъ Созоновичъ, отосланный около 1826 года, съ товарищами своими Скопцами, на покаяніе въ Соловецкій Монастырь, совратилъ и оскопилъ тамъ еще 13 человѣкъ; такъ въ 1859 году производилось большое дѣло объ открытомъ въ Кронштадтѣ обществѣ Скопцевъ, въ коемъ состояли даже Чиновники; такъ въ 1842 году открыто въ Орловской Губерніи общество Скопцевъ, гдѣ судилось до 80 человѣкъ. У всѣхъ

**вообще фанатиковъ и сектантовъ, отдѣляющихъ себя въ особыя общества есть страсть завлекать сколь–возможно болѣе жертвъ въ свои скопища: пропаганда есть необходимая принадлежность, душа всякой партіи, въ особенности основанной на религіозномъ изувѣрствѣ. Изувѣры–Скопцы, въ этой свойственной всѣмъ Еретикамъ страсти, утверждаются еще лжетолкованіемъ словъ Апокалипсиса, въ которомъ говорится (Апок. гл. XIV ст. 1–4): «*и видѣхъ, и се Агнецъ стояше на горѣ Сіонстѣй, и съ нимъ сто и четыредесять и четыре тысящи имущв имя Отца его написано на челѣхъ своихъ; и слышахъ гласъ съ небесе яко гласъ водъ многихъ, и яко гласъ грома велика: и гласъ слышахъ гудецъ гудущихъ въ гусли своя и поющихъ яко пѣснь нову предъ престоломъ и предъ четыри животными и старцы; и никто же можаше навыкнути пѣсни, токмо сіи сто и четыредесять и четыре тысящи искуплени отъ земли, сіи суть иже съ женами не осквернишася; зане дѣвственны суть; сіи послѣдуютъ Агнцу,*

аможе аще пойдетъ; сіи суть куплени отъ людей первенцы Богу и Агнцу.» **Въ пылу невѣжественнаго фанатизма, многіе Скопцы и теперь принимаютъ поименованное здѣсь число «сто сорокъ четыре тысячи» въ буквальномъ смыслѣ, и выводятъ отсюда убѣжденіе, что когда Секта ихъ будетъ дѣйствительно простираться до этаго таинственнаго числа, то–есть когда оскопленныхъ наберется 144,000 человѣкъ, тогда наступитъ ихъ окончательное торжество и благоденствіе. При такомъ убѣжденіи, они стараются всячески умножать число своихъ единомышленниковъ, чтобы тѣмъ ускорить вожделѣнное время ожидаемаго ими переворота, которое долженъ въ пользу ихъ произвесть Лже–Христъ, называемый у нихъ постоянно Агнцемъ. Вотъ почему у Скопцовъ находятся часто картины съ изображеніемъ Агнца на горѣ Сіонской; такая картина найдена была и въ моленной въ домѣ Глазунова (1843), при чемъ нѣкоторые изъ Скопцовъ, тутъ захваченныхъ, подтвердили въ показаніяхъ**

своихъ представленное здѣсь лжетолкованіе словъ Апокалипсиса, служащее къ подстрекновенію ихъ въ варварскомъ дѣлѣ оскопленія*.

Но если вникнуть внимательнѣе въ духъ большей–части нынѣшнихъ Скопцовъ, особенно Столичныхъ, то окажется, что пружина, двигающая ими, не есть одно изувѣрное изступленіе; что тутъ напротивъ участвуютъ другія, вовсе нерелигіозныя отношенія. Тѣ Скопцы, коихъ средоточеніе составляетъ С.–Петербургъ, въ числѣ коихъ находимъ первостатейныхъ купцовъ и богачей, мѣнялъ и торговцевъ, серебромъ, эти Скопцы прикрываются только личиною религіознаго фанатизма, а дышутъ единственно корыстью и славолюбіемъ. Они сильны въ своемъ кругу: у нихъ нѣтъ семейныхъ узъ, нѣтъ ни радостей, ни заботъ семьянина; ихъ привязываютъ къ жизни иныя чувства, кои другимъ людямъ не могутъ быть знакомы, ни даже понятны. Кумиръ ихъ: деньги, властолюбіе и

---

* Тѣже слова Апокалипсиса примѣняютъ къ себѣ и Хлысты, которыхъ самое наименованіе одни производятъ отъ «*хлысти, хлестать,* — бичеваться», а другіе отъ «*хластые*» или «*холостые*», то–есть «дѣвственники».

безсильная месть всему свѣту, отъ котораго они отложились; вотъ на чемъ основаны и старанія ихъ усилить кругъ свой, совращать другихъ и дѣлать изъ нихъ такихъ же изуродованныхъ калекъ, каковы они сами.

Изъ неоднократно захваченныхъ бумагъ видно, что Скопцы ведутъ между собою дѣятельную переписку, во всѣхъ отдаленныхъ оконечностяхъ Имперіи, какъ было упомянуто и выше. Владѣя огромными капиталами, они находятъ возможность пріобрѣтать послѣдователей разными обольщеніями, какъ–то: выкупомъ изъ крѣпостнаго состоянія, временными денежными пособіями, обѣщаніями избавить отъ рекрутства, сдѣлать своими прикащиками, наслѣдниками, оказывать покровительство, и тому подобное. Весьма нерѣдко берутъ они подъ покровительство свое бѣглыхъ, бродягъ или преступниковъ, снабжаютъ ихъ деньгами, фальшивыми видами, или приписываютъ, посредствомъ денегъ–же, подъ чужими именами, къ какимъ–либо обществамъ. Также охотно

принимаютъ они и воспитываютъ подкидышей, съ тоюже цѣлью. Петербургскіе богатые Скопцы, кои сами, или родители ихъ суть выходцы изъ Тамбовской, Орловской и другихъ Губерній, убѣждаютъ земляковъ и родственниковъ своихъ, людей бѣдныхъ, соблазняемыхъ ихъ богатствомъ, прислать къ нимъ одного или нѣсколькихъ племянниковъ, или внучатыхъ братьевъ, обѣщая сдѣлать ихъ со–временемъ прикащиками своими, обезпечить ихъ состояніе и даже установить своими наслѣдниками. Нерѣдко они тогдаже задариваютъ неимущихъ родителей мальчика и такъ–сказать покупаютъ его за наличныя деньги. Силою увѣщаній, соблазномъ всякаго рода, посулами и страхомъ, а иногда и просто насиліемъ, такой мальчикъ, рано или поздно, неминуемо самъ превращается въ Скопца, и, свыкшись съ неизмѣнимымъ положеніемъ своимъ, идетъ по стопамъ губителей и учителей своихъ. Люди нискихъ сословій, видя довольство, въ

которомъ живутъ Старшины Скопцевъ, и усматривая; что они, не взирая на строгость закона, занимаютъ разныя общественныя должности, даже въ Высшихъ Мѣстахъ, украшаются не только медалями, но и орденами, въ невѣжествѣ своемъ думаютъ, что это есть слѣдствіе благодати Божіей, и часто сами соглашаются на ужасное самоизуродованіе, такъ–что даже не всегда нужно бываетъ прибѣгать, послѣ вынужденнаго согласія, къ опоенію жертвы, дабы временно лишить чувства и не дать времени опомниться и отречься. Оскопленные какимъ–бы то ни было средствомъ, если даже и образумливаются въ послѣдствіи, не видятъ возможности возвратиться въ первобытное положеніе; почему и остаются закоснѣлыми изувѣрами по самой необходимости, тѣмъ болѣе, что и самый законъ не представляетъ имъ возможности къ оправданію своему и къ изобличенію виновныхъ. Въ сказкахъ, кои сказываются и читаются Скопцами тѣмъ, коихъ они ищутъ завлечь въ свою Ересь, обыкновенно употребляются всѣ усилія

представить положеніе Скопца въ самомъ блестящемъ видѣ относительно блаженства, безмятежности духа, а равно благосостоянія и богатства. Ихъ Лже–Христъ говоритъ о себѣ въ своихъ «Страдахъ»: *«Когда я пошелъ въ Иркутскъ, тогда у меня было товару только за одною печатью; а какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію, тогда вынесъ товару за тремя печатями; и тутъ мнѣ стали Цари, Короли, Архіереи и всякаго чина люди говорить: покажи мнѣ товаръ свой.»* Подобныя сказочныя обольщенія встрѣчаются во многихъ мѣстахъ рукописей и пѣсней, обращающихся между Скопцами.

Изложенныя средства совращенія, употребляемыя Скопцами для увеличенія своей Секты, до–сихъ–поръ дѣлали безуспѣшными всѣ мѣры, которыя предпринимало Правительство къ пресѣченію зла. Число Скопцевъ, какъ мы уже видѣли, растетъ все болѣе и болѣе. Изъ писемъ, равно какъ изъ словесныхъ показаній Скопцевъ, взятыхъ въ Моленной, въ домѣ Глазунова, въ С.–Петербургѣ

(1844), а также изъ объясненій другихъ Скопцевъ, проживающихъ здѣсь въ Столицѣ, видно, что отцы сами совершаютъ злодѣяніе оскопленія надъ своими дѣтьми и внуками, если они, какъ это нерѣдко бываетъ, до оскопленія были женаты и имѣли дѣтей. Впрочемъ, многіе изъ нихъ вступаютъ въ бракъ, даже будучи уже Скопцами, съ тѣмъ чтобы имѣть въ домѣ хозяйку или работницу: это особенно дѣлается въ деревняхъ у крестьянъ, для работы по домашнему быту и для очистки тягла или барщины: были и такіе примѣры, что нѣкоторые господа, въ своихъ помѣстьяхъ, отдавали, въ наказаніе, дѣвокъ въ замужество за Скопцевъ. Все это подаетъ еще поводъ и къ распространенію разврата. Есть Скопцы, коихъ жены имѣютъ дѣтей, прижитыхъ, по собственному сознанію ихъ, съ лицами посторонними. Наконецъ эти распутныя женщины вынуждены бываютъ сами оскопляться, отрѣзывать себѣ сосцы или груди, а потомъ и дѣтей своихъ вовлекаютъ въ это ужасное злодѣяніе.

Опытъ показалъ, что существовавшія до 1830 года правила ссылать открытыхъ Скопцевъ въ Сибирь и отдавать въ полки, не только не отвращали зла, но даже содѣйствовали его распространенію, давая Ереси возможность проникнуть въ отдаленныя части Имперіи. Особенно въ Сибири, гдѣ Расколы и безъ того развиты въ высшей степени, гдѣ народъ напитанъ всевозможными бреднями разныхъ Сектъ, гдѣ свирѣпствовала нѣкогда съ такой силой самая чудовищная Ересь Самосожигателей, Скопцы всегда удобно находятъ новыхъ послѣдователей, готовыхъ присоединиться къ ихъ Согласію, тѣмъ–болѣе, что сами они, сохранивъ свои капиталы, выписавъ туда семейства свои, родственниковъ, друзей и знакомыхъ, и получая вспомоществованія отъ своихъ собратій, живутъ въ самой ссылкѣ, въ полномъ довольствѣ, занимаясь спокойно торговыми дѣлами. Другія наказанія также имѣли не болѣе успѣха: принимая ихъ за гоненія, которыя по–необходимости долженъ претерпѣвать праведникъ на землѣ между

невѣрными, изувѣры съ фанатическимъ упорствомъ и терпѣніемъ переносятъ все, въ твердомъ убѣжденіи, что близокъ часъ, когда торжество останется на ихъ сторонѣ и когда вѣчное блаженство вознаградитъ ихъ за претерпѣнныя страданія. Признанные уже Высочайшимъ Указомъ за «враговъ человѣчества, развратителей нравственности, нарушителей законовъ Божіихъ и Гражданскихъ»*, Скопцы могутъ быть безвредны въ такомъ только обществѣ, гдѣ у нихъ внѣшними обстоятельствами отнята всякая возможность совращать и уродовать людей: то–есть, въ мѣстахъ заселенныхъ иновѣрцами, и въ–особенности Мусульманами. Тамъ этотъ чудовищный толкъ неминуемо долженъ будетъ прекратиться, съ смертью нынѣшняго изуродованнаго поколѣнія. Налагая сами на себя печать отверженія, неизгладимый признакъ, по коему они всегда и вездѣ легко могутъ быть узнаны, Скопцы не могутъ скрываться, обманывая

* Высочайшій Указъ, изъясненный въ Ордерѣ Министра Юстиціи Оберъ–Прокурору Шешневу отъ 23 іюля 1806 года.

Правительство и выдавая себя за Православныхъ, какъ дѣлаютъ это многіе другіе Раскольники; слѣдовательно, эта чудовищная Ересь можетъ быть уничтожена. Но для этого необходимо самое строгое, точное, единодушное и добросовѣстное изслѣдованіе и немедленное исполненіе, предпринятое единовременно по всему Государству. Отечество наше лишилось–бы чрезъ то осьми или десяти тысячь не только безполезныхъ, но и крайне вредныхъ членовъ, и тѣмъ дѣло было–бы кончено: затѣмъ оставалось–бы только наблюдать, чтобы безобразное лже–ученіе не возобновлялось, чего не трудно достигнуть, удаляя немедленно каждаго, впавшаго вновь въ это изувѣрство, изъ среды незараженнаго общества.

20. Заключение.

Все что сказано было здѣсь о противуестественномъ толкѣ Скопцевъ, убѣждаетъ, что эта Ересь есть тяжкая нравственная болѣзнь, неизличимая никакими средствами. Индійскіе Тоги,

убійцы по изувѣрству, но все люди, могутъ еще быть вразумлены просвѣщеніемъ и убѣжденіями; тоже можно сказать о нашихъ Тюкальщикахъ и Сократильщикахъ; бывшіе прежде у насъ Самосожигатели истребили сами–себя и вмѣстѣ съ тѣмъ чудовищный толкъ свой. Но Скопцы — не люди и никогда не могутъ быть превращены снова въ людей: въ нихъ нѣтъ уже человѣческихъ чувствъ; они оторваны отъ общества на всегда: а между–тѣмъ представляютъ живой примѣръ и соблазнъ для людей слабоумныхъ, изувѣрныхъ, легковѣрныхъ, корыстныхъ, или вообще склонныхъ, по недостатку самостоятельности, къ принятію чужихъ мнѣній и мыслей. Это язва, которую можно искоренить, но излечить нельзя.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Такъ–называемыя у Скопцевъ «Страды» Лже–Христа Селиванова.

II. Скопческія Духовныя Пѣсни.

III. Снимокъ съ Скопческаго Паспорта.

ТАКЪ–НАЗЫВАЕМЫЯ СКОПЦАМИ

СТРАДЫ

ЛЖЕ–ХРИСТА СЕЛИВАНОВА.

Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ!

Во славу Божію, а истиннымъ душамъ на спасеніе и вѣчную радость.

Посланіе отъ истиннаго Отца Искупителя, всѣмъ возлюбленнымъ моимъ, Богомъ избраннымъ духовнымъ дѣтушкамъ, отъ мала и до велика. Посылаю свою милость Божію, и покровъ Отца Небеснаго, и благословеніе отнынѣ и до вѣку. Радуйтеся о Господѣ: Христосъ бо воскресъ, во спасеніе душъ вашихъ! Пишу всѣмъ моимъ дѣтушкамъ глаголомъ устъ моихъ, прошу и молю я, Отецъ вашъ Искупитель, да пріемлются слова истиннаго Отца въ сердцахъ вашихъ. Поживите при своемъ Государѣ Батюшкѣ въ веселіи и

радости, аки въ небесной сладости; положитесь на Бога: его терновая и крестная дорога такой имѣетъ путь отъ самаго начала міра, гдѣ бысть Спасителя самого жилище, и она ведетъ въ лоно Авраамле, и шествующимъ по ней непремѣнно истинная бываетъ отъ Бога помога. О любезные дѣтушки! берите всѣ истиннаго Отца вашего крѣпость, дабы нималѣйшая не одолѣла васъ сладость грѣха, лѣпость: ненавидитъ бо душа моя лѣпости, яко лютаго змія, ибо оная весь свѣтъ поядаетъ, и отъ Бога отвращаетъ, и идти къ Богу не допущаетъ; и потому многіе отъ пагубной лѣпости Учители учительства, и Пророки пророчества, Угодники и Подвижники своихъ подвиговъ лишились, не доходили до Царства Небеснаго, промѣняли вѣчное сокровище на тлѣнное и пагубное житіе. О любезные дѣтушки! всѣ таковые будутъ лишены вѣчнаго блаженства, которое истинный вашъ Богъ Искупитель обѣщалъ любящимъ его и соблюдающимъ чистоту и дѣвство: ибо единые дѣвственники предстоятъ у

престола Господня, а чистые серцемъ зрятъ на Бога Отца моего лицемъ къ лицу; въ чистыхъ же и непорочныхъ сердцахъ любезно присутствуетъ благодать Божія, тою же Благодатію, яко многоцѣннымъ миромъ всякая душа помазуется въ животъ вѣчный; а въ льстивыхъ и нераскаянныхъ и нехранящихъ чистоту мою людяхъ вселится духъ темный, и будетъ въ Пророкахъ и Учителяхъ духъ льстивый и лживый, и будутъ лица ихъ не свѣтлы, а темны, ибо они не проповѣдуютъ уже про чистоту истиннаго Отца, а всѣ рекутъ льстивымъ духомъ. О любезные мои дѣтушки! пишу истинный вашъ Отецъ Искупитель и о всѣхъ душахъ вашихъ попечитель, прошу и молю: поживите всѣ единодушно и единомысленно, въ чистотѣ и благочестіи, въ крѣпости и смиреніи, въ любви и совѣтѣ; день провождайте въ благочестіи, а ночь во слезахъ и въ сокрушеніи сердцемъ; на бесѣды сходитесь съ любовію, и бесѣдуйте съ кротостію и со страхомъ Божіимъ; въ молчаніи думайте только то, что вы бесѣдуете съ самымъ Господомъ, яко на

Страшномъ Судѣ, и занимайтеся всегда Богомъ, а не суетою; не заглядывайтесь братья на сестръ, а сестры на братьевъ, и не имѣйте праздныхъ разговоровъ и смѣховъ; а также и въ домахъ своихъ всегда пребывайте съ Господомъ и Отцемъ своимъ во умиленіи и молчаніи, а празднословія не чините, отъ чего зараждается злая лѣпость, которую не безъ труда–то искоренить можно. Еще, любезные мои дѣтушки, я прежде говаривалъ вамъ, и нынѣ напоминаю: не судите другъ друга, а единъ судья у васъ Отецъ Искупитель; вы–же между собою имѣйте любовь, совѣтъ и согласіе, плевелъ и клеветы другъ на друга не чините, и тѣмъ сердца ближнихъ своихъ не вредите, и Отца своего не гнѣвите, а каждаго покрывайте своею добродѣтелью: ибо любовь многіе пороки покрываетъ, и на оной основана Церковь Христова, и любовію всѣ Пророки и Апостолы держутся, а безъ любви постъ и молитва и прочіе подвиги ничтоже есть; а когда между собою будете союзны и находиться въ согласіи и любви, то никто

васъ не можетъ преодолѣть, и будете тверды и крѣпки. О любезные мои дѣтушки! я пришелъ къ вамъ не разорить вашего закона, но еще паче оный утвердить и укрѣпить, да про чистоту свою объявить: такъ имѣйте всегда въ сердцахъ своихъ страхъ Божій и теплоту сердечную и любовь истинную; храните дѣвство и чистоту, а чистота есть отъ всѣхъ слабостей удаленіе, какъ–то: въ началѣ отъ женской лѣпости, а потомъ отъ клеветы и зависти, отъ чести и тщеславія, отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и празднословія; словомъ, чтобъ отъ всѣхъ пороковъ и слабостей сердца ваши были чисты и совѣсть ни въ чемъ не была бы замарана; при всемъ же томъ имѣйте навсегда цѣломудріе, также присовокупитеся къ дѣвственной чистотѣ; и оное состоитъ тоже не въ одномъ словѣ, но заключается въ ней многое, и именно: дабы и умъ вашъ былъ отъ всего свободенъ и на всемъ непоколебимъ, во всякомъ случаѣ былъ–бы цѣлъ и здоровъ, и ниже сердце свое занимать какою–либо видимою суетою, или

умомъ и сердцемъ прилѣпляться къ тлѣнному богатству, а равно и къ лѣпости; все сіе принадлежитъ совокупно къ чистотѣ и цѣломудренности: ибо какъ лѣпость погубляетъ тѣло и душу, такъ и сіе суетное богатство и сребролюбіе удаляетъ человѣка отъ Бога, то–есть таковыхъ, которые прилѣпляются сердцемъ къ оному; а то и явное богатство не вредитъ умнаго человѣка, хотя имѣетъ оное, равно какъ не имѣетъ; а кто не имѣетъ, то также не долженъ объ немъ сокрушаться и скорбѣть сердцемъ. О любезные мои дѣтушки! весьма нужно и необходимо должно всякому, позвавшемуся на путь истинный и желающему душу спасти, оставить всѣ слабости, и телѣсныя сладости не имѣть, и хранить чистоту и дѣвство, и не озираться вспять, какъ Лотова жена, которая плоть обращается на слабость и занимаеся лѣпостью. О любезные мои дѣтушки! преклоните главы, и обратите сердечныя ваши очи внутрь себя, и уразумѣйте: какая польза именоваться Христіаниномъ, а жить крайне не Христіански, отвергуться міра, и

потомъ паки міру подражать, и въ таковыхъ же слабостяхъ и неразуміи пребывать? О! страшно о таковыхъ изрещи, и утробушка моя болитъ о всѣхъ грѣшныхъ, что чрезъ нерадѣніе и слабость лишаются вѣчнаго блага и вѣчнаго царствія, и идутъ самопроизвольно по своему слабому житію и чрезъ гнусную лѣпость въ муку вѣчную. А посему, возлюбленные мои дѣтушки, не льстите себя никто надеждою, ни пророчествомъ, ни учительствомъ: ибо у Бога тотъ Пророкъ, кто отъ всѣхъ слабостей и пагубной лѣпости себя сберегъ, или тотъ Учитель, кто самъ себя въ чистотѣ научилъ и душу свою истинному Отцу вручилъ; а то и Пророкъ и Учитель, живущій по слабости и по лѣпости, умретъ, какъ разбойникъ не кающійся; а и рядовой, который сохранитъ чистоту и свято соблюдетъ заповѣди Господни, то когда будетъ душа его съ тѣломъ раставаться, тогда истинные Пророки во всю вселенную чрезъ Духа Святаго возглаголютъ, что чистая душа восходитъ съ земли на небо, и съ честію ей всѣ поклоняются, и Ангелы и

вся Сила Небесная встрѣтятъ ее съ гласомъ трубнымъ и съ восклицаніемъ, и сама матушка Царица Небесная Акулина Ивановна и наперсникъ мой Александръ Ивановичъ пріиметъ ее и представитъ ко престолу Отца моего Небеснаго. О любезные мои дѣтушки! слышите–ли, какая чистой и непорочной душѣ воздастся честь и слава: и вы–бы у меня всѣ были чисты, еслибы не занимались лѣпостію, враждою и завистью, и первые–бы получили мѣсто у Отца моего Небеснаго; а посему, яко истинный есмь вашъ Отецъ, желающій всѣмъ чистаго и совершеннаго отъ всѣхъ пороковъ спасенія, предохраняю васъ отъ всѣхъ слабостей и лѣпости, отъ коей и въ прежнія времена многія тысячи праведныхъ душъ погибло, и великихъ угодниковъ и столпниковъ женская лѣпость свела въ муку вѣчную. О любезные мои дѣтушки! прошу васъ всѣхъ, предстоящихъ предъ симъ моимъ посланіемъ, и молю, во избѣжаніе за сіе гнѣва Божія и вѣчнаго наказанія, презрите и возненавидите пагубную лѣпость, которая ведетъ по своей

дорогѣ всѣхъ въ муку вѣчную, возстаньте отъ сна своего и припадите къ истинному Отцу Искупителю, призывающему всѣхъ въ царствіе Отца Небеснаго; удаляйтесь злой лѣпости, и не имѣйте съ сестрами, а сестры съ братьями праздныхъ разговоровъ и смѣховъ, отъ чего происходитъ уже лѣпость: ибо оная, какъ магнитъ–камень, имѣющій свойство привлекать къ себѣ близъ находящееся желѣзо, такъ и женская лѣпость, по врожденному свойству своему, каждаго близко обращающагося брата съ сестрою привлекаетъ къ себѣ, и непримѣтно вкрадывается въ сердца человѣческія, и яко моль точитъ и поядаетъ всю добродѣтель и изгоняетъ благодать Божію; а безъ благодати Божіей, яко нива необработанная пуста есть и безплодна, тако и человѣкъ безъ Святаго Духа, пустъ есть и безплоденъ. Въ такомъ случаѣ и во избѣжаніе всего онаго, имѣйте жизнь свою во всей осторожности; пребывайте въ благочестіи и кротости и смиреніи, въ постѣ и молитвѣ, и имѣйте на всякъ часъ и на всякую минуту страхъ Божій, и поминайте

смертный часъ; отыскивайте каждый свои пороки и никого не судите; сердцами своими будьте кротки и милостивы; хотя кто васъ и выбранитъ, или въ глаза плюнетъ, или погонитъ за имя Божіе, то всѣ съ радостію примите и за гонителей помолитесь Богу, чрезъ что покажете на себѣ образъ истиннаго вашего Отца, который пострадалъ и пролилъ кровь свою ради всѣхъ спасенія. А посему и призирайте сиротъ, и питайте видимымъ хлѣбомъ, а паче призрите самого Господа, внутреннимъ болѣніемъ, слезами и воздержаніемъ отъ пищи и питія, и имѣйте постъ; ибо постъ есть тѣлу здравіе, а душѣ спасеніе: а первый есть постъ дѣвство и чистота, а и видимый постъ для спасенія необходимо надобенъ. Такъ, любезные мои дѣтушки, послушайте ради Бога и Отца своего Искупителя и для ради душъ своихъ, зачто вамъ будетъ въ небесахъ награда: надо здѣсь на землѣ заслужить, такъ и въ небесахъ не будемъ тужить. О любезные мои дѣтушки! возлюбите мою чистоту и возьмите мою кротость и смиреніе:

отставьте плотяное утѣшеніе, честь и славу земную, такъ получите небесную и вѣчную, а плоти ваши будутъ нетлѣнными, и я истинный вашъ Отецъ приведу васъ къ Небесному моему Отцу, и никтоже прійдетъ къ Отцу моему, токмо мною. О любезные дѣтушки! обратите ваше вниманіе внутрь себя, и уразумѣйте, что истинный вашъ Отецъ, чистоты ради, на земли явился и претерпѣлъ многія страды, гоненія и озлобленія, біенія, поруганія, охуленія, и оплеванія; судимъ былъ, и влачимъ, и терзаемъ; странствовалъ сорокъ лѣтъ: и всѣ члены и составы мои раздроблены, и головушку мою горячимъ сургучемъ обливали, и въ дальнія страны отсылали, и всю дорогу палачемъ дары на моемъ тѣлѣ накладали; сто темницъ я обошелъ, и всѣхъ васъ моихъ дѣтушекъ нашелъ; все сіе принялъ и претерпѣлъ ради вашего спасенія и утвержденія закона Христова и чистоты. Еще я вамъ свидѣтельствую приказаніе Отца и Сына и Святаго Духа, матушки Акулины Ивановны Царицы Небесной, и любезнаго моего сыночка Александра

Ивановича, и Отца вашего Искупителя, всѣмъ моимъ любезнымъ дѣтушкамъ, съ перваго и до послѣдняго, богатому и скудному, равное приказаніе: отложите на землѣ весь покладъ и обложите души свои въ окладъ, поживите безъ лести и не желайте явной себѣ чести. О любезные мои дѣтушки! какъ–бы вамъ камень отъ сердца отвалить, такъ–бы сталъ и Богъ во всѣхъ членахъ вашихъ жить и говорить, и тогда грѣхъ сталъ–бы прочь отъ васъ отводить; но кого Богъ удостоитъ внутреннюю церковь въ себѣ построить, о томъ утробушка моя радуется. О любезные мои дѣтушки! я не самъ къ вамъ пришелъ, а послалъ меня Отецъ мой Небесный судить живыхъ и мертвыхъ, чтобъ грѣхомъ не умирали; а обо мнѣ Пророки за сорокъ лѣтъ прорекали, что Господь прійдетъ, и судить станетъ, и принесетъ чистоту, но откуда прійдетъ, и узнаемъ ли мы его: онъ велія нужды претерпитъ, и пошлется въ дальнія страны, и отдадутся ему всѣ иностранные товары, и дается образъ спасительной воли, цѣпъ и пила;

праведныхъ будетъ просвѣщать, и въ небеса провожать, а гордыхъ Учителей, Пророковъ и всѣхъ, которые лѣпостью занималися, сокращать: тогда не возлюбятъ Учители учительства, Пророки пророчества, и Соборные возненавидятъ соборы свои, и всѣ скажутъ: не стало намъ чести! сколько мы лѣтъ ждали этой чести и радости, а онъ выводитъ только слабости! по явности всего Богъ намъ далъ, да нѣтъ ни въ чемъ воли, погуляли–бы мы еще по волѣ! О любезные дѣтушки! все это надо оставлять, а только однѣ души свои украшать, и во уборъ небесный убирать, чтобъ не стыдно было явиться предъ Отцемъ моимъ Небеснымъ, который не любитъ житья лестнаго. О любезные мои дѣтушки! ни съ кѣмъ я такъ не бесѣдовалъ, какъ съ Александромъ Ивановичемъ, и говорилъ онъ мнѣ Государь Батюшка въ Москвѣ: всѣ они разчищаются, дороги разметаются, и ковры подъ тебя подстилаются, и во всяком домѣ пищу поставляютъ; теперь–то ты ловишь молявокъ, а когда выростешь и по землѣ пойдешь, то и въ явной дворецъ взойдешь,

и тогда будешь осетровъ ловить, и тамъ хлѣбушка покушаешь, а львы всѣ застонутъ, и тогда волки завоютъ на всей вселенной; а волки Пророки, и не одни Пророки, а и тѣ, которые лѣпостью занимались: благодать у нихъ чистая, да и плоти коварныя; но ты со всѣми справишься, и Учители не будутъ безвременно овецъ стричь, а будутъ одну пору Петровку знать. О велико дѣло быть Учителемъ! надо заживо себя во гробъ положить, а ноги свои въ землю зарыть, а голову къ небесамъ привязать, а умъ свой всегда къ небу простирать, а сердце свое Богу вручать, и никакіе подарки не взимать, и сердца своего на земное не прилѣплять, и никого не обижать, а всѣхъ равно, богатаго и нищаго, съ любовію принимать, и ни на кого не гнѣваться, а гнѣвайся всякъ на свою плоть да на лѣпость; а притомъ и долженъ кушать хлѣбъ съ водой, чтобъ не жить съ бѣдой, да третью соль на подкрѣпленіе членовъ, а отъ другихъ прохладъ бываетъ душамъ накладъ: судите же одну правду, и всѣхъ равно, какъ средняго, такъ и

богатаго, равно и нищаго, и надо отрещись всего роду, отца и матери, и судить, чтобы лѣпостью не занимались, а на землѣ Учителями не назывались. Единъ Учитель, Отецъ вашъ Искупитель, и матушка Акулина Ивановна, да батюшка Александръ Ивановичъ; а прочимъ я никому не вѣрю: ни Учителямъ, ни Учительницамъ, ни Пророкамъ, ни Пророчицамъ; а только вѣрю одному дѣлателю, исполнителю заповѣдей Божіихъ, тотъ и уподобится Царствію Небесному. А я всѣхъ равно почитаю, какъ вельможу, такъ и нищаго: и нищій, да Бога сыщетъ; а и вельможа, да въ дѣлахъ неугожихъ: у меня тотъ и Генералъ, который дѣла Божія не замаралъ; тотъ и Архіерей, который въ жизни своей не захирѣлъ; тотъ и Патріархъ, который будетъ въ жизни разумомъ здравъ и благъ; а благъ единъ Господь Исусъ Христосъ, Сынъ Божій, который и пришелъ въ міръ грѣшные спасти, да отъ лѣпости отвести. О любезные дѣтушки! надо помнить смертный часъ, и какъ душа съ тѣломъ разстанется, тогда суета вся на землѣ останется, и съ

единою добротою къ Богу должно идтить. О любезные дѣтушки! какъ можно постарайтесь, и назадъ не озирайтесь; а хотя на колѣнкахъ, да ползите, и у Бога помощи себѣ день и ночь просите: ибо въ прежнія времена по тридцати лѣтъ Богу служили, и благодатію себя основали, да предъ послѣднимъ концомъ отъ Бога отставали.

А Страшный идетъ Судъ: надо дѣла брать всѣмъ въ разсудъ, и разобрать Божій Судъ. А я принесъ гостинчикъ всѣмъ поровну: чтобы лѣпостью не занимались, а истинному Отцу съ чистотою покланялись. И хочетъ истинный вашъ Отецъ на сырой землѣ раскатиться и до всѣхъ своихъ дѣтушекъ умалиться: хочетъ благословить, и всѣхъ своихъ дѣтушекъ навѣстить; хочетъ въ Успенскій колоколъ зазвонить, и всѣхъ своихъ дѣтушекъ къ себѣ заманить: и этому дѣлу не миновать, чтобъ Отцу Искупителю не стали чести отдавать; хотя и стали всѣ пировать, но придетъ время, будутъ всѣ головушки свои преклонять; такъ и станемъ заблаговременно грѣхъ изъ себя вонъ

выгонять, начнемъ къ Отцу припадать, и грѣху не станемъ потакать. Пора, любезные дѣтушки, Богу работать, и души свои спасать, а пустыя дѣла всѣ надо бросать, и на грѣхъ наступить, и одну Сіонскую Гору полюбить. А я свидѣтельствую о себѣ не самъ собою, но свидѣтельствуетъ о мнѣ Отецъ Небесный, посланіемъ чрезъ Духа Святаго, и пишу не для славы. Слава моя на крестѣ, а домъ мой темница: я въ ней жилъ и не тужилъ, Отца своего слушалъ и малинку его кушалъ. А нынѣ я пришелъ на старыхъ Учителей и Пророковъ: у нихъ благодать была по поясъ, а я принесъ полную, и облеку съ головы до ногъ, и тогда вся земля мнѣ поклонится. О любезные дѣтушки! извольте на бѣлыхъ коней садиться, и со мною Господомъ водиться, духомъ моимъ сладиться, душою–же съ тѣломъ соединиться, тѣмъ и будете со мною и въ небѣ веселиться. О любезные мои дѣтушки! помните всегда Вышняго, и не кушайте хлѣбушка лишняго: вы люди Израильтяне, а потому и должны быть душамъ своимъ хранители; а про меня

Пророки вамъ вѣстили, да вы во внутренность свою не вмѣстили. Прійдетъ кормщикъ, и будетъ кораблями управлять, и мачты крѣпко утверждать: посадитъ всѣхъ по своимъ домамъ, и не дастъ воли вашимъ плотямъ, и должны помнить и страшиться праведнаго Суда Божія, а не человѣческаго, а если будете вѣрить однимъ несбыточнымъ мечтамъ, то умрете вѣчною смертію, не тѣлесною, а душевною. Такъ, любезные мои дѣтушки, живите, не вредитесь, всякой слабости берегитесь и на суету міра сего не льститесь, а всѣ ко истинному Отцу своему Искупителю съ чистою совѣстію явитесь. Вы всѣ у меня Отцемъ моимъ избраны, Духомъ Святымъ порождены, и имъ воспитаны, и прощеніемъ очищены. Я истинный вашъ Отецъ Искупитель, по благословенію Отца моего Небеснаго, много лѣтъ за васъ страдалъ, и всѣхъ отъ міра своею кровію откупалъ: по сырой землѣ странствуя ходилъ, и чистоту свою всѣмъ явилъ; на колокольню всходилъ, и одной рукой во всѣ колокола звонилъ, а другой изобранныхъ своихъ

дѣтушекъ манилъ, въ трубушку трубилъ, и имъ говорилъ: «Подите, мои вѣрные, изобранные, со всѣхъ четырехъ сторонушекъ: идите на звонъ и на жалостный гласъ мой трубный; выходите изъ темнаго лѣсу, отъ лютыхъ звѣрей и отъ ядовитыхъ змѣй; бѣгите отъ своихъ отцовъ и матерей, отъ женъ и отъ дѣтей; возмите съ собой только однѣ души, плачущіяся въ тѣлѣ вашемъ. А почто ты, человѣкъ, нейдешь на гласъ Сына Божія и не плачешься о грѣхахъ своихъ, который толико лѣтъ зоветъ тебя отъ утробы матери твоей тѣлесной, и почто не ищешь душѣ своей матери небесной, кая воспитала–бы душу твою благодатью и довела–бы до Жениха Небеснаго? А Онъ беретъ за себя всю подвселенную, и возводитъ съ земли на небо, гдѣ ликуютъ души вѣрныя и праведныя, Преподобные и Богоносные Мученики и Мученицы, Пророки и Пророчицы, Апостолы и Учители, въ царствіи Его небесномъ наслаждаются вѣчною радостію и зрѣніемъ Его красоты, и умиленнымъ гласомъ, пѣніемъ и

восклицаніемъ всей Силушки Небесной!» На сей мой жалостный гласъ и на колокольный звонъ, нѣкоторые стали отъ вѣчнаго сна пробуждаться, и головы изъ гробовъ поднимать, и изъ дна моря на верхъ всплывать, и изъ лѣсу ко мнѣ приходить.*

А я тогда имѣлъ нужду по всѣмъ городамъ ходить, потому–что не могъ нигдѣ головушки своей приклонить. Ходилъ въ нищенскомъ образѣ, и часто перемѣнялъ платье на себѣ. Однажды, не пивши, не ѣвши, сидѣлъ трое сутокъ въ ямѣ, гдѣ бросали всякую падаль. Да во ржи былъ я десять сутокъ, отъ чего очень утомившись, легъ и заснулъ; а когда проснулся, то увидѣлъ, что возлѣ меня лежитъ волкъ и на меня глядитъ; но я сказалъ ему: поди въ

---

* Въ другомъ спискѣ «Страдовъ», все доселѣ здѣсь изложенное, замѣняется слѣдующимъ вступленіемъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ! Начало страданія о возлюбленномъ нашемъ Государѣ Батюшкѣ, Искупителѣ нашемъ, который пришелъ во–вторы на землю души на путь спасенія забрать, а грѣхъ весь изодрать. И онъ своею волею къ намъ пришелъ, а кромѣ его некому эту чашу пить, и этому дѣлу такъ и быть. И я не самъ пришелъ, а прислалъ меня Отецъ Небесный, и матушка Акулина Ивановна пречистою утробою, которая грѣха тяжкаго недостаточная грѣхамъ никакимъ, и была великая милліонщица, а прикащики у нея были по всей вселенной, торговали, да ужъ жили не горевали, а только грѣхъ весь изъ себя выгоняли, и на крестъ свой люди отдавали въ руки Іудеямъ.» Послѣ этого описываются похожденія Селиванова, какъ здѣсь слѣдуетъ.

свое мѣсто; и онъ послушался меня, и пошелъ. А потомъ я проживалъ въ соломѣ двѣнадцать сутокъ, и пищи было со мною только одинъ маленькій кувшинчикъ водицы, которую употреблялъ я по ложечкѣ въ сутки. Послѣ онаго, перешелъ я къ Божьему–Человѣку, но и тутъ на меня доказали, и пришли за мной съ обыскомъ: меня же тогда спрятали и завязали въ пеньковой снопъ; а которые искали, сказали хозяину: что у тебя энто какой большой снопъ? а я велѣлъ хозяину пробѣжать назадъ двора, въ полѣ лечь. Послѣ того, и еще меня искали; а я былъ въ другомъ мѣстѣ, тожъ у Божьяго–Человѣка, и мнѣ дѣваться было некуда: велѣлъ покрыть себя свинымъ корытомъ, и тутъ меня Отецъ мой покрылъ, и не нашли. И еще когда я ходилъ въ Тулѣ въ нищенскомъ образѣ, и вздумалось мнѣ идти въ село Тихвинъ на ярманку и тамъ стихи пѣть; а братъ мой Мартынушка меня не пущалъ и говорилъ: Государь Батюшка, не ходи туда, тебя тамъ поймаютъ. Однако я пошелъ туда и говорилъ Мартынушкѣ:

смотри, братъ, встрѣчай меня. И пришелъ я на ярманку, а на оной стоялъ полкъ солдатъ, и у меня было три сумки; двѣ я набралъ, да хотѣлъ набрать и третью, и самъ себѣ думаю: тутъ–то меня братъ мой встрѣтитъ съ большою добычею. И пошелъ къ солдатамъ просить милостыню; но они меня схватили, и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телегу меня привязали, и крѣпко караулили. А начальникъ говорилъ имъ: не вѣрьте, онъ уйдетъ, и остригите ему половину головы. Тутъ солдаты остригли мнѣ половину головушки. Наступила ночь, и солдаты всѣ полегли вокругъ меня; а я шибко захрапѣлъ, будто–бы уснулъ. А солдаты промежду себя и говорятъ: этакъ старичекъ намаялся, тотчасъ и заснулъ. Потомъ и они всѣ заснули; а я, взявши, головушку свою тряпочкой обвязалъ, и, черезъ нихъ перепрыгнувши, ушелъ въ рожъ. А они меня хватились и закричали: бѣжалъ, бѣжалъ! Да уже негдѣ взять; только однако было, гдѣ я бѣжалъ, тамъ рожъ шаталась; и говорятъ: если пѣшкомъ бѣжать не догонимъ, а на лошади ѣхать, то

всю рожь поломаешь. А бѣжалъ я двадцать–пять верстъ, все рожью, да рѣчками; и еслибы я вышелъ на большую дорогу, то меня бы тамъ схватили, потому–что у меня полголовы было острижено. И такъ я стороной бѣжалъ къ братцу своему Мартынушкѣ, и постучался подъ окномъ. А онъ выскочилъ, и обнялъ меня крѣпко, и сказалъ: о, о! братецъ, братецъ! говорилъ я тебѣ, чтобъ ты не ходилъ! А я ему сказалъ: а чтоже, я слава Богу! — А гдѣ же тебѣ полголовки остригли? — Но я ему отвѣчалъ: я тебѣ сказалъ, что я къ тебѣ приду, а волосы выростутъ, объ этомъ не тужи. Но онъ меня весьма крѣпко любилъ, и во всемъ берегъ. Я былъ молчаливъ и несмѣлъ; такъ куды мы съ нимъ пойдемъ и гдѣ намъ дадутъ блинковъ, то онъ меня все кормилъ, и подкладалъ, и говорилъ: на, ѣшь, да ѣшь–жа! а я молча кушалъ. И мы съ нимъ ходили по Божьимъ–Людямъ, и въ одно время были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица Пророчица, по ненависти, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку, и какъ подняла, такъ и окаменѣла у нея рука. А я

пошелъ и легъ въ ясли, и лежалъ въ оныхъ трое сутокъ, не пилъ и не ѣлъ, а крѣпко плакалъ, и просилъ Отца Небеснаго: о Отецъ мой Небесный, заступи ты за меня сироту и поддержи подъ своимъ покровомъ! И Отецъ мой за меня вступился, и она видѣла во снѣ, что ее Ангелы наказывали жезлами, и всеё ее избили, и велѣли просить у меня прощенія, и сказали: если онъ тебя не проститъ, то все будетъ тебѣ такое мученіе. Тогда она у меня просила прощенія, и говорила: прости меня, что я дерзнула на тебя поднять камень, и я не сама–собою, а меня люди научили, и видѣла я во снѣ, что меня Ангелъ жезломъ наказывалъ, и всѣ кости во мнѣ изломаны и болятъ, и онъ велѣлъ мнѣ у васъ просить прощенія, и если вами прощена не буду, то все такое мученіе принимать стану. Тутъ я ее простилъ. А еще братъ ея хотѣлъ меня застрѣлить изъ ружья: когда я ходилъ на праздники изъ села въ Тулу, то каждый праздникъ, когда я приду, то онъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ, и стрѣлялъ по мнѣ шесть разъ, но ружье по промыслу

Божьему не выстрѣлило ниодного раза. И послѣ онаго, возстали на меня всѣ Божьи–Люди, возненавидѣли чистоту мою и жаловались Учителю своему Пророку Филимону, который ходилъ въ словѣ бойко. И онъ про чистоту мою въ духѣ пѣлъ, а такъ ненавидѣлъ, и призвавши меня говорилъ: на тебя всѣ жалуются, что ты людей отъ меня отвращаешь. А я ничего не говорилъ и все молча былъ; но онъ сказалъ: вишь, какой ты! даромъ, что молчишь, смотри, опасайся! И мнѣ въ то время пристать было негдѣ, потому–что всѣ меня погнали. Тогда я пошелъ стороною, лѣсомъ, къ Божьему–Человѣку Аверьяну, и пришедши къ нему говорилъ: любезный Аверьянушка! не оставь ты меня сироту, призри и утаи отъ семейства и отъ посестріи своей, чтобъ никто не зналъ; пусти меня въ житницу, за что тебя Богъ не оставитъ. И онъ меня призрѣлъ, и ходилъ ко мнѣ тихонько отъ своихъ. И я ему объявилъ о чистотѣ, но онъ сказалъ: боюсь, чтобъ не умереть. Но я ему говорилъ: не бойся, не умрешь, а паче воскресишь душу свою; и

будетъ тебѣ легко и радостно, и станешь, какъ на крыльяхъ, летать; духъ къ тебѣ переселится, и душа твоя обновится: поди къ Учителю своему, Пророку Филимону, и онъ тебѣ тоже пропоетъ, и скажетъ, что въ твоемъ домѣ самъ Богъ втайнѣ живетъ, и никто объ ономъ не знаетъ кромѣ тебя. Который и пропѣлъ ему все то самое, что я ему говорилъ: и тутъ онъ мнѣ повѣрилъ, пришелъ, и поклонился, и принялъ мою чистоту, и, по приказанію моему, объявилъ посестріи своей, что я у нихъ живу, и сказалъ ей, какъ Учитель ихъ обо мнѣ въ словѣ провѣстилъ, что самъ Господь живетъ у насъ въ домѣ тайно и я его принялъ. И еще, въ одно время, былъ въ кораблѣ у матушки своей Акулины Ивановны, у которой было Божьихъ–Людей тысяча человѣкъ. У нее была первая и главная Пророчица Анна Романовна: она узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ и въ поляхъ хлѣба урожай; почему и появности она прославилась, и узнавши объ ономъ, многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: сѣять–ли

нынѣшній годъ хлѣбъ? а также и о рыбѣ: ѣздить–ли ловить или нѣтъ? и если она кому велитъ сѣять хлѣбъ или ловить рыбу, то много въ тотъ годъ уродится хлѣба и рыбы поймаютъ, а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ и хлѣбъ не уродится. И какъ я вступилъ въ Соборъ, а она тогда ходила въ словѣ, и людей было съ семьдесятъ, вдругъ все встрепенулось, и оборотясь ко мнѣ говорила: самъ Богъ пришелъ! теперь твой конь бѣлъ и смиренъ! И, взявши крестъ, ходила по–порядку по всѣмъ въ Соборѣ людямъ, давала каждому въ руки, дошла до меня послѣдняго, потому–что я садился всегда у самаго порога и за порогъ, и былъ нѣмъ, и не слышалъ, и никогда не отверзалъ устъ своихъ, и отдала мнѣ. И говорила потомъ Пророкамъ: ступайте на округу, и угадайте: у кого Богъ живетъ? Тогда Пророки пошли, искали по себѣ, и по другимъ богатымъ, и у первыхъ людей; ни у кого не нашли, а на меня и не подумали. Тогда Анна Романовна сказала имъ: для чего же вы меня Бога не нашли, гдѣ я пребываю? Взяла у меня

крестъ и показала всѣмъ: вотъ гдѣ Богъ живетъ! И всѣмъ оное сдѣлалось противно и злобно. Потомъ велѣла она выдвинуть на средину собора сундукъ, и сѣла на ономъ крѣпко, и меня возлѣ себя посадила, и говорила: ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары, и будутъ у тебя оный спрашивать; то ты никому не давай, и не показывай, и сиди крѣпко на своемъ сундукѣ: а тебя хотятъ теперь же всѣ продать; но хотя ты и будешь сосланъ далеко и наложатъ на тебя оковы на руки и на ноги, но, по претерпѣніи великихъ нуждъ возвратишься въ Россію, и потребуешь всѣхъ Пророковъ къ себѣ на–лицо, и станешь судить ихъ своимъ судомъ; тогда тебѣ всѣ Цари, и Короли, и Архіереи, поклонятся, и отдадутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками. Но, въ одно время, взявши она меня въ особую горницу и сказала, что я давно съ тобою хочу побесѣдовать: садись возлѣ меня! И посадя, схватила крестъ, и хотѣла привести меня, и говорила: приложись ко кресту. А я взялъ отъ нее, и сказалъ: дай–ко я тебя

приведу самоё снова. Но она, не слыхавши отъ меня никогда словъ, удивясь оному, сказала: ахъ! и ты говоришь! что ты, съ кѣмъ говорилъ? И тутъ накатилъ на нее мой духъ, и она сдѣлалась безъ чувствъ, упала на полъ; а я испугался, будто–бы Богъ мой ничего не знаетъ взялъ подулъ на нее своимъ духомъ. И она, какъ отъ сна пробудилась, встала и перекрестилась, сказала: о Господи, что такое со мною? о куда твой Богъ великъ! прости меня! Взяла и приложилась ко кресту, и говорила: ахъ! какъ что я про тебя видѣла! А я сказалъ: а что такое видѣла? скажи, такъ и я тебѣ скажу! И тогда она стала мнѣ сказывать, что отъ меня птица полетѣла по всей вселенной всѣмъ возвѣстить, что я Богъ надъ Богами, и Царь надъ Царями, и Пророкъ надъ Пророками. Тутъ я ей сказалъ: это правда! смотри же никому объ ономъ не говори, а то плоть тебя убьетъ.

Но всего моего похожденія и страдовъ не можно перомъ описать, и человѣческаго ума не постигнетъ. А скажу вамъ только вкратцѣ о возлюбленномъ моемъ сыночкѣ

Александрѣ Ивановичѣ, который былъ мнѣ другъ и наперсникъ. Родился съ благодатію, и еще въ мірѣ Бога узналъ: произшелъ всѣ Вѣры, и былъ Трекрещенецъ, и во всѣхъ Вѣрахъ былъ Учителемъ, а самъ говорилъ всѣмъ: не истинна наша Вѣра, и постоять не за что: о еслибы нашелъ самую истинную Вѣру Христову, то–бы не пощадилъ своей плоти! радъ–бы головушку за оную сложить, и отдалъ–бы плоть свою на мелкія части раздробить! Господь, услышавши сіе его обѣщаніе, избралъ его мнѣ въ помощники. И потому я говорилъ, чрезъ искупительскія уста свои, Романушкѣ: поди, любезный, къ одному человѣку: зовутъ его Александромъ Ивановичемъ; и объявили ему объ моемъ спасеніи и истинной Вѣрѣ, а онъ давно ищетъ оной и желаетъ на путь истинный прійтить. Романушка послушалъ, пошелъ къ нему, и сталъ говорить: Александрушка, не можно–ли какъ получше пожить? И онъ ему въ отвѣтъ: нѣтъ! еслибъ ты самого того прислалъ, отъ кого ты самъ посланъ, то–бы я съ нимъ поговорилъ, а съ тобою мнѣ

говорить нечего; я знаю, что его нѣтъ больше на свѣтѣ, и онъ одинъ только можетъ нашъ грѣховный узелъ развязать. И, пришедши отъ него ко мнѣ, Романушка говорилъ: да вѣдь онъ праведенъ! недовольно намъ его учить, но онъ и насъ научитъ: пришлите того, отъ кого вы были посланы, и онъ одинъ только можетъ грѣховный узелъ развязать. Почему и пошелъ я къ нему самъ, и только подхожу къ его дому, а онъ меня и встрѣтилъ, и говорилъ: вотъ кого надо и кого ждалъ сорокъ лѣтъ, тотъ идетъ! ты–то нашъ истинный свѣтъ, и просвѣтилъ всю тьму, освѣтилъ всю вселеннную, и тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся, и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся, и тебѣ я съ крестомъ поклонюсь! ты одинъ, а насъ много, и радъ за тебя головушку сложить, и на мелкія части плоть свою раздробить! кто какъ хочетъ, а я тебя почитаю за Сына–Божьева, и ты поживи на землѣ, а я прежде тебя сойду: тебѣ много еще дѣлъ надо на землѣ сдѣлать, свою чистоту утвердить и всю лѣпость истребить, всѣхъ Пророковъ

сократить и всю гордость и грѣхъ искоренить. Тутъ я его благословилъ крестомъ, и далъ ему крестъ, свѣчу и мечъ, и сказалъ: вотъ тебѣ мой мечъ, ты будешь у многихъ древъ сучья и грѣхъ сѣчь! И много съ нимъ побесѣдовалъ, и ни съ кѣмъ такъ долго не бесѣдовалъ, какъ съ нимъ. И послалъ его на бесѣду къ матушкѣ своей Акулинѣ Ивановнѣ, и велѣлъ поклониться со крестомъ, а тогда еще съ крестомъ не кланялись. И сказалъ ему: что мы теперь съ тобой бесѣдовали, то и Пророки тебѣ на первой бесѣдѣ пропоютъ; и какъ скоро ты въ Соборъ взойдешь, такъ и обратится къ тебѣ Пророкъ, и встрѣтитъ тебя. И онъ поклонился мнѣ, и потомъ, какъ скоро вступилъ въ Соборъ, такъ Пророкъ и обратился къ нему. А онъ взошелъ въ Соборъ, поклонился три раза съ крестомъ матушкѣ моей, Царицѣ Небесной, а потомъ и всѣмъ, на четыре стороны. И тутъ всѣ удивились и говорили: никакъ онъ давно уже приведенъ; да кто его научилъ съ крестомъ поклоняться? И сказали про меня: этотъ научилъ его молчанка. И съ

того времени стали всѣ съ крестомъ поклоняться. А Пророкъ ему запѣлъ: поди–ка, братъ, молодецъ! я давно тебя дожидалъ: ты мнѣ Богу и Духу Святому надобенъ; благословлю тебя крестомъ, ты видѣлся съ самимъ Христомъ; вотъ тебѣ отъ самаго Сына Божьева мечъ, и много будешь грѣхи сѣчь; да дастся тебѣ книга голубина, отъ Божьева Сына; ты самъ объ ономъ знаешь, и съ кѣмъ бесѣдовалъ, отъ васъ много народу народится, знать опять старинка хочетъ явиться. Тутъ матушка Акулина Ивановна взяла его къ себѣ, и изволила спрашивать: кто тебя сюда прислалъ и какъ ты приведенъ? — Вы, матушка, сами изволите знать, что отъ одного всѣ приведены сына Божьева, да еще отъ Владычицы. — Знаю, знаю: поди же теперь и поклонись отъ меня ему. — И онъ пришелъ ко мнѣ, поклонился, и говорилъ: о Государь Батюшка, что вы мнѣ изволили говорить, то и Пророки пѣли, и матушка Акулина Ивановна изволила разговаривать со мною и говорила, что это мой сыночекъ, что всѣ Пророки мнѣ поютъ,

будто отъ меня Сынъ Божій народится, я этому и сама дивлюсь. Но я ему сказалъ: ну, любезный сынокъ! какъ она съ тобой разговарилась и про какой секретъ разговаривала! даромъ, что въ первый разъ, а все равно какъ со мной, такъ и съ тобой разговаривала! И тутъ я ему сказалъ: «Ну, любезный мой сыночекъ! дастъ тебѣ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, и Отецъ Искупитель, много силъ, и порубишь много осинъ. Когда ты Сына Божьева просилъ, жалуетъ тебя Богъ Ригою, да тюрьмою. И благодаритъ тебя Отецъ и Сынъ и Святой Духъ за ревность твою, и за вѣрное, неизмѣнное обѣщаніе головушку свою за меня сложить. И хочешь животъ и сердце надсадить, да и сады мнѣ насадить: такъ я благословлю тебя идтить въ ночь, а Господь пойдетъ на востокъ, и будетъ у насъ между собою истекать одинъ живой истокъ. Духъ мой будетъ въ тебѣ во вѣки пребывать и обо мнѣ возвѣщать, и мы съ тобою хотя будемъ плотями врозь, но духомъ пребудемъ неразлучно вмѣстѣ. И кому будетъ ночь, а тебѣ день, и не возметъ тебя

никогда лѣнь. Послужимъ ради Бога и не пощадимъ своихъ плотей, такъ и Богъ послушаетъ насъ. О любезный мой сыночекъ! помоги мнѣ лѣпость изогнать. Ходилъ я по всѣмъ кораблямъ, и поглядѣлъ: но всѣ лѣпостью перевязаны; того и наровятъ, гдѣ–бы съ сестрою въ одномъ мѣстѣ посидѣть. «Ужъ змѣю бить, такъ бей поскорѣй до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила!» А онъ мнѣ былъ вѣрный другъ и великой помощникъ, непобѣдимый воинъ. Отъ начала до конца въ жизни своей, ревностно воевалъ противу грѣха, и много мнѣ помогалъ, и нѣтъ мнѣ нынѣ такова помощника, и нигдѣ не могу избрать, ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ и ни въ другихъ городахъ. Много есть у меня добрыхъ людей, но все нѣтъ такова, каковъ былъ онъ. Онъ не имѣлъ и не желалъ себѣ явной чести, равно и не собиралъ тѣлеснаго богатства, и не занимался оною суетою; не щадилъ своей плоти, и жизнь истощалъ свою ради Отца своего Искупителя, и былъ вѣрный подражатель Христу, и имѣлъ

чистый и непорочный сосудъ Духу Святому; онъ, по благословенію Отца своего Небеснаго, пошелъ на станъ освѣтить всю вселенную, и истребить въ Божьихъ–Людяхъ всю лѣпость, и побѣдить змѣя лютаго, поядающаго всѣхъ на пути идущихъ моихъ дѣтушекъ.

И когда я пошелъ въ Иркутскъ, тогда у меня было товару только за одной печатью; а какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію, тогда вынесъ товару за тремя печатьми. И тутъ мнѣ стали Цари, Короли, Архіереи и всякаго чину люди говорить и просить: покажи намъ товаръ свой! Но и я имъ отвѣчалъ, что не покажу: сами догадывайтесь. Я товаръ доставалъ все трудами своими: свѣчи мнѣ становили, по плечамъ и по бокамъ, все дубинами; а свѣтильни у нихъ были воловьи жилы; а на крестъ меня отдали Іюдеямъ Божьи–Люди. А я жилъ тогда у жены грѣшницы Федосьи Іевлевны въ домѣ: она меня приняла. А свои не приняли и доказали, привели въ домъ ея солдатъ. Однако она не оробѣла, и приходили къ ней два раза, а не нашли

меня. Я уже былъ спрятанъ въ подполье, и послѣ онаго мои людушки сказали солдатамъ и офицеру: пойдемъ–те въ третій разъ, и найдемъ его, и отдадимъ вамъ въ руки на муки. И приведши ихъ говорили: берите, онъ здѣсь въ подпольѣ. Которые разломали полъ, и вытащили меня за святые волосы; и тутъ меня били всѣ, кто чѣмъ попало, безъ всякой пощады; поясокъ и крестъ съ меня сняли, и руки назадъ связали, и назади гири привязали; и повели меня съ великимъ конвоемъ, шпаги обнаживши и со всѣхъ сторонъ ружьями примкнувши, однимъ ружьемъ въ грудь, а другимъ сзади, и съ обоихъ боковъ, такъ что чуть не закололи. Приведши въ Тулу, и посадили меня на стулѣ; подпоясали поясомъ желѣзнымъ фунтовъ пятнадцати, и приковали меня къ обѣимъ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги, и хотѣли меня уморить. На часахъ стояли четыре драгуна, а въ другой комнатѣ сидѣли мои дѣтушки трое, которые на меня доказали и которыхъ по утру хотѣли бить плетьми. Но мнѣ ихъ стало жаль; чего ради возжелалъ сойти съ

креста и сказать, что имъ ничего не будетъ. И только что сіе подумалъ, то всѣ желѣза съ шеи, съ рукъ, съ ногъ, вдругъ свалились; а драгуны тогда всѣ заснули. И я со креста сошелъ, и своихъ дѣтушекъ нашелъ, и имъ говорилъ: не бойтесь, мои дѣтушки, вамъ ничего не будетъ! я и Отецъ мой прощаетъ: васъ не будутъ держать, а отпустятъ домой; я одинъ пойду на страды за всѣхъ моихъ дѣтушекъ, дабы прославить имя Христово и побѣдить змѣя злова, чтобъ онъ на пути не стоялъ и моихъ людушекъ не поядалъ. И, сказавши имъ, пошелъ вонъ, и ходилъ по двору. Думали: изъ желѣзъ я ушелъ, а съ двора не пошелъ. Но Отецъ мой Небесный не приказалъ мнѣ идтить, а велѣлъ сію чашу пить, и что мимо меня этой нейдтить. Тутъ меня схватились, и всѣ злые удивились, а иные устрашились, и по всѣмъ мѣстамъ бросились, и нашли меня на дворѣ. А я по двору гулялъ, и самъ себѣ разсуждалъ: знать пришло сію чашу пить, видно тому дѣлу такъ и быть. И тутъ меня взяли, и великой допросъ чинили, и ротъ мнѣ драли, и въ ушахъ и подъ носомъ

смотрѣли, и говорили: глядите вездѣ, у него есть гдѣ нибудь отрава; глядите тутъ и тутъ. И дѣлали великія пытки и допросы, не нашли ничего. Въ лицо мнѣ плевали, и великимъ волхвомъ называли, и тутъ меня всѣ били и терзали безъ всякой пощады, кто чѣмъ попало, и тогда–то мою головушку горячимъ сургучемъ обливали, и крѣпче–то къ стѣнѣ приковали. И отданъ былъ строгой приказъ, чтобъ близко ко мнѣ не подходили, и кушанье близко не подносили, хлѣбъ давали на шестѣ, а кушанье на длинной ложкѣ, сдѣланной аршина въ полтора. И говорили: кормите его, да бойтесь; и подавайте, а сами прочь отворачивайтесь, чтобы на кого не дунулъ и не взглянулъ; вѣдь онъ великой волхвъ и прелестникъ, чтобы не прельстилъ и насъ, къ себѣ не превратилъ: онъ хоть кого прельститъ; онъ и Царя можетъ прельстить, а не только что насъ! И называли великимъ волхвомъ, такъ какъ и Господа прежде называли. А потомъ повезли меня изъ Тулы въ Тамбовъ: народу же было несчетное число; кто бранилъ, кто плевалъ, и

всячески надо мною наругалися. А отецъ мой велѣлъ мнѣ все съ радостію принять, хотя и не для себя, но для всѣхъ моихъ дѣтушекъ и для искупленія отъ грѣховнаго паденія. Дѣтушки мои стояли, плакали и провожали. Привезли меня въ Тамбовъ, и посадили въ тюрьму, гдѣ содержался два мѣсяца. И потомъ получили повелѣніе меня наказывать жестоко, безъ пощады, крѣпко–на–крѣпко, только чтобы до смерти не засѣчь. И повели меня наказывать съ великимъ конвоемъ изъ Тамбова въ Сосновку. И тогда за мною шли полки полками: у солдатъ были шпаги на–голо, а у деревенскихъ мужиковъ у каждаго были палки въ рукахъ. И тутъ меня Сосновскіе дѣтушки встрѣчали, плакали и рыдали, и говорили: везутъ нашего родимаго Батюшку. И въ самое то время поднялась великая буря, сдѣлался въ воздухѣ шумъ, что за тридцать саженъ никого невидно было и никого было не можно разглядѣть. И привезли меня въ Сосновку, стали наказывать кнутомъ, и сѣкли долгое время, такъ что не родись человѣкъ на свѣтѣ. И

мнѣ стало весьма тошно, и сталъ я просить всѣхъ своихъ вѣрныхъ и праведныхъ: о вѣрные и праведные! помолитеся за меня, и помогите мнѣ вытерпѣть сіе тошное наказаніе; о Отецъ мой Небесный! не оставь ты меня безъ своей помочи, и помоги мнѣ все опредѣленное отъ тебя вынести на моемъ тѣлѣ, и если да поможешь, то наступи на злова змѣя и разори всю лѣпость до конца. Тогда мнѣ стало полегче, и тогдажъ указъ подоспѣлъ, чтобъ до смерти не засѣчь. А держали меня по приказанію Іудейскому; а дѣтушки мои Иванушка былъ замѣсто древа, а Ульянушка держалъ за голову*. И рубашку мою всю окровили съ головы до ногъ, и была вся въ крови какъ въ морсу. И дѣтушки мои эту рубашку выпросили себѣ, а надѣли на меня свою бѣлую. Я имъ сказалъ, что я съ вами увижусь со всѣми. И мнѣ стало очень тошно и тошно. И попросилъ я у нихъ парнова молока; но злые мнѣ сказали: вотъ еще лечиться хочешь. Однако они умолилися, отыскали и

---

* Въ другомъ спискѣ «Страдовъ» говорится: «И держалъ мой сынокъ Якушка, а Ульянъ за головушку держалъ.»

дали мнѣ. И какъ я напился, такъ мнѣ стало полегче, и сказалъ я: благодарю Бога! теперь въ Сосновкѣ на которомъ мѣстѣ меня сѣкли, выстроена будетъ церковь. И тогда мои дѣтушки были люди бѣдные; но я имъ сказалъ: только храните чистоту, то всѣмъ будете довольны, тайнымъ и явнымъ; всѣмъ васъ Отецъ мой Небесный наградитъ и оградой своей оградитъ; а другихъ Пророковъ къ себѣ не принимайте. Изъ Сосновки повезли меня въ Иркутскъ; посадили въ повозку, ноги и руки мнѣ сковали по обѣимъ сторонамъ телеги, за шею приковали къ подушкѣ. И тогда злой нечистому наказываетъ: смотрите, не упустите! такого еще не было да и не будеть; онъ хоть кого такъ обманетъ. И повезли меня за строгимъ конвоемъ, на-голо шпаги, а у мужиковъ было у всякаго въ рукахъ по палкѣ, и женщины провожали отъ деревни до деревни. Въ то время самое, когда Пугачева взяли, и онъ мнѣ встрѣтился на дорогѣ: его провожали полки полками, и тожъ везли подъ великимъ карауломъ, а меня везли вдвое того больше,

и весьма строго; и тутъ, которые меня провожали, за нимъ пошли, а которые его провожали, за мной пошли. И во всякомъ городѣ былъ мнѣ великій допросъ, и никакому душегубцу и разбойнику такого допросу не было, какъ мнѣ. Ѣхавши я дорогою и помыслилъ: напрасно я людей скоплялъ; а скопилъ–бы самъ себя и спасалъ–бы свою душу. Гдѣ ни взявшись Турка, и схватилъ съ моей головы престолъ и унесъ въ канаву. Я за нимъ гнаться, и говорю: отдай Турка, да отдай–же! а если не отдашь, то разорю всю лѣпость на землѣ, и мѣста ей нигдѣ не дамъ, и голову срублю. Тогда Турка взялъ самъ, на голову мою надѣлъ, и сказалъ: на вотъ! только насъ не трогай. И во время дороги нашли у меня, данныя дѣтушками моими, зашитыя въ платье, деньги сорокъ рублей. И тутъ меня офицеръ крѣпко билъ ефесомъ и палашемъ по всѣмъ моимъ составамъ, продолжая оное во всю даже дорогу, такъ что я во время наказанія кнутомъ не принялъ столько муки, какъ отъ него; ибо онъ всѣ члены мои разбилъ, и притомъ

говорилъ: ты праведный! тебѣ не надо имѣть деньги, а ты имѣешь. И взялъ оныя себѣ, и меня приказалъ каждый день бить, и хотѣлъ до смерти убить; отчего у меня и нынѣ правая рука и всѣ члены болятъ: но Господь его наказалъ. Везли меня полтора года, водою и сухимъ путемъ: шелъ съ прочими невольниками по канату, и, прибывши въ Иркутскъ, жилъ немалое время, и видѣлъ во снѣ про Сосновскихъ дѣтушекъ, что нечистый хочетъ корабель мой опрокинутъ, а я и сталъ вокругъ его ходить и столбы становить, съ матушкой своей Акулиной Ивановной и съ сыночкомъ своимъ Александромъ Ивановичемъ. И мнѣ про нихъ, а имъ про меня пять лѣтъ слуху не было, и не знали, гдѣ я нахожусь. Но Богъ нарядилъ дочку мою Анну Сафоновну, которая стала духомъ воспѣвать, какъ Отца своего Искупителя находить и кого къ нему изъ дѣтушекъ отрядить. И наконецъ нарядилъ Богъ судьбою своею Алексѣя Тарасьича и Марка Карповича. И говорилъ духъ мой, посланный Отца моего, чрезъ уста Анны

Сафоновны: поѣзжайте въ городъ Иркутскъ, и тамъ отыщете Батюшку нашего, сосланнаго въ заточеніе. Они ей отвѣчали: куда мы, матушка, поѣдемъ, и гдѣ намъ его найтить? Но она вторично чрезъ судьбу Божію прогласила: поѣзжайте! кромѣ васъ, некому ѣхать: не вы его найдете, но онъ васъ найдетъ. И такъ помолились Богу, и собрали всею обителію имъ на дорогу — тогда за суету не стояли — благословясь, и поѣхали въ Иркутскъ. И, пріѣхавши туда, поставили лошадей на постояломъ дворѣ, и между собой разсуждали: ну вотъ, что мы будемъ дѣлать? И вздумали идти на базаръ; а я тогда ходилъ по городу съ блюдомъ, сбиралъ на церковное строеніе, и увидѣлъ ихъ, подошелъ и сказалъ: здравствуйте! никакъ вы Россійскіе? Тутъ же меня признали, и залились горькими слезами. Но я имъ сказалъ: молчите, молчите, и подите на постоялый дворъ; я къ вамъ приду и съ вами переговорю. Въ вечеру я къ нимъ пришелъ, и обо всемъ съ ними переговорилъ, и отъ радости ночевалъ у

нихъ. И они меня просили съ собою въ Россію, и говорили, что за мной приіѣхали. Но я имъ сказалъ, что видѣлъ сонъ, будто по дорогѣ у васъ разосланы веретья, и нѣтъ мнѣ дороги къ вамъ. А я было только помыслилъ, и гдѣ ни взялся блаженный, и ударилъ меня по плечамъ палкой, и сказалъ: ступай, куда послали! что глядишь? ты назвался Отецъ и еще Учитель. И также Отецъ мой Небесный ѣхать мнѣ не велѣлъ, а поплакать приказалъ*. Почему я имъ и сказалъ: когда вы чанъ слезъ наплачете, тогда Отецъ мой Небесный меня къ вамъ отпуститъ; а теперь еще не время, и долженъ исполнить приказъ Отца моего. Затѣмъ я имъ сказалъ: когда вы поѣдете въ свою сторону, то нападутъ на васъ разбойники, и я не знаю, какъ васъ Богъ помилуетъ; однако Отецъ мой Небесный обѣщаетъ заступить: только вы, смотрите; ночи не спите, и у Бога

---

* Въ другомъ спискѣ «Страдовъ», послѣ этого случая, не въ Иркутскѣ, слѣдуютъ слова: «Еще же я скажу: когда я былъ въ Тулѣ, сидѣлъ на стулѣ, и тамъ есть монастырь Здвиженья, и я входилъ на колокольню, и во всѣ колокола звонилъ, и всѣхъ дѣтушекъ манилъ, и въ трубу трубилъ: подите, мои дѣтушки, ко мнѣ на корабль, а я вамъ буду всѣмъ радъ. Еще скажу: пасъ я овецъ, и самъ влѣзъ на древо кедръ, волку сказалъ: стерези овецъ! и на древѣ сидѣлъ, крестомъ благословляя на всѣ четыре стороны.»

милости просите, такъ Отецъ мой заступитъ. Поѣхали они отъ меня домой. Не доѣзжая верстъ пяти до той деревни, гдѣ живутъ разбойники, лежитъ на дорогѣ атаманъ безъ ноги, и сталъ ихъ просить: господа купцы! не можно ли потрудиться довезти меня верстъ пять до моей деревни? я самъ васъ за это не оставлю, и вы увидите, какую я вамъ за сіе воздамъ благодарность и добродѣтель! Они взяли его, и привезли въ его домъ. Братья его выскочили на дворъ съ радостію, и говорили: этакихъ намъ, братъ, купцовъ подхватилъ! Но какъ скоро увидѣли брата своего безъ ноги, то припечалились. А дѣтушкамъ моимъ пришлось у нихъ ночевать, и они сердцами своими чувствовали страхъ, и тутъ вспомнили мои слова, что я имъ говорилъ. И они на дворъ къ нимъ не поѣхали, а поставили повозку на улицѣ подъ окошкомъ, и говорили между собой: ну, братъ! смотри, чтобъ намъ, по глаголу Батюшкину, ночку не спать, и ляжемъ одинъ въ горницѣ, а другой въ повозкѣ. Разбойники–жъ между собою

стали говорить: ну, братья! приготовляйтесь, и берите, что кому надо, и смотрите, не плошайте, и сихъ гостей не упущайте. Но большой ихъ атаманъ услышалъ, что они сбираются моихъ дѣтушекъ убить, говоритъ имъ: нѣтъ, братья! не трогайте ихъ: оставьте и ничего имъ худаго не дѣлайте, но и не говорите имъ ничего; а завтра ихъ поутру проводите честно чрезъ ту деревню, гдѣ наши товарищи живутъ, и до той благочестивой деревни, гдѣ ихъ ничѣмъ не тронуть. Пріѣхали въ деревню, и тутъ насъ стали спрашивать: которой вы дорогой ѣхали и гдѣ ночевали? — Мы вотъ тутъ ѣхали, вотъ тутъ ночевали. — И стали тутъ дивиться: какъ васъ Богъ пронесъ этой дорогой! тутъ не довольно проѣзжимъ ѣхать, и мы, ближніе, боимся и пройти этого мѣста…

СКОПЧЕСКІЯ

ДУХОВНЫЯ ПѢСНИ.

А.

СОБРАННЫЯ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ПОКАЗАНІЙ

ВЪ СОЛОВЕЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

1.

У насъ было, на сырой на землѣ,
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.
Ужъ, на той колесницѣ огненной,
Надъ Пророками Пророкъ сударь гремитъ:
Нашъ Батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ Святой Божій Законъ.
Подъ нимъ бѣлой, храброй конь:
Хорошо его конь убранъ,
Золотыми подковами подкованъ;
Ужъ и этотъ конь не простъ:

У добра коня жемчужный хвостъ,
А гривушка позолоченая,
Крупнымъ жемчугомъ унизаная,
Во очахъ его камень–маргаритъ,
Изо устъ его огонь–пламень горитъ.
Ужъ на томъ–ли, на храбромъ на конѣ,
Искупитель нашъ покатываетъ:
Онъ катаетъ со златыми ключами,
По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ,
По инымъ землямъ Французскіимъ,
Французскіимъ и Иркутскіимъ;
Набиралъ полки премудрые,
Кавалерію духовную.
А теперь–то, други милые,
Прикатилось красно солнышко,
Во Сѣверную–Сторонушку,
Во Сѣверну во Питерскую:
При Батюшкѣ Искупителѣ,
При второмъ Спасителѣ,
Душамъ нашимъ воскресеніе.
Ужъ сталъ нашъ Батюшка родной,
Государь нашъ Полковникъ дорогой,
Своими полками полковать,
Разложилъ свой Евангель толковой....

2.

Благослови нашъ Искупитель,
Сударь Батюшка родимой,
Колоколъ твой зазвонити,
Птицу райскую сманити,
Про твои страды велики,
Горючи слезы пролити.
Какъ тебя, нашъ Искупитель,
Били мучили Іудеи,
А все злые Фарисеи,
Не дали мѣста въ Россіи.
На твою пречисту плоть
Налетали черны враны,
Надѣлали многи раны,
Отосланы въ дальни страны,
Во Иркутскую губерню.
Не безъ нужды–жъ тебѣ было,
Всеё землю исходити,
Пречистыми стопами,
Все ради насъ недостойныхъ.
А нынѣче Искупитель,
Сударь Батюшка родимой,
До насъ грѣшныхъ умилился,
Во Россію къ намъ явился.

Въ славномъ Питерѣ во градѣ
Свѣтъ нынѣче пребываетъ;
На всѣ четыре сторонки
Свѣтъ очами позираетъ,
И покровомъ покрываетъ.
Къ себѣ дѣтокъ призываетъ.
Ужъ вы дѣтушки идите,
Ничего вы не годите!
Придутъ, други, таки годы:
Укачу я въ Царски роды,
Останутся всѣ уроды;
Съ собой возьму изобранныхъ:
Съ ними буду ликовать,
Грѣшны будутъ горевать.
Не ровно время случится,
Иной воръ настучится;
Отъ воротъ ему откажутъ,
За безвѣріе накажутъ.

3.

По зарѣ, зарѣ вечерней,
Золота труба трубила,
Вѣрныхъ, праведныхъ трудила.
Съ неба Матушка скатила,

На Святой Кругъ покатила;
Изобранныхъ возвѣщала,
Ждать Батюшку обѣщала,
Приказала всѣмъ молиться.
Скоро Батюшка явится,
Красно солнце прикатится,
Въ домъ Давидовъ водворится,
На престолѣ воцарится;
Освѣтитъ на насъ лучами,
Зазритъ Батюшка очами,
Всѣхъ избавитъ насъ печали;
Въ Херувимскихъ крылахъ ляжетъ,
Про страды свои раскажетъ:
Какъ страдалъ Творецъ отъ твари,
Окружили его звѣри,
Запирали крѣпко двери.
Подносили ему лести,
Чтобъ по гробъ быть въ такомъ мѣстѣ,
Чтобъ Батюшку заключити,
Съ дѣтушками разлучити.
Но не знаютъ Фарисеи:
Нашъ Батюшка Искупитель
Обагрялъ кровью Россію.
Во страдахъ его великихъ,
Токи крови протекали,

Святы уста запекались,
Двѣ капельки проронились.
Еще свѣтъ нашъ Искупитель
Пострадалъ въ Суздалѣ градѣ,
Воскресилъ души во адѣ,
Приказалъ всѣмъ жить въ отрадѣ.
Съ нами Сынъ Божій, свѣтъ, помилуй насъ!

4.

Благослови, Вышній Творецъ,
Насъ: Христосъ воскресъ! воспѣть,
Искупителя вострѣть.
Полно пташечки сидѣть,
Приходитъ время летѣть,
Изъ затворовъ, изъ остроговъ,
Изъ темничныхъ запоровъ.
Караулятъ, стерегутъ,
Христа Бога берегутъ;
Крѣпки двери затворили,
Христа Бога заключили,
Будто радость получили,
То не знаютъ Іудеи,
И всѣ злые Фарисеи,

Како чудо претворится:
Крѣпкая дверь отворится,
Тяжелъ камень отвалится;
А нашъ Батюшка родной
Воскресеніемъ явится,
Чудеса будетъ творить:
Въ злату трубушку вострубитъ,
Ото сна вѣрныхъ разбудитъ;
Погонятъ его гонцы
Во всѣ стороны концы:
Будутъ вѣрныхъ вѣстить,
Что нашъ Батюшка родной
Много съ нами погоститъ.
Такъ намъ надобно, любезны,
Къ той порѣ себя исправить:
Всѣмъ нарядъ Божій достать,
Какъ предъ Батюшкой–бы стать!
Пора, други, украситься,
Чтобъ не стыдно намъ явиться,
Другъ на друга не вредиться,
Добрымъ дѣломъ не хвалиться,
А богатствомъ не гордиться!
Всѣ къ Батюшкѣ припадите,
И сердцами воздохните.
Спѣшитъ Батюшка, катитъ,

Онъ со Страшнымъ Судомъ,
Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
Со небесными дарами,
Со разными со вѣнцами,
Съ знаменами и крестами,
Со златыми со трубами,
Съ богатырскими конями.
Будетъ Батюшка дарить,
По плечамъ ризы кроить;
Къ вѣрнымъ, праведнымъ, съ наградой,
Со небеснымъ покровомъ.

5.

Ужъ ты бѣлый голубокъ,
Мой сизенькій воркунокъ,
По саду летишь, воркуешь,
Припалъ къ терему, послушалъ.
Что въ теремѣ говорятъ?
Волю Божію творятъ.
Да поди, братецъ, порадѣй,
Живымъ Богомъ завладѣй!
Да пошелъ братецъ, порадѣлъ,
Живымъ Богомъ завладѣлъ:
Онъ пословичку сказалъ,

Свою братью величалъ,
Сестрицъ, братцевъ обличалъ.
Красны дѣвушки сошлися:
Они Батюшку созвали.
Сударь Батюшка пошелъ,
Къ братцу съ пѣсенкой подшелъ:
Ужъ ты, братецъ молодецъ,
Ты неправдой, братъ, живешь,
Непорядки, братъ, ведешь;
Божью книгу ты читалъ,
Свою братью величалъ,
Сестрицъ, братцевъ обличалъ.
Почемужъ ихъ обличалъ?
Вѣдь надъ ними есть началъ,
Кто имъ ризушки тачалъ,
И добру ихъ научалъ.
Богу слава и держава,
Во вѣки вѣковъ, аминь!

6.

Ай, нуте–тка, други, порадѣйте–тка,
Вы у Батюшки сударя во зеленомъ саду!
Сія милость его Божья, благодать его Святая:

Ужъ и этой благодатью вы умѣйте повладѣть.

А золоты коренья вы не стаптывайте,

А серебрены вѣточки вы не обламывайте,

А бумажные листочки вы не осыпывайте.

Ай, нуте–тка, други, порадѣйте–тка,

И вы Батюшку сударя поутѣште–тка,

И насъ многогрѣшныхъ порадывайте.

7.

Аще съ Господомъ спасуся,

Лишенія не боюся;

Мысли злачны взвеселяютъ,

Упокойныхъ питаютъ.

Душу мою обнялъ еси,

Живый Боже на небеси.

Пребываешь ты въ чудесѣхъ:

Главу мою масломъ маслишь,

И далъ еси чашу свою.

Я же дивно уповаю,

Радость въ сердцѣ содѣваю:

Я со Ангелами ликую,

Въ винограде работаю,
Тебя красно воспѣваю,
Церковь твою прославляю,
Благодатью утверждаю.
Богу слава и держава,
Во вѣки вѣковъ, аминь!

8.

Пой дитятко во Соборѣ,
Когда убранъ во уборѣ.
Убиралъ тебя Отецъ,
Искупитель Богъ Творецъ;
Подарилъ тебѣ ларецъ,
Со своимъ со добромъ,
И со златомъ, съ серебромъ.
Будь богатъ, доброхотъ,
Когда пошелъ во походъ.
Ты гляди, братъ, позирай,
Гдѣ стоитъ блаженный рай.
Вотъ тебѣ моя исправа:
Суди судомъ Божьимъ право.
На главу твою вѣнецъ
Самъ накладывалъ Отецъ;
Наложимши, Государь,

Самъ изволилъ прорекать:
Ужъ ты, дитятко, не плачь!
Тамъ и нуженъ златой ткачь:
Не убойся такой страсти,
Избавитъ Богъ отъ напасти!
Я пошлю тебя въ Синодъ,
Понавѣдать тамъ сиротъ.
Ты реки имъ, прорекай,
Про мое про царство,
Про царское про бытье:
Какъ нашъ Батюшка сударь
На землѣ онъ ликовалъ,
На Святомъ Кругу каталъ,
Въ злату трубушку трубилъ,
Змѣя лютова убилъ,
А праведныхъ возлюбилъ.
Во вѣки вѣковъ, аминь!

9.

Видитъ Батюшка изъ рая,
Что катитъ птица моя.
Ее Батюшка встрѣчаетъ,
Крестнымъ знаменьемъ благословляетъ,
На Кругъ птицу отряжаетъ.

Отрядилъ птицу на Кругъ,
Накатилъ ей Святый Духъ,
Послалъ съ неба вѣрныхъ слугъ.
Ужъ вы, вѣрные, святые,
И праведные, честные,
Писаные образа!
Отойдетъ отъ васъ гроза.
Идетъ туча стороною:
Не ходите бороною,
Не вдавайтеся въ тоску,
Становитесь на доску.
Не пущу васъ Богъ въ Москву:
Хошь стрѣляетъ врагъ стрѣлою,
А я Богъ за васъ горою;
А мнѣ Богу все извѣстно,
И въ Адестѣ будетъ мѣсто.
Адестъ будетъ второй Питеръ,
Катать будетъ въ немъ Искупитель:
Братью будетъ обличать,
Что не вмѣли ризъ тачать;
Сестеръ будетъ величать,
На Кругъ Святой отряжать.

10.

Во собраньи во большомъ,
Во блаженствѣ во святомъ,
Сударь Батюшка пошелъ,
Всѣхъ праведныхъ обошелъ.
Ужъ Богъ помочь тебѣ,
Родимая сестрица!
Я въ гости къ тебѣ ходилъ,
Я добро тебѣ говорилъ,
Изъ потопы выводилъ:
Изъ потопы, изъ воды
Изъ осоки, изъ травы,
Изъ морской глубины.
Становилъ тебя, сестрица,
Я на Божьемъ на пути.
Во зеленомъ во саду,
Подъ яблонью подъ святой,
Буенъ воздухъ возставалъ,
Зеленой садъ всколыхалъ.
Зеленой садъ разшумѣлся,
Нашъ Батюшка умилился,
Въ зеленой садъ прикатился:
Ото сна насъ разбудилъ,
Маловѣрныхъ увѣрилъ,
Маломочныхъ подкрѣпилъ.
Мимо зеленова сада,

Протекала тутъ рѣка,
Подмывала берега.
Говорилъ тебѣ, сестрица:
Не ходи близко къ рѣкѣ
Ты, сестрица, не сступись,
И во вѣки не сгубись.

11.

Милосердый нашъ Отецъ
Во неволюшкѣ сидитъ.
Онъ на всѣ четыре страны
Своимъ окомъ позираетъ,
Всѣхъ Пророковъ перебираетъ,
На Святой Кругъ поставляетъ,
Судить судьбу благословляетъ,
Святова Духа вселяетъ.
Духъ въ Пророкѣ разблажился:
Читаетъ книгу Евангель,
А за правымъ плечомъ Ангелъ,
Крыломъ своимъ одѣваетъ.
Пророкъ Страды распѣваетъ,
Своего Гостя прославляетъ,
Съ Вышнимъ Небомъ поздравляетъ,
Со Небеснымъ его Царствомъ,

И со всей Силой Небесной.
Здравствуй, Батюшка родимой,
Ты, Сынъ Божій, Искупитель,
Молитвенникъ и заступникъ!
Тебя, агнеца живова,
Вся Небесная, свѣтъ, Сила,
На–готовѣ вострѣчати.
Стали вѣрные твои люди,
Службу Божью замѣчати:
Какъ бы, Батюшка родимой,
Не остаться сиротами? —
Глаголуетъ Искупитель,
Черезъ Духа онъ Святова:
Что я, дѣтушки избранны,
Желаю здѣсь съ вами пожити,
Съ вами подержать покровъ.
Безъ меня–то, мои други,
Возмутъ васъ въ Іудейски руки,
Спросятъ у васъ три поруки.
Тогда рѣденькой спасется,
Вся вселенна потрясется.
Во вѣки вѣковъ, аминь!

12.

Вы, братцы любезны,
Удаляйтесь бездны,
Царство покупайте,
Плотямъ не вступайте,
Старайтесь какъ можно,
Богъ судитъ неложно.
Да неужели–жъ, други,
Было не въ примѣту,
Какъ Богомъ–то свѣтомъ
Всегда говорится,
То и сотворится?
Да не надобно, други,
Суетой хвалиться;
А только намъ надо
Батюшкѣ молиться.
Батюшка родимой
Отъ насъ недалече;
Онъ пречистыми очами
Всѣхъ, Государь, видитъ;
Да не хочетъ, Владыка,
Никого обидѣть.
Вы, братцы любезны,
Садитеся крѣпче.
Заедино вмѣстѣ,
Слушайте, отъ Бога

Каки идутъ вѣсти.
Удаляйтесь, други,
Отъ негодной лести.
Кого плоть не искуситъ,
Того въ Царство пустятъ.
А злыхъ–то злодѣевъ,
До насъ не допустятъ.
Покроетъ Владыка
Насъ своимъ покровомъ,
Своимъ Святымъ Духомъ.

13.

Взбранный воевода нашъ, сударь Батюшка,
Взбранный воевода нашъ, Царь Небесный! —
Радуйся — Сладимъ–Рѣка изъ Рая течетъ,
Радуйся — Сладимъ–Рѣка съ Искупителемъ,
Радуйся — Сладимъ–Рѣка со Спасителемъ,
Радуйся — съ Святымъ Духомъ Утѣшителемъ,

Радуйся — Сладимъ–Рѣка, гласъ вѣщанія,
Радуйся — Сладимъ–Рѣка, гласъ ученія,
Во всѣ и концы земли подвселенныя! —
Долина Сладимъ–Рѣки — Саваоѳъ Господь;
Ширина Сладимъ–Рѣки — сударь Сынъ Божій;
Глубина Сладимъ–Рѣки — сударь Духъ Святый.
Плаветъ по Сладимъ–Рѣкѣ да царскій корабль:
Вокругъ царскаго корабля легкія лодочки,
Плывутъ легки лодочки, все фрегатушки;
Матросы — бѣльцы, стрѣльцы, Донскіе Козаки,
Воины заграничные, слуги вѣрные.
Восплываетъ Батюшка сударь Сынъ Божій,
Поправляетъ Батюшка сударь Духъ Святый.
По синему морю поплавываютъ,
И бѣлыми парусы размахиваютъ,

И въ гусли Давидовы выигрываютъ,
Глаголы Господни вычитываютъ,
Жениться они Батюшкѣ совѣтываютъ.
Сосватался Батюшка на Сіонъ–Горѣ;
Женился нашъ Батюшка на Голгоѳъ–Горѣ;
Вѣнчался нашъ Батюшка на Святомъ Крестѣ.
Радуйся Сіонъ–Гора, превысокая,
Радуйся Голгоѳъ–Гора, мѣсто лобное!
Женихъ къ тебѣ идетъ, жениться грядетъ:
Невѣсту взялъ, Батюшка, Саваоѳа дочь,
Саваоѳа дочь, дочку ближнюю,
Дочку ближнюю, Небо Вышнее;
А землю нашъ Батюшка во приданствѣ взялъ.
Зато Саваоѳъ отдалъ, что кровью страдалъ;
Зато Саваоѳъ уступилъ, что кровью купилъ.

14.

Изъ подъ той было крутой горы,

Изъ колодезя глубокова,
Родника было Господнева,
Протекала мати Втай–Рѣка,
Что по бѣлому по сахару,
И по алому по бархату.
У ней донышко серебреное,
Круты бережки позолоченые,
А желты пески крупной жемчугъ,
По бережку разсыпается.
Долина–то у тоя рѣки,
Отъ востока и до запада;
Ширина у ней по всей землѣ;
Глубина–то у тоя рѣки
Никому неисповѣдимая,
Опричь Батюшки родимаго,
Государя Сына Божія,
Да и Матушка помощницы,
Пресвятыя Богородицы.
Ужъ спасибо тебѣ Втай–Рѣка,
Что ты, Втай, къ намъ прикатилася,
Во сердца наши вселилася,
И свѣщами засвѣтилася!
Мое сердце покорилося,
Головушка приклонилася,
Ко родимому ко Батюшкѣ,

Ко Царю, свѣту, Небесному,
Государю Сыну Божьему,
Да и Матушкѣ помощницѣ,
Пресвятой Богородицѣ.
Послушайте, други милые,
Вы братья, сестры духовные,
Богомъ свѣтомъ полюбовные,
Сыномъ Божьимъ изобранные!
Не ходитежъ вы на Шатъ–Рѣку:*
Ужъ и кто изъ васъ на Шатъ пойдетъ,
И тотъ, други, зашатается,
Прочь отъ Батюшки отчалится,
Дойтить до Бога не чается,
Въ томъ и жизнь его скончается.

15.

---

* **Въ другомъ спискѣ, конецъ пѣсни отсюда слѣдующій:**
Не ходитеже вы на Шатъ–Рѣку:
А Шатъ, рѣка шатоватая,
Шатоватая, вороватая
И она непривѣтливая,
И сшибаетъ съ ума съ разума,
Безъ великой дѣлаетъ памяти.
Еще кто у васъ на Шатъ пойдетъ,
И тотъ, други, зашатается,
Прочь отъ Батюшки отчалится,
Дойтить до Бога не чается,
Въ томъ и жизнь его скончается.
И аминь Царю Небесному,
Утѣшителю Сыну Божьему,
Еще Матушкѣ помощницѣ,
Пресвятой, свѣтъ, Богородицѣ
И Царицѣ Небесноей.

На Страстной было Недѣлѣ,
За Христомъ гнались Юдеи.
Они гнали, не догнали,
Во глаза его видали,
И то его не узнали.
Со Апостольской бесѣдки,
Пошолъ Юда на базаръ.
Закупимши Юда хлѣба,
Сталъ онъ думать и гадать,
Какъ Христа Бога продать.
Онъ кидался и метался,
По Архирейскимъ по домамъ:
Вы духовны Архиреи,
Я хочу Христа продать,
Тридцать рублей злата взять.
Архиреи говорятъ:
Охъ ты, Юдушка Юдей,
Намъ такихъ надо людей.
Юда деньги получилъ,
Во адъ душу заключилъ.
Заключимши Юда душу,
Не сталъ думать и гадать,
Пошелъ съ Христомъ воевать.
Какъ Юдушка идетъ,

За собой Жидовъ ведетъ.
Жиды Юдѣ говорятъ:
Почему Христа признать?
Какъ Юда говоритъ:
Ой вы, воины мои Жиды!
Стану Христа ласковать,
Потому Христа признать.
Какъ Жиды догадались,
Позади Христа хватались.

16.

Утенушка по рѣчушкѣ плыветъ,
Выше бережку головушку несетъ:
Про меня младу худу славу кладетъ,
Будто я млада въ любви съ Богомъ жила,
Со Христомъ въ одномъ Согласьицѣ.
Я спать лягу, мнѣ не хочется:
Животъ скорбью осыпается,
Уста кровью запекаются.
Мнѣ къ Батюшкѣ въ гости хочется,
У родимова побывать, побесѣдовать,
На бесѣдушку Апостольскую,
И гдѣ Ангелы пришествуютъ,

И гдѣ Духъ Святый ликуется.

17.

Мои дѣтушки разгулялися,
И со Святымъ Духомъ разблажилися.
Выходила на нихъ безгодушка:
Мои дѣтушки испужалися,
Во темны лѣса разбѣжалися,
Во круты горы зарывалися,
Во желты пески засыпалися.
Они слово такое молвили:
Ты, Отецъ и Сынъ и Святой Духъ!
Не покинь ты насъ во темныхъ лѣсахъ,
И въ крутыхъ горахъ, и въ желтыхъ пескахъ.
Если у васъ будетъ вѣра, моленьице,
Моленьице, сердечное попеченьице;
Попеченьице, и слезное теченьице;
Не покину я васъ во темныхъ лѣсахъ,
Во крутыхъ горахъ, и въ желтыхъ пескахъ.

18.

Я по садику хожу,
Виноградъ спѣлой гляжу,
Мыслями къ нему взираю,
Сердце мое простираю.
Нашъ Батюшка идетъ,
Духъ Святый сударь катитъ
Хочетъ Страшенъ Судъ судить.
Засудитъ Страшенъ Судъ,
Бери въ голову разсудъ.

19.

Ой во саду, саду, во саду зеленомъ,
Стояло тутъ древо отъ земли до неба.
На это на древо птица солетала,
Птица голубица древо любовала,
Древо любовала, гнѣздышко свивала,
Гнѣздышко свивала, дѣтей выводила,
Дѣтей выводила, дѣткамъ говорила:
Ужъ вы, мои дѣтки, дѣтки голубятки!
Клюйте вы пшеничку, клюйте не роняйте,
Въ поле не летайте, въ пыли не пылитесь,

Въ пыли не пылитесь, росой не роситесь!
Дѣтки не стерпѣли, въ полѣ полетѣли,
Въ пыли запылились, росой заросились.
Ужъ какъ–то намъ быть, къ Батюшкѣ придтить,
К Батюшкѣ придтить, слезами залиться,
Авось нашъ Батюшка до насъ умилится.

20.

Ай у насъ на Дону,
Самъ Спаситель во дому,
И со Ангелами,
Со Архангелами,
Съ Херувимами, сударь,
Съ Серафимами,
И со всею Силою
Со Небесною.
Ай Духъ, Святой Духъ!
Эка милость благодать
Стала духомъ обладать.
Богу слава и держава,
Во вѣки вѣковъ, аминь!

Б.
СОБРАННЫЯ ВЪ БѢЖЕЦКОМЪ УѢЗДѢ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.
21.

Всю Троицу величаючи,
Милость Божію ожидаючи,
Благодать съ неба стерегучи,
Птицей райской распѣваючи,
Сына Божьяго прославляючи.
Ужъ у насъ было, на святой Руси,
На святой Руси, на бѣломъ на свѣту,
На разливѣ зари вечернія,
На закатѣ краснаго солнышка,
На восходѣ свѣтлаго мѣсяца,
Не злата трубушка вострубливала,
А проглаголывалъ нашъ Батюшка родной,
Изъ пречистыхъ устъ сахарныхъ своихъ:
О свѣтъ, мои милые дѣтушки,
И всѣ вѣрные, послѣдніе сироты!
У меня есть для васъ Сіонъ, мать гора:
Разливалась бѣла утрення заря,

Объявился нашъ распятый Божій крестъ,
У насъ нынче второй Христосъ воскресъ;
Утвердилъ онъ золотой, сударь, престолъ
Посреди... селенной Руси;
Вострубилъ онъ въ свою золоту трубу,
Подаетъ гласъ во всѣ четыре стороны,
Чтобъ слышали всѣ вѣрные рабы,
Еще слышали послѣдніе сироты.
Ужъ какъ нынче нашъ Батюшка родной,
Ровно птица, поднебесный нашъ соколъ,
Покатился онъ во всякой во Соборъ,
Учредилъ Соборъ Пророковъ на Кругу,
Позлатилъ всяку пороченую трубу.
Вострубили его золоты трубы,
Про его, свѣта, великія Страды.
Ужъ какъ нынче нашъ Батюшка родной
Прославляетъ славный Питеръ онъ свой градъ,
Работаетъ онъ свой зрѣлый виноградъ,
Всѣмъ душамъ грѣшнымъ даетъ сударь отрадъ.
Ужъ какъ нынче нашъ Батюшка родной,

Великія нестерпимыя Страды,
Посадилъ во всей селенной онъ сады;
Во садахъ–то онъ древо постановилъ,
Пречистою своею кровію поливалъ
И небеснымъ покровомъ покрывалъ.

22.

Свѣтъ нашъ, Батюшка Спаситель
И Сынъ Божій Искупитель,
И великій нашъ страдатель,
Агнецъ Божій и Создатель,
О! премудрыя твои дѣла!
Пострадали чистыя тѣла,
Безъ всякаго пороку.
Тебя, агнца живаго,
На сырой землѣ, Пророка,
Вездѣ будутъ прославлять,
На престолѣ проздравлять.
За святое пѣнье
Претерпѣлъ всякое гоненье.
О дражайшій Сынъ Божій!
Нельзя вздумать и взгадать,
Будешь Царствомъ владать,
И блаженными Раями,

И всей Силушкой Небесной.
Произшелъ весь путь ты тѣсный
Во–вторы, нашъ Спаситель,
За насъ грѣшныхъ страдаешь,
Плачешь, Батюшка, рыдаешь,
И дни, ночи не всыпаешь,
Въ Небо просьбу посылаешь,
И къ Царю тайно катаешь
И его сердце умягчаешь.
Видимъ, Батюшка родной,
Мы тебя, свѣтъ, прогнѣвили,
Въ тебѣ Бога не вмолили,
И Матушку не впросили,
И всю Силушку Небесну.
Посадили въ мѣсто тѣсно:
Не дошло плача рыданье;
Нѣту тамъ съ тобой свиданья.
Теперь, Батюшка, спохватились:
Видно прошло злато время,
Не поспѣло наше сѣмя.
Тебѣ свѣта со плодами,
Оставили со страдами.
Надо слезамъ горько литься,
За твой, агнецъ, вѣкъ молиться.
Ожидаемъ поры–время,

Время, радостнаго часу,
Отъ Царя явно указу,
За трудника, тебя свѣта.
Ожидаемъ тепла лѣта:
И Духъ Святой обѣщаетъ
Тебѣ свѣту свободиться.
Свѣтъ Матушка Царица,
Въ небесахъ стала молиться,
Предъ Господомъ со слезами:
Ужъ Отецъ ты мой Небесный,
Когда будетъ свобожденье
Сыну Божьему, премѣна?
Не въ силушку труды нести.
Къ нему идутъ съ неба вѣсти,
И Духъ Святой возвѣщаетъ,
Сыну Божьему онъ много,
Много вѣку обѣщаетъ.
И Сынъ Божій, Искупитель,
Глаголывалъ, свѣтъ, устами:
Что я, дѣтушки любезны,
Теперь за васъ отвѣчаю:
Вамъ бы въ этомъ мѣстѣ быть,
За желѣзными вратами;
Вамъ не вынесть сиротами:
Упадете вы на землю,

Не возстанете на ноги.
Просите у Бога помоги,
Чтобъ изъ этого мнѣ мѣста
Поскорѣе свободиться,
Къ вамъ бы, дѣтушки, явиться.
Надо много вамъ молиться
Стопамъ моимъ преклониться.
Выручайте, мои други,
Чистой вѣрой со слезами.
Какъ дойдутъ ваши прошенья,
Получите, во отраду,
Приказу къ Питеръ–Граду.
Просвѣчу я всѣ Соборы,
Засвѣчу мѣстну свѣчу....

23.

Мы подумаемъ, братцы,
Погадаемъ, молодцы!
Какъ послѣднее время
Доживать намъ до конца,
До конца тѣла и души,
Вѣчно какъ будетъ спасать!
Ужь мы станемъ, други, жить,
Богу искренно служить.

Въ небеси–то Богъ творитъ,
Духъ Святой говоритъ:
Ужъ вы, братья и сестры,
Всѣ возлюбленны мои!
Ужъ вы слушайте указъ,
Гдѣ бываетъ мой приказъ.
Вы суды вкупѣ судите,
А все правду разсудите;
Вы дѣла мои храните,
А ближнихъ не судите:
Всякой думай о себѣ,
О послѣднемъ Судіѣ.
Вы другъ друга любите,
Свои дѣти не губите;
Государя Святаго Духа
Въ сердцахъ своихъ носите.

24.

Безначальный Государь,
Свѣтъ нашъ, Батюшка родной,
Учитель нашъ дорогой,
Наставникъ нашъ преблагой,
Полный Духъ сударь Святой,
И вся Троица нераздѣлима,

Божествомъ, непостижима!
Прибудетъ самъ Господь,
Самъ Господь Богъ Саваоѳъ:
Онъ свѣтъ въ небѣ самъ ликуетъ,
Ей! самъ въ небѣ онъ ликуетъ.
Ужъ какъ служатъ Государю,
Батюшкѣ нашему родному,
Да всѣ Ангелы Святые,
Херувимы, Серафимы,
И Апостолы, и Пророки,
И всѣ праведные люди.
Ужъ велико, люди, дѣло
Про Батюшку исповѣдать,
Про Небесную, про Силу!
Статно, други, говорить,
Ужъ какъ знаешь про что,
Да не то любишъ кого.
Ужъ какъ любитъ насъ Владыка,
На сырой, свѣтъ, на землѣ:
Онъ праведныхъ принимаетъ,
А грѣшныхъ призываетъ.

В.

ВЗЯТЫЯ ИЗЪ ДѢЛА О СКОПЦѢ, УНТЕРЪ–ОФИЦЕРѢ МОРСКОЙ ТИПОГРАФІИ, МИРОНѢ ДАНИЛЬЧИКОВѢ.

25.

Благослови солнце, луна,
Надъ главами глава Царь,
Благослови нашъ Искупитель,
Сударь Батюшка родимой!
Во Соборѣ судить судъ,
Про Страды твои, про трудъ.
Благослови, наша надежда!
Описать твои Страды.
Твои первыя Страды:
Оставилъ столичные грады:
Оставилъ Питеръ, Москву,
Оставилъ грановитыя палаты,
И всѣ мраморные дворцы,
И высокой свой тронъ,
Пересталъ гостить на немъ.
О свѣтъ нашъ солнышко,

О свѣтъ наше красное,
Сударь Батюшка родимой,
Искупитель, Ключь сладимой,
Своимъ вѣрнымъ источникъ,
И всѣмъ праведнымъ помощникъ!
Пропустилъ рѣку Евфратъ:
Саваоѳъ Богъ ему радъ,
Что оставилъ земной градъ,
Пошелъ волей на Страды
Насадилъ свои сады,
Виноградныя древа —
И Учителей, Пророковъ,
Чтобъ не дѣлали пороковъ;
Къ небесамъ–бы всѣ стремились,
И молились, не лѣнились;
Дожидались–бы поры,
Когда сойду я съ горы,
Со Иркутской со большой.
Трудно было мнѣ бѣжать:
Захотѣлося отцу
Сынковъ, дочекъ поддержать;
Отнялъ у сына всю страсть,
Подойти къ Царю подъ власть.
Святымъ Духомъ заблажилъ,
Про отца Царю доложилъ:

Онъ не умеръ, вѣдь онъ живъ.
Во Иркутскѣ все блажилъ,
Сорокъ лѣтъ страдалъ онъ, жилъ.
А Царь сердцемъ встрепенулся,
На отца онъ ужаснулся;
И заплакалъ, затужилъ,
Всѣ собранья нарушилъ;
Послалъ скораго гонца
Отыскать своего отца:
Чтобъ представить–бы въ столицу,
Со Иркутской со границы.
Скоро это сотворилъ,
Къ отцу двери растворилъ,
Онъ взошолъ со бурнымъ духомъ,
И самъ гордо говорилъ:
— Сотворю волю мою,
Теперь я имѣю власть:
Возведу тебя на тронъ,
Отдамъ скипетръ и вѣнецъ,
Если только мой отецъ. —
Нашъ Батюшка Искупитель
Глаголалъ слово съ высоты:
Что грѣху я не отецъ,
Разорить пришелъ въ конецъ:
Чистоту буду любить,

Грѣхъ хочу весь порубить;
А во праведной семьѣ
Буду въ трубушку трубить,
Всѣхъ поставить, утвердить. —
А Царь крѣпко осерчалъ,
Забылъ первой свой началъ;
Потомъ очень закричалъ,
Затворилъ онъ крѣпко двери:
— Не хочу быть въ твоей вѣрѣ;
А за этотъ за смѣшокъ,
Пошлю въ каменной мѣшокъ. —
Нашъ Батюшка Искупитель
Кроткимъ гласомъ провѣстилъ:
— О! я бы Павлушку простилъ!
Воротись ко мнѣ ты, Павелъ,
Я бы жизнь твою исправилъ! —
А Царь гордо отвѣчалъ,
Божества не замѣчалъ;
Не сталъ слушать и ушелъ.
Нашъ Батюшка Искупитель
Своимъ сердцемъ воздохнулъ,
Правой рученькой махнулъ:
— Поди, земная клеветина,
Къ вечеру твоя кончина!
Я изберу себѣ слугу,

Царя Бога на Кругу;
А земную Царску справу
Отдамъ кроткому Царю:
Я всѣмъ трономъ и дворцами
Александра благословлю.
Будетъ вѣрно управлять,
Властямъ воли не давать;
А я, съ вѣрными своими,
Буду Бога прославлять,
И Учителямъ, Пророкамъ,
Буду вѣрно управлять,
Слабость, лѣпость отнимать.
Я вамъ истинный Христосъ.
Буду съ вами пребывать,
Всѣмъ Учителямъ, Пророкамъ
Приказъ строгой отдавать. —
Учители не слабѣйте,
А Пророки не робѣйте,
Къ Отцу своему радѣйте.
На землѣ мы порадѣемъ,
Въ Небѣ Царствомъ завладѣемъ.
Всѣ Учители и Пророки
Подвизалися съ трудомъ,
Чтобы быть съ Божіимъ судомъ;
Отдавали сердца, главы,

Чтобы быть въ Божіей исправѣ.
Батюшка имъ помогалъ,
Въ небо ручки поднималъ,
Христосъ воскресе! распѣвалъ.
Возрастала чистота,
Веселилась высота.
Вѣрны Богомъ насладились
И земнымъ обогатилась;
Стали будто какъ вельмоги,
Забыли просить помоги
У Владыки, у Творца;
Не дождалися конца,
Возгордились на Отца:
Не стали въ слабостяхъ спущать,
И Царя стали смущать.
Искупительскіе слуги
Въ жизни стали очень слабы,
А надъ нами вели строго,
Не пущали до порога.
А Царь это и узналъ;
И слугъ эвтихъ онъ услалъ,
Въ печать сердце поразилъ,
На всѣхъ тихо погрозилъ:
— Я немного погожу
Отца отъ васъ провожу:

Не извѣстно будетъ вамъ,
Не откроется къ вамъ самъ;
Не узнаютъ и Пророки,
Какъ пошлю его далеко.
Не станете слабо жить,
О плотяхъ своихъ тужить! —
А послѣдніе сироты
Поглядаютъ на вороты:
На тотъ батюшкинъ дворецъ,
Гдѣ присутствовалъ Отецъ.
Плачутъ слезно и рыдаютъ,
Еще Отца дожидаютъ.
Духъ Святый провѣстилъ:
Онъ васъ дѣтушекъ простилъ;
Онъ оставилъ вамъ округу
И полную благодать.
Въ чистотѣ, дѣвствѣ живите,
Божью заповѣдь храните.
Я увижусь въ тѣлесахъ,
Не укроюся отъ васъ.
А слабыя кои души
Творятъ рожномъ простоту,
Не пріидутъ въ высоту;
Останутся на землѣ,
Во своей слабой семьѣ.

Страды Батюшка прославитъ,
Своихъ дѣтокъ не оставитъ,
Подъ покровомъ всѣхъ поставитъ.
Богу слава и держава,
Во вѣки вѣковъ, аминь!

26.

Отъ бѣлой зари, отъ бѣлой зари,
Отъ Востокъ–Страны, отъ Иркутскія,
Выкатало къ намъ красно солнышко,
Красно солнышко, сударь Батюшко,
Сударь Батюшка, Искупитель свѣтъ.
Ты, Сіонъ–Гора, гора превысокая!
Выкаталъ онъ къ намъ яснымъ соколомъ:
Полный Духъ Святой кораблемъ плыветъ,
Одѣяніе свѣту бѣлаго;
Въ кораблѣ кормщикъ — Второй Сынъ Божій,
Все дражайшій нашъ Искупитель свѣтъ;
Въ кораблѣ знамя — Матерь Божія,
Наша Матушка, свѣтъ помощница,
Пресвятая свѣтъ Богородица;

Въ кораблѣ мачта – полный Духъ Святой.

Грому страшнаго, преужаснаго,

Огонь–полымя, жарка молонья!

Въ кораблѣ сила несчетная,

Милліонами, билліонами:

Бѣлы голуби летятъ тучами,

Летятъ тучами, за крестъ мучимы:

Все скопцы купцы, земли Греческой;

Все кормщики, милліонщики,

Именитые, знаменитые;

Знамена несутъ, кандалы трясутъ,

Въ колкола звонятъ, сокола манятъ.

Съ ними соколъ летитъ, Духъ Святый катитъ,

Духъ Святый катитъ, съ награжденіемъ:

За страданія – дарованія

Злата, серебра, крупна жемчугу

И съ пресвѣтлыми брилліантами.

Съ нами Богъ Богамъ, съ нами Царь Царямъ,

Съ нами Царь Царямъ, съ нами Духъ Духамъ!

Онъ прошелъ огонь, огонь–полымя,

Огонь–полымя, костры огненны.

Онъ идетъ, грядетъ, въ грады Царскіе,
Въ грады Царскіе, въ мѣста Райскія,
Во Давидовъ домъ, въ тайну Божію!
Тайна Божія совершается,
Ужь во томъ ли дому во Давидовомъ,
Благодать Божія и съ гуслями тамъ:
Катаютъ Духи Блаженные,
Съ полками Ангельскими, Архангельскими,
Съ Херувимами, съ Серафимами,
И со всею Силою Небесною,
А въ тѣ трубы окованыя,
Окованыя, ликованыя.
Тамъ гудятъ гусли безпрестанныя:
Въ нихъ гремитъ органъ грому страшнаго,
Грому страшнаго, преужаснаго,
На кимвалахъ бьютъ, на литаврахъ льютъ,
Горючи слезы льютъ съ рыданіемъ;
На златыхъ гусляхъ, на святыхъ псалмахъ,
Струнушка гласитъ живогласная.
На горѣ стоятъ, на Сіонскоей,
Они молятся къ престолу агнеца,

Къ престолу агнеца Искупителя
И Святаго Духа Утѣшителя,
Люди первенцы земли скуплены.
Они скуплены Искупителемъ
И Святымъ Духомъ Утѣшителемъ;
Они молятся въ тайну Божію.
Заповѣдано отъ всего міру,
Отъ всего міру, міру темнаго;
Только свѣдомо Святымъ Ангеламъ,
Святымъ Ангеламъ и Архангеламъ,
Съ Херувимами и Серафимами,
Со Апостолами, со Пророками,
И страдателями вѣрными, праведными,
Не женивыими и нельстивыими,
Во устахъ лести не пріемшими.
Они молятся въ лицо агнецу,
Въ лицо агнецу Искупителю
И Святому Духу Утѣшителю.
Ихъ моленіе грому страшнаго,
Грому страшнаго, преужаснаго:
Изо устъ у нихъ — огонь–полымя,
Огонь–полымя, жарка молонья.
И аминь Царю, Царю Небесному!

27.

Ты свѣти, свѣти, свѣтъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Обогрѣй ты насъ, красно солнышко!
Прикатился къ намъ Государь Батюшка,
Со восточной, Государь, со сторонушки,
Изъ своей, Государь, изъ неволюшки.
Покажишь ты намъ свой пречистый ликъ!
А мы ждемъ тебя всяко времечко,
По суду, глаголу небесному.
Къ намъ трубила труба престольная,
Возвѣщалъ Святый полный Духъ,
Что живый Богъ къ намъ откроется,
Онъ во имени Святой Троицы,
И со полныимъ воскресеніемъ,
Со великою, сударь, славою.
Запоютъ Ангелы Небесные,
На гласы жалкіе, заунывные,
Про страды его, про мученія,
И про крестъ его, про терпѣніе,
Про путь, дальнее похожденіе,
И про трудныя его ступенечки.
Во винахъ своихъ повинитися,
Во стопы ему поклонитися,
За ноженьки ухватитися,

Въ путь за Господомъ покатитися!
Воскричали они громкимъ голосомъ:
— Ужъ ты, свѣтъ наше красно солнышко,
Обогрѣй наши сердца нутренни!
Ужъ ты, царство наше небесное,
Не оставь ты насъ на сырой землѣ! —
Проглаголовалъ Государь Батюшка,
Онъ ко всѣмъ своимъ вѣрнымъ, праведнымъ:
— Что вы, вѣрные, изобранные!
Я дождусь той поры, времечка,
Перебирать буду всяко сѣмечко.
Я отъ чистыхъ не укроюся:
Надъ Царями Царь я откроюся:
Завладѣю всѣми Престолами
И Короною со Державою;
Всѣ Цари, Власти мнѣ поклонятся! —
Какъ во ту пору, во то времечко,
Небеса будутъ чудеса творить,
Зазвонятъ они въ большой колоколъ,
Ко великому прославленію.

28.

Ай у батюшки, у родимаго,
У милостиваго Монарха,
У небеснаго Патріарха,
Во его царской полатушкѣ,
Гостятъ гости полюбовные,
Его дѣтушки все духовные.
Собралися они, солетѣлися,
На его свѣта наглядѣлися,
Изо устъ глаголъ насладилися,
И вокругъ его всѣ садилися.
За его вѣсти...
Ужъ и сталъ Судья сердца грѣти,
Заставляетъ пѣсенки пѣти.
Пойте всѣ Израильскія птицы,
Пойте братцы и сестрицы,
Пойте всѣ согласнымъ гласомъ,
Утѣшайте Судью Спаса.
И вы слушайте, что въ указѣ:
Какъ–бы вы въ домахъ этакъ жили,
Весьма–бы Богу заслужили;
Какъ слезами–бы этакъ лились,
Надъ вами Ангелы–бъ въ крылахъ вились,
На древа бы ваши садились,
Съ вами въ Царствіи насладились.

Нутка, Спасовы вы дѣти!
Не бесчастны вы на свѣтѣ.
На васъ солнышко съ лучами свѣтитъ,
Всѣ садочки ваши обогрѣваетъ,
Теплымъ воздухомъ потягаетъ;
Самъ Спаситель съ нами засѣдаетъ.
По его Спасителевой просьбѣ
Благодать съ неба къ намъ скатаетъ;
Онъ во всѣ страны ее отпущаетъ.
Объ немъ Духъ Святой возвѣщаетъ,
Что онъ много грѣшныхъ душъ прощаетъ.
Вдоль синева моря ходитъ,
Шелковой неводъ свой заводитъ,
Бѣлу рыбицу Судья ловитъ,
На путь Божій души приводитъ;
Во грѣхахъ Судья ихъ прощаетъ
И указомъ имъ подтверждаетъ,
Наказъ полный имъ поручаетъ,
Чистотой ихъ жить научаетъ,
Имена въ книгу онъ включаетъ,
Древа въ саду отличаетъ;
Изо устъ духомъ прорекаетъ:
Вы стойте, древа, не шатайтесь,
Вѣрно, праведно, вы спасайтесь,

На судъ Божій вы припасайтесь,
И вы злому не поддавайтесь,
Во власть Божью вы отдайтесь.
Такъ вамъ Господь во всемъ поможетъ,
Благодать въ сердца онъ положитъ,
Онъ покроетъ васъ святымъ покровомъ.
Отнынѣ и до вѣка!

29.

Спаситель сударь нашъ,
Пребывай всегда ты въ насъ,
Ты нашъ Батюшка Владыка,
Свѣтъ Сынъ Божій Государь!
На тебя свѣтъ уповаемъ,
Не погибнемъ никогда.
Правда Божія твоя
Сохраняетъ насъ всегда.
Ты заступникъ, Сударь, нашъ,
Не оставишь никогда.
Ты намъ, Батюшка, ограда
И душамъ нашимъ отрада.
Твоя истинна святая
Пребудетъ до конца.
Ты насъ, Батюшка, не оставилъ,

На путь истинный наставилъ,
Любовь Божью наградилъ,
Свою милость намъ явилъ.
Мы къ тебѣ, свѣтъ, прибѣгаемъ,
Тебя въ пѣсняхъ восхваляемъ.
Какъ у насъ было, братцы,
Въ большомъ царскомъ кораблѣ,
Пребогатый сидитъ гость,
Іоаннъ сударь Предотечь.
Его милости много
И во всемъ онъ намъ помога.
Кораблемъ онъ управляетъ,
Отъ враговъ насъ избавляетъ.
На корабль онъ не пущаетъ,
Злыихъ, лютыихъ звѣрей,
Своимъ словомъ прогоняетъ
Божьей властью завсегда.
Какъ плыветъ нашъ корабликъ
По синему по морю.
Легки вѣтры возставали
И къ востоку понесли.
Мы встанемте, братцы,
И поклонимтеся,
Пребогатому гостю,
Іоанну Предотечу.

Онъ насъ, Батюшка, хранилъ,
До Востока доводилъ.
Просилъ онъ, нашъ сударь,
Сына Божьяго свѣта,
Въ семъ нашемъ кораблѣ
Съ Богомъ, съ Батюшкомъ, прибыть.
Спаситель сударь нашъ
Со Апостоламъ гулялъ.
Онъ бесѣдовалъ съ нами
Въ тайныхъ мѣстахъ, Государь;
Призывалъ онъ насъ, Владыка,
Въ царство Божіе свое,
И всѣхъ своихъ людей
Ко спасенью приводилъ.
Пророчество имѣлъ
Во предбудущемъ лѣтѣ,
И въ болѣзняхъ исцѣлялъ
Своей волею всегда.
Владыку, Сына Божья,
Били, мучили его:
И едины изъ Апостолъ
Предаша его —
На зло, лютое мученье,
На распятіе,
И всѣмъ злымъ врагамъ

На поруганіе.
Онъ нашъ Батюшка терпѣлъ,
И всѣ страсти принималъ;
Онъ, принявши всѣ страсти,
На крестѣ онъ былъ распятъ.
Прослезился Государь
Видя праведныхъ людей.
Матерь Божія Марія
Слезно плакала объ немъ.
Свою волю возымѣлъ,
Самъ спасти всѣхъ захотѣлъ;
И тридневный онъ воскресъ,
И всѣхъ въ радость обратилъ,
Ужъ онъ адъ разрушилъ,
Враговъ всѣхъ сократилъ.
Ты стонай же, вѣчный адъ!
А я пойду въ садъ гулять:
Прикачусь я, Государь,
Во праведный Божій родъ.
Ужъ вы, ой еси! вы дѣти,
Всѣ вы братцы и сестрицы!
Вы возьмите себя въ разумъ,
Какъ Сынъ Божій терпѣлъ.
Онъ страданья принималъ,
Всѣмъ намъ путь показалъ.

Онъ насъ златомъ наградитъ,
И складать намъ не велитъ.
И намъ надобно, братцы,
По его слѣду итти,
До царствія–бы дойти,
Получить–бы намъ, братцы,
Что сказано на землѣ.
Провѣщалъ намъ Святый Духъ:
Вѣнца славу намъ воздать,
За работу, за труды,
И за всѣ его дѣла.
Спаситель сударь нашъ
Изволить пребывать,
Въ Седьмомъ Небѣ, на престолѣ:
Отъ престола Божьей славы
Самъ изволитъ посылать,
Съ Седьмаго Неба, Владыка,
Святаго Духа, Государь.
Онъ нашъ Батюшка катитъ,
Какъ соколъ сударь летитъ:
Души наши просвѣщаетъ,
По сердцамъ нашимъ катитъ;
Плоти наши ублажаетъ,
Въ любви жить утверждаетъ.
По округѣ самъ катилъ,

Весь корабликъ просвѣтилъ.
Изо устъ гласъ испущаетъ,
Свою милость намъ являетъ:
Ужъ вы, ой еси! удалые,
Всѣ добрые молодцы!
Любовь Божью вы имѣйте,
Не погибнете никогда.
Не ходите вы, други,
По разныимъ путямъ;
Не глядите вы, други,
По разныимъ сторонамъ;
Не творите вы, други,
Злаго тяжкаго грѣха;
Не прогнѣвайте, други,
Вы Небеснаго Отца;
Не сроните золотаго,
Своего злата вѣнца;
Вы несите его
До послѣдняго конца;
И до самаго, други,
До Превышняго Творца.
Такъ, други вы милые,
Успокоите Отца.
Во вѣки вѣковъ, аминь!

30.

Какъ не бѣлый снѣгъ бѣлѣется,
Забѣлѣлися и заалѣлися
Удалые, добрые молодцы:
Они чистые, непорочные,
Грѣхамъ тяжкіимъ недоточные;
Они плачутъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ключи гремятъ.
Посреди ихъ сударь Сынъ Божій,
Онъ речетъ, Государь, глаголаетъ,
Изо устъ своихъ пречистыихъ:
— Вы, возлюбленные дѣтушки,
И вы, чистые, непорочные,
Грѣхамъ тяжкіимъ недоточные!
Вы о чемъже такъ слезно плачете,
И вы плачете, какъ рѣка льется,
Возрыдаете, что ключи гремятъ? —
Отвѣтъ держатъ добрые молодцы:
— Государь, родимой Батюшка!
Ужъ какъ–же намъ не плакать?
Нами міръ, народъ ругается,
Тобой, Господомъ, поношается! —
Проглаголовалъ имъ сударь Батюшка:
— Вы, возлюбленные мои дѣтушки,

И вы, чистые, непорочные,
Грѣхамъ тяжкіимъ недоточные!
Потерпите время малое,
Кратку жизнь сію на сырой землѣ.
Я за то васъ буду жаловать,
Дарить я конями богатырскими;
Еще ризами нетлѣнными,
И вѣнцами семигранными;
Еще Царствіемъ Небеснымъ,
И Раемъ–то, Раемъ блаженныимъ!
И аминь Царю Небесному!

31.

Пойду съ горя, грѣшная, разгуляюся,
Взойду къ древамъ въ садъ, повидаюся.
На всѣ на деревья пріятно смотрю;
Всѣ мои деревья приблекши стоятъ:
Иныя назадъ покривилися;
Другія деревья поломалися;
А еще деревья, коренья гніютъ;
А во всѣхъ деревьяхъ позябли сердца.
А знать на деревьяхъ зима холодна:
Все воздухъ бьетъ, цвѣты не цвѣтутъ;
Древушки приблекши иныя лежатъ.

Прикатилась Матушка съ Восточной–Стороны,

Съ Восточной–Стороны, съ неба съ высоты,

Съ неба съ высоты, съ престола красоты.

Пошла я въ зеленъ садъ на древа смотрѣть.

Идетъ наша Матушка, устрашилася,

Встрепенулася рукамъ, залилась слезамъ:

— Да кто таковъ былъ, весь садъ засушилъ?

Знать не въ двери — въ щель, сквозь стѣну попалъ? —

Сѣла наша Матушка, одна во саду,

Залилась слезами къ Отцу своему:

— Государь мой Батюшка, помощникъ ты мой!

Неужли мой Батюшка могъ садъ присушить?

Всегда ты заступникъ со мной пребывалъ:

А нынече, Батюшка, ушелъ въ высоту;

Оставилъ страдати меня сироту! —

Проглаголовалъ Батюшка, съ неба съ высоты,

Съ неба съ высоты, съ престола красоты:

— Не плачь, не плачь Матушка! всегда я съ тобой!

Невидимо съ вами, всегда я у васъ:

Всегда я свои дѣла тайныя творю,

Всякое древочко росою рошу:

Только, моя Матушка, въ иныхъ вѣры нѣтъ.

Да кто мои дѣтушки, мой крестъ понесутъ,

Смиренные, кроткіе, тѣ меня найдутъ;

А буйные, гордые, тѣ всѣ въ адъ пойдутъ,

Всѣ свои заслуги съ собой понесутъ! —

Проглаголовала Матушка къ Отцу своему:

— Государь, мой Батюшка, помощникъ ты мой!

Скажишь ты, мой Батюшка, притчу намъ свою:

Откину я пастыря, повянетъ мой садъ.

Тепере, я вижу, всѣ овцы — отцы,

Будто, мой страдатель, твой крестъ понесли! —

— Не плачь, не плачь, Матушка! я самъ на кормѣ:

Управляю самъ я своимъ кораблемъ.

Надѣйтеся, дѣтушки! всегда живу съ вами,

И будетъ отъ Сына покровъ мой надъ вами.

Во вѣки вѣковъ, аминь!

32.

По синему морю корабль восплываетъ,

Съ дорогимъ корабль товаромъ, цѣны ему нѣту:

Терпитъ горя корабль много, середи здѣсь моря,

Пристанища ему нѣту, вездѣ его гонятъ.

Налетали злые духи, на нихъ черны враны;

Сталъ корабликъ возшататься, вѣрный колебаться,

На Исусову надежду сталъ онъ сомнѣваться.

А торгующіе товаромъ стали преступаться;

Хотя много торговали, дешево давали.

Самъ хозяинъ отвѣчаетъ, цѣну накладаетъ:

Хотя вовсе не берите, уступки не будетъ.

Торгующіе испугались, съ корабля бѣжали.

Не дается товаръ даромъ, никакимъ обманомъ:

Кто хочетъ купить товару, оставь свою волю.

Злая воля ихъ погнала, стоять не давала;

Нутро адомъ закипѣло, стоять не велѣло:

Все стрекаютъ, заглядаютъ, потянуть желаютъ.

33.

Сокатала наша Матушка,

Наша Матушка, помощница,

Пресвятая Богородица,

Сокатала съ неба на землю,
Къ Государю Искупителю,
Къ нему свѣту во неволюшку.
Со слезами наша Матушка
Его свѣта уговаривала:
— Государь, родимой Батюшка!
Полно тебѣ во неволюшкѣ сидѣть,
Пора тебѣ съ земли на Небо катить.
Пожалуй свѣтъ, сударь Ботюшка родной,
Ко мнѣ въ гости, во Седьмое Небо,
Во Седьмое Небо, во блаженный Рай.
Я тамъ тебя утѣшать буду,
Утѣшать буду, ублажать стану,
Со Ангелами, Архангелами,
Съ Херувимами, Серафимами! —
Глаголуетъ Государь Батюшка родной
Ко родимой своей Матушкѣ:
— Сударыня моя Матушка,
Родная Матушка, помощница,
Пресвятая Богородица!
Мнѣ не время катить на Небо,
Мнѣ не льзя оставить дѣтушекъ,
Своихъ вѣрныхъ, изобранныхъ сиротъ,
Изобранныихъ, Богомъ званныихъ,

На землѣ ихъ безъ защитушки,
Безъ защитушки, безъ оградушки.
На нихъ нападутъ звѣри лютые,
Разгонятъ ихъ по темнымъ лѣсамъ,
По темнымъ лѣсамъ, по крутымъ горамъ.
Сударыня моя Матушка,
Родная Матушка, помощница,
Пресвятая Богородица!
Дай мнѣ сроку ты хошь на шесть лѣтъ!
Соберу я своихъ дѣтушекъ,
Своихъ вѣрныихъ, изобранныихъ,
Избранныихъ, Богомъ званныихъ:
Соберу ихъ въ одно мѣстышко:
Совью имъ теплое гнѣздышко:
Совершу на землѣ Божій Судъ,
Тогда кончу превеликой свой трудъ! —
Свѣтъ аминь Царю Небесному
И святому Духу блаженному!

34.

Ой по саду, саду, по зеленоемъ саду,
Поднималась райска птица во превышнюю высоту:

Приказалъ намъ Искупитель хранить вѣрнымъ чистоту.

Чистый законъ вы Христа, Сына Божьяго, хвалите,

Что агнецъ милосердный открылъ правой свой законъ.

Прозвонилъ нашъ Искупитель во свой звонкій колоколъ:

Поднималась райска птица, нашъ Израильскій соколъ;

Укатилось красно солнце, по–за облаки высоки.

Ужъ и свѣтить красно солнце во всѣ стороны далеко;

Ужъ и зритъ нашъ Искупитель во всю землю и концы,

Что не можно упаситься ни единой вѣдь овцы.

Онъ сидитъ агнецъ на тронѣ, во злату трубу трубитъ:

Отъ его чудотворенья, всему міру на вдивленье;

Отъ лица его сіяетъ свѣтлѣй солнечнаго зрѣнья.

Трубитъ агнецъ и глаголетъ во подзорныя трубы;

Убирается Спаситель, живой агнецъ, на Страды.

Покатится Искупитель, самъ Святой полной Духъ.

Выбиралъ нашъ Искупитель себѣ вѣрныихъ онъ слугъ;

Разсылалъ нашъ Государь по разныимъ сторонамъ,

Страдателей, садовниковъ, по зеленыимъ садамъ.

Трубитъ агнецъ и глаголетъ ко садовникамъ своимъ:

Поливайте–жъ вы, садовники, сажденныя древа;

Собирайте–жъ вы, садовники, духовные плоды.

Живу Богу предносите, его милости просите.

Пойте въ небо жалкимъ гласомъ, созывайте Судью Спаса.

Прикатится Судья Спасъ, тогда Батюшка родимый:

Пербирать будетъ атласъ, прочитаетъ свой указъ,
Потребуетъ барыши, отъ праведной отъ души.

35.

Ай гулюшка голубокъ!
Куда разумъ твой глубокъ,
Птица, райскій гуркунокъ!
Когда птицею гуркуешь,
Все про Царствіе толкуешь,
Ты про Царство про Небесно
И про Рай про блаженный.
Повелѣньемъ все творишь,
Христосъ воскресъ! говоришь,
Лѣпость творить не велишь;
Во страхѣ всѣмъ пребывать
Завсегда, сударь, велишь.
Всякой часъ, всяку минуту,
Благодатью ты владаешь,
Всей вселенной управляешь;
Невидимо тамъ бываешь,
Гдѣ въ смиреньи пребываютъ,
Горьки слезы проливаютъ,

И въ радѣньи пребываютъ.
И гдѣ просьбы адаютъ,
Тамъ сошествіе творишь
Ко избраннымъ говоришь;
Глаголъ тихой изливаешь,
Все тайное открываешь,
Впередъ тайну прорекаешь,
Соколомъ туда летаешь.
Внутри дышетъ теплота:
Разрыдалась сирота,
Расплакалась вѣрная,
Вѣрно–праведна душа.
Принесла Богу вины,
Пошла волей на Страды,
Во тѣ замки, во тюрьмы;
Просидѣла во затворѣ,
Не была долго въ Соборѣ.
Протекало быстро время:
Отъ божественной руки,
Орошала тамъ роса;
Появилася краса,
Если душа хороша.
А изъ Раю соколина,
Позвала душу въ долину;
Показала ей всѣ угоды,

Гдѣ ликуютъ праведные роды.
Обѣщала за труды,
Вострубить въ златы трубы.
Какъ восплакалась душа
Передъ Батюшкой Отцомъ:
Слышу, вижу, Государь!
Даришь, жалуешь вѣнцомъ:
Не оставь меня во вѣкъ.
Духъ Святый мнѣ прорекъ:
Хоть головушку сложить,
Да съ тобой свѣтомъ пожить,
Во блаженствахъ всегда быть,
Грѣха злаго погубить.
Подъ покровомъ твоимъ стану,
Прославлять тебя не престану,
Аминь!

36.

Какъ не золота трубушка жалобнешенько
Вострубливала, ай! жалобнешенько:
Возставали, возставвли духи бурные;
Заходили, заходили тучи грозныя.
Соберемтесь, братцы, во единъ Соборъ,

Посудимте, братцы, такую радость.
Ужъ вы, вѣрные, изобранные!
Вы не знаете и не вѣдаете,
Что у насъ нынѣ, на сырой землѣ,
Катаетъ у насъ изъ Раю птица,
Летитъ, въ тую сторону глядитъ.
Гдѣ трубитъ труба златая,
Тамъ нашъ Батюшка.
Благослови, Вышній Творецъ,
Милосердый Богъ Отецъ!
Твою пѣсенку намъ спѣть,
На честной образъ глядѣть.
Благослови, нашъ Искупитель
Сударь Батюшка родимой!
Колоколъ прозвонити,
Птицу райскую сманити.

37.

Ой спасибо тому, кто въ Божьемъ дому,
А въ началѣ спасибо Небесному Царю.
И спасибо хозяину съ хозяюшкою,
На хлѣбушкѣ, на соли и на жалованьѣ.
Что поилъ, кормилъ сударь насъ, много жаловалъ,

Что поѣли, попили, побесѣдовали:

Мы про Исуса про Христа Бога совѣтывали.

А Илья, сударь, Енохъ — всю вселенную прошелъ,

Всю вселенную прошелъ, на Седьмо Небо взошелъ;

А Василій–то Великій — на Соборъ итти велитъ;

А Григорій Богословъ — читалъ книгу Родословъ;

А Иванъ–то Златоустъ — учитъ вѣрныхъ изо устъ,

А Борисъ, сударь, и Глѣбъ, — сосылалъ намъ сущій хлѣбъ;

Саватій–то и Зосимъ — свѣтъ у Господа просилъ,

Свѣтъ у Господа просилъ, эвтотъ даръ намъ разносилъ;

А Архангелъ Михаилъ — всѣхъ недруговъ побѣдилъ,

Всѣхъ недруговъ побѣдилъ, со Седьмаго Неба сбилъ;

А великій Николай — своей помощи подалъ;

А Илья, сударь, Пророкъ – по Седьмомъ Небу каталъ,

Грозны тучи наводилъ, сильны дожжички спустилъ,

На сырой–то на землѣ, сущій хлѣбушка родилъ,

Сущій хлѣбушка родилъ, вѣрныхъ, праведныхъ кормилъ,

Онъ поилъ, кормилъ сударь насъ, много жаловалъ.

Что поѣли, попили, побесѣдовали,

Про Исуса про Христа Бога совѣтовали.

А братцамъ и сестрицамъ по поклону всѣмъ.

Аминь!

В. ДАЛЬ